

Валерий Филатов

остросюжетный
шпионский боевик

*Парад
искажений*

Генерал КГБ Ткачёв, бывший полковник и опер Главка МВД распутывает казалось бы незамысловатые преступления — то исчез первый секретарь горкома, то украли бриллиантовую брошку... Но оказывается, что эти преступления связаны в единую цепь событий, происходящих после неких договоренностей КГБ и ЦРУ.

К чему могут привести эти события и пытается разобраться генерал Ткачёв.

Февраль 1981 года.

Первые пять дней февраля Ткачёв крутился, как белка в колесе. Ему пришлось подписать кучу бумаг в связи с созданием его отдела; кое-как, наспех, обустроить предоставленную ему дачу и проследить, чтобы сотрудники отдела получили всё необходимое для работы.

После январской операции в Зареченске Ткачёв так и не зашёл в управление МВД, где служил раньше.

— А зачем вам туда заходить, — говорил ему Андропов после совещания с начальниками отделов. — Все необходимые для вашего перевода бумаги согласованы и подписаны. Деньги и документы вам доставит наш курьер. Надо будет где-то расписаться — распишитесь. Курьер отвезёт бумаги обратно.

— Но как же? — недоумевал Ткачёв.

— Андрей Викторович, ваш отдел имеет особую степень секретности. Вам придётся расследовать преступления против нашей страны на нашей территории, совершенные нашими гражданами, занимающими высокие посты в различных органах власти. Лучше подумайте о создании в вашем отделе разведывательно-диверсионной группы. События во время Олимпиады в Москве, и в Зареченске — в частности, говорят о том, что враги нашего государства могут пойти на многое, — Андропов жестко сверкнул глазами за линзами очков. — Например, у нас совершенно нет опыта против различных проявлений террора. А работники высших эшелонов власти запросто могут создавать в своём окружении бандитские и террористические группы. Кто будет с ними бороться? Или вы будете продолжать вместе со своим агентом бегать с пистолетом за преступниками?

Ткачёв не роптал после этого разговора. Ситуация в стране действительно была «горячей» — после комплексной проверки МВД были уволены и подверглись уголовному преследованию тысячи бывших коллег Ткачёва.

Андрей Викторович выкроил время, чтобы ознакомиться с личными делами сотрудников его отдела.

Майор Гришаев Евгений Арсеньевич — аналитик. Он напоминал Ткачёву Поплутину — оперативника Зареченска, лежавшего в госпитале после тяжелого ранения. Такого же плотного телосложения, с наивным, но пронзительным взглядом.

Майор Городов Валерий Иванович — старший опер отдела. Очень серьёзный мужик, судя по характеристике и послужному списку.

Капитан Муслим Ахмедович Танаев — с фото на Ткачёва смотрел черноглазый парень, чуть склонив голову. Чувствовался резкий и своенравный характер.

Старший лейтенант Агеева Екатерина Павловна — худощавая женщина, но прекрасный розыскник. Переведена из Ленинградской области. Ткачёв поморщился, только женщин в отделе ему и не хватало...

Андрей Викторович не посмотрел только одно дело — агента под псевдонимом «Хмель». Его дело можно было взять только в секретном архиве с разрешения председателя КГБ. На вынос из архива дело не давали. Но, наверное, Ткачёв, несмотря на любопытство, не очень хотел знакомиться с делом Хмеля. В Зареченске Андрей Викторович не то, чтобы сдружился с агентом, а в их отношениях было нечто большее. Хотя, возможно, Хмель так не

считал.

Разговаривая с сотрудниками отдела, Ткачёв понимал, что они пока относятся к нему с недоверием, но признают его как начальника — Андропов не назначал в руководители неизвестно кого.

«Со временем сработаемся», — думал генерал, мало представляя, сколько времени у него будет. И ещё он должен был привыкнуть к костюму и галстуку. Последнее Ткачёв ненавидел. Эта «удавка» на шее его раздражала. Тут, как назло, Андрей Викторович оказался перед острой нехваткой сорочек подходящих костюму. В бытность опера Ткачёв привык к свободным свитерам и рубашки носил только летом, так и гладить сорочки было некому, что было ещё одной острой проблемой.

Андрей Викторович, стесняясь, попросил совета у Агеевой, попросив остаться после совещания. Екатерина, от неожиданной просьбы, удивленно хлопнула глазами:

— Товарищ генерал, вам некому купить сорочки?!

— Так получилось...

Ткачёв вздохнул, разведя руками:

— Я даже не знаю, где их можно купить и сколько они стоят. Да и не носил я их так часто...

Старший лейтенант поняла. Вернее, она поняла, что Ткачёв стал генералом не за то, что отдавал приказы, сидя в кабинете, а за некие действия, о которых она не имела понятия. Да и не был генерал заносчив и самолюбив. А вот то, что опытен... сомнений не вызывало. Выданные на отдел две новые «Волги» с телефонами говорили о многом.

В дверь кабинета постучали.

— Войдите, — сказал Ткачёв, не поворачиваясь.

В кабинет вошла женщина. Элегантный костюм с длинной юбкой сидел на ней, как парадная форма дембеля ВДВ. Скуластое миловидное лицо с чуть тронутыми помадой пухлыми губами и короткой стрижкой на русых волосах.

— Андрей Викторович, — обратилась к нему женщина, — я ваш секретарь — Кудрявцева Елизавета Сергеевна, — она протянула Ткачёву тонкую папку. — Вот моё личное дело с заявлением и направлением из отдела кадров.

— Я думаю, что теперь вопрос будет решён, — улыбнулась Агеева.

— Вы так считаете? — удивился Ткачёв. — Что же, можете быть свободны...

Старший лейтенант, проходя сзади Кудрявцевой, по достоинству оценила секретаря, восхищенно покачав головой.

— Присядьте, — Ткачёв показал Елизавете на стул, а сам сел за стол и принялся изучать содержимое личного дела. Кудрявцева грациозно присела, сдвинув колени на манер гимназисток и выпрямив спину.

Характеристика впечатляла. Но ещё больше впечатлила приписка самого Андропова — направить в отдел Ткачёва. Андрей Викторович размашисто подписал направление и папку закрыл.

— Будем работать, Елизавета Сергеевна. Если вам что-то требуется, то составьте список. Я отнесу в хозчасть. С телефонами работать умеете?

— Да, — не задумываясь, ответила Кудрявцева.

— Отлично, а то я просто разрываюсь с ними. Порой, не знаю за какой хвататься. Если у вас нет вопросов, то можете приступать к работе.

— Благодарю. Вам ещё нужно моё дело? Я могу его отнести в отдел кадров?

— Да, да... возьмите.

После её ухода, Ткачёв облегчённо вздохнул. Посмотрим, конечно, но с секретарём будет гораздо легче. А то всё сам, да сам...

Андрей Викторович взглянул в окно на заснеженную площадь Дзержинского, снующие вокруг памятника автобусы и машины. Вообще-то, после командировки в Зареченск, он хотел немного отдохнуть. Хотя бы пару дней. Думал, что приедет Надя, и они вместе смогут навести порядок на даче, выделенной ему из жилого фонда КГБ. Но она сказала, что пока Ткачёв не разведётся с женой, переезжать к нему в Москву не собирается. Он поскучал, но втянувшись в работу, решил отложить и развод, и приезд Надежды. Не до этого.

Запищал вызовом интерком. Ткачёв слегка вздрогнул от неожиданности, потом нажал светящуюся зелёным кнопку.

— Андрей Викторович, — послышался чёткий голос Елизаветы Сергеевны. — По первому каналу генерал-лейтенант Трефилов...

— А что мне надо сделать? — он судорожно рассматривал телефонный пульт.

— Нажмите кнопку с цифрой один и снимите трубку.

— Спасибо...

Ткачёв нажал кнопку и поднёс трубку к уху.

— Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант.

— Не надо так официально, Андрей Викторович, — усмехнулся Трефилов. — Но я по делу. Сейчас к тебе придёт курьер. Прими от него пакет и распишись в получении. После того, как прочитаешь документы, убери их в сейф. Свои соображения выскажешь к пяти вечера.

— Слушаюсь, Анатолий Романович.

И только он положил в трубку, как в кабинет вошла секретарь.

— Курьер из секретного отдела...

— Да, пусть войдёт.

Зашел сотрудник в форме капитана, протянул Ткачёву пакет и листок получения. Андрей Викторович расписался, и, отпустив курьера, кивнул Елизавете:

— Пожалуйста, не пускайте ко мне никого.

Она понимающе склонила голову, и Ткачёв с удовольствием отметил строгость и элегантность её причёски.

Заперев дверь изнутри, как требовала инструкция и, зашторив окна, Андрей Викторович включил настольную лампу и открыл пакет. Записка с грифом «особо секретно» выскользнула на зелёное сукно стола. В ней было указано, что город Южноморск активно посещают иностранцы. Цель их визитов обозначается как туристическая, но мест для туризма в городе нет. При выяснении принадлежности иностранцев к спецслужбам, таких связей не выявлено, но в городе выросла криминогенная обстановка. Отделу Ткачёва предписывалось провести оперативную разведку города с целью выяснения возможных связей иностранных туристов с криминалитетом Южноморска.

— Вот только командировки на море мне сейчас и не хватает, — прошептал Ткачёв, доставая блокнот.

Он ещё раз внимательней изучил текст записки и выписал в блокнот основные пункты. Взглянул на часы, висевшие на стене кабинета над портретами Дзержинского и Андропова. До пяти вечера оставалось времени три часа. А Ткачёв ещё не обедал. И с сорочками ничего не решил.

Андрей Викторович убрал пакет в сейф, раздвинул шторы и подошёл к столу. Нажал кнопку вызова секретаря.

— Слушаю, — отозвалась Елизавета.

— Пожалуйста, пригласите сотрудников отдела на срочное совещание в два тридцать...

Ткачёв подумал, что за полчаса не успеет сходить в столовую и пообедать.

— И ещё... У нас есть возможность попить чай? А то я не успеваю...

— Через пять минут будет, — бодро отрапортовала секретарь.

Генерал вздохнул и пошёл открывать дверь.

Через полчаса все сотрудники отдела, развернув блокноты, собрались внимать указаниям руководителя. Но Ткачёв не спешил. Он ходил по кабинету, рассматривая пол под ногами, и думал с чего ему начать.

По сути не было никакой информации, но было необходимо составить план мероприятий и доложить Трефилову. Сотрудники уже недоуменно поглядывали на генерала, пытаясь догадаться о том, чем вызвано экстренное совещание.

— Да, товарищи, — наконец Ткачёв остановился у стола. — Пожалуй, я поспешил. Надо было дать вам время подготовиться к совещанию.

— А что на повестке? — майор Гришаев отложил блокнот и откинулся на спинку стула.

Андрей Викторович вздохнул.

— На повестке у нас Южноморск. Кто-нибудь слышал о таком городе?

Сотрудники переглянулись, и капитан Танаев неуверенно ответил:

— Южноморск мелькал в сводках по «икорному делу», но подробности лично мне не известны...

— Точно! — перебил его Гришаев. — Южноморск фигурирует в деле «Железной Беллы» — по не установленным данным, сожительницы первого секретаря крайкома. Помню, в деле была одна странность. Когда арестовали Беллу, то пропал первый секретарь Южноморска. Кстати, его до сих пор не нашли.

— А что местная милиция? — насторожился Ткачёв. — Они проводили розыски?

— Мы не участвовали в этом следствии, — пожал плечами майор.

Андрей Викторович задумался. Пропажа первого секретаря горкома была хорошей «зацепкой» для проведения оперативных работ.

— Хорошо, — кивнул генерал. — Валерий Иванович, соберите по этой пропаже всю информацию, которую только возможно. Муслим Ахмедович с Екатериной Павловной займутся сбором информации по посещению иностранными туристами Южноморска за последние два месяца. А вы, Евгений Арсеньевич, попробуйте связать перемещения туристов с датой пропажи первого секретаря горкома. Если «вылезут» неизвестные фигуранты, то хорошо бы иметь на них данные. Впрочем, не мне вас учить, майор. Если найдёте хоть что-то необычное, или противоречивое, то это будет только плюсом. Можете аккуратно поинтересоваться у коллег из других отделов. Но... очень аккуратно. Аналитическую записку жду сегодня к пяти. Вопросы?

Гришаев поморщился.

— Я не очень представляю то, что мне надо сделать, товарищ генерал.

Ткачёв почесал лоб.

— Поначалу исходите от даты пропажи первого секретаря, — он положил на стол лист бумаги и стал чертить кружочки и стрелки. — И от места пропажи. Потом попробуйте наложить на это данные наружного наблюдения за иностранцами. Поднимите протоколы

допросов Беллы...

— Мы будем искать секретаря горкома Южноморска? — перебил его майор Городов.

— Мы будем искать его возможные связи с иностранцами, — объяснил Ткачёв. — Но если при этом мы обнаружим другие связи, то тоже неплохо. КГБ работало в этом направлении?

Он не сказал «мы», «наша контора», «наши коллеги», поскольку ещё не привык так говорить. Сотрудники поняли.

— Я поинтересуюсь в каком направлении работали смежные отделы, — спас положение Гришаев. — Зайду в следствие — у меня есть там хорошие знакомые.

— Вот и отлично, — с благодарностью взглянул на майора Ткачёв. — Я на час уеду, а вы, Евгений Арсеньевич, постарайтесь. У меня в пять встреча с руководством.

Андрей Викторович не стал изобретать велосипед, а отправился в ресторан «Пекин». Ему ещё по возвращению из Зареченска хотелось встретиться с Автондилем, но новоиспечённый генерал настолько замотался, что времени не было. А тут и повод был.

Ткачёв не стал звонить и предупреждать Автондила о своём приходе. Он посчитал, что теперь это ни к чему.

Времена нынче изменились. Если раньше, когда Андрей Викторович работал опером в МВД, авторитеты собирались на скромных «малинах», то теперь «авторитетные вопросы» решались в пафосных ресторанах. В заведении был отдельный кабинет, где уважаемый «вор в законе» принимал «посетителей». Автондил Акакиевич был не простым законником, контролирующим отдельный участок территории, а «вором над ворами» — одним из трех представителей воровской «элиты» СССР. И разрешение на встречу можно было получить только после контрольного звонка в ресторан.

Ткачёв проигнорировал последнее правило, хотя до сих пор неукоснительно его придерживался.

Швейцар на входе показал генералу табличку «закрото на спецобслуживание» в ответ на требовательный стук по стеклу двери. Андрей Викторович тихо, но грязно выругался и достал удостоверение. Высокий старик-швейцар отпрянул от стекла, будто увидел ядовитую змею, но через секунду трясущимися руками дверь отпер.

— А вот теперь, ежели когопустишь, — прорычал, входя Ткачёв, — сгною на Колыме. Откроешь ресторан, когда я уйду... Автондил здесь?

— Да, Андрей Викторович, — пролепетал швейцар, с трудом веря в происходящее. Буквально две недели назад он видел Ткачёва ещё полковником МВД.

Злой генерал зашёл в кабинет Автондила, когда тот читал «Правду», прихлебывая кофе из маленькой чашки.

— Андрюша?! — авторитет чуть не выронил чашку из пальцев.

— Не ожидал, Макакыч? — с явным сарказмом спросил Ткачёв, присаживаясь напротив.

Автондил быстро пришёл в себя. Выдавил дружелюбную улыбку.

— Не ожидал, право. Мог бы и позвонить...

— Нет, Автондил, — проговорил генерал сквозь зубы. — Ответь мне... Ведь это ты посоветовал меня Трефилову, когда испугался за своё посредничество в Зареченске?

Авторитет сдвинул брови вверх, взглянув на потолок.

— Допустим. И что?

— А почему ты мне об этом не сказал? Ведь, рассказав эту историю до моего отъезда,

ты мог существенно облегчить мне расследование. Мало того, ты сразу засветил меня Марии...

— Стоп, Андрюш, повремени... Первое — Трефилов запретил мне кому-либо что-то рассказывать. Второе — я тебе помог, согласись. Ведь знаешь, как у нас расценивают помощь ментам. Да, признаю, что я влез в эти дела, не особо подумав, но все же остались довольны.

— Автондил, ты выкрутился из этого дерьма, благодаря мне и ментам. Двое из них погибли...

— Насколько мне известно, Топтыга будет помогать их семьям...

Ткачёв усмехнулся.

— Так деньги на эту помощь Топтыге я разрешил взять. Не из общака эта помощь. Кстати, на общак там тоже обломилось. Верно?

Авторитет щелкнул языком.

— Признаю. Так что ты хочешь, полковник?

— Пока не знаю, но будешь должен.

Автондил неподдельно удивился.

— Мне кажется, что я никогда не отказывал тебе в помощи. Что произошло?

— Так ты будешь продолжать сотрудничать? — спросил Ткачёв и, рывкнул, выгоняя из кабинета заглянувшего помощника авторитета по кличке «Чародей». — Скройся!

— Андрюша, что за тон?!

— Отвечай, Автондил Акаккиевич!

— Ладно, не кричи... Помогу...

Андрей Викторович положил на стол развернутое удостоверение. Взглянув на него, Автондил схватился за сердце. Авторитет должен отвечать за свои слова, если только они даны не ментам. Но Ткачёв уже официально не был ментом, и выходило, что Автондил дал согласие на сотрудничество с КГБ.

— Ты поступил подло, Андрей. Зачем?!

— А ты как со мной поступил?..

Авторитет молчал. Подставить мента не считалось зазорным в их «обществе», но подставить генерала КГБ было равносильно самоубийству.

— Ладно, Макакыч, не пузырьрся, — снисходительно улыбнулся Ткачёв. — Ты читал сказку «О рыбаке и рыбке»?

— Ты это к чему?

— К тому, что когда исполнишь три моих желания, то мы расторгнем наш союз. Слово даю, что после их исполнения, о помощи просить тебя не буду.

Авторитет задумался. Ткачёв уже знал много про его связи, раз вышел сухим из воды Зареченского лабиринта. И он мог попросить желание, от которого у Автондила были бы серьёзные проблемы. С другой стороны, авторитет был сам виноват, что «повёлся» на барыши, предложенные иностранными спецслужбами. Но он же не знал! На него выходили «уважаемые» люди из числа воров в законе. Автондил подумал, что не надо было напрямую выходить на генерала Трефилова, а было бы лучше сделать это через Ткачёва. Но... после драки кулаками не машут. И эти три желания будут платой за неосмотрительность и жадность. А там, может быть, генерал КГБ Ткачёв ещё и пригодится.

— Согласен, Андрей, — выговорил авторитет. — Надеюсь, что расписку ты с меня брать не будешь.

— Завтра здесь, в шесть вечера, — поднялся генерал и пошёл к выходу из ресторана, не попрощавшись.

— Чародей, дай сигарету! — Автондил посмотрел вслед Ткачёву и трясущимися пальцами взял предложенное «Мальборо». — Развёл меня, Андрюша. Ах, развёл!

— Что делать будем? — тихо спросил Чародей.

— Молчать... И ждать завтрашнего дня. Мы пока ничего не сделали...

Собрав записки от сотрудников отдела, Ткачёв отпустил их по домам. Потом прочитал и записал в блокнот тезисы будущих мероприятий. Надо было идти на доклад к Трефилову, но ровно в пять генерал-лейтенант зашёл сам.

— Андрей Викторович, чаем не угостишь?

Елизавета Сергеевна будто заранее знала намерения Трефилова — через минуту кружки с горячим чаем с лимоном и вазочка с конфетами «Мишка на севере» стояли на столе.

— Оперативно, — улыбнулся генерал-лейтенант, и, проводив взглядом секретаря, попросил Ткачёва. — Докладывай...

Андрей Викторович открыл блокнот.

— Есть версия, что события в Южноморске связаны с пропажей первого секретаря горкома. Учитывая то, что это отголоски «икорного дела», думаю, будут ещё «пропажи». Южноморск, по странному стечению обстоятельств, особо не трогали. Поэтому туда и пошли косяком иностранцы.

— А подробней, — попросил Трефилов, отхлебывая чай.

— Небезызвестный секретарь крайкома сейчас в Москве. Похоже, что его вывели из-под удара и по оперативным данным пророчат кресло заместителя министра. Наверняка в Южноморске остались его люди, а, возможно, и часть производства. Что там ещё делать иностранцам? Сочи, Геленджик — перешерстили капитально, а Южноморск — не трогали.

— Считаешь, что бывший секретарь крайкома может зачищать следы в Южноморске?

— Не только. Дело бесхозным не останется. Найдутся люди, которые приберут его к рукам. Недаром прокурора, ведшего дело, отстранили. После этого всё и заглохло. А первый секретарь крайкома весьма близок к Леониду Ильичу...

— А хорошо мыслишь, Андрей Викторович, — Трефилов даже встал, отодвинув стакан с недопитым чаем. — А вторая версия?

— Дело передали кому-то за хорошие деньги. И этот кто-то связан и с милицией, и с уголовниками. А сам не светится. Первый секретарь горкома не зря пропал. Как мы успели выяснить, теперешний первый секретарь не имеет никакого «веса». Значит там сидит «серый кардинал».

— Так, так, так, — затараторил Трефилов, расхаживая по кабинету. — Интересно...

Он остановился и повернулся к окну.

— И что думаешь делать, Андрей Викторович?

— Сначала поговорю с Автондиллом на предмет участия в этом воров в законе.

— А если он ничего не скажет...

— Скажет, — твёрдо сказал Ткачёв.

— Хорошо, — Трефилов был спокоен, произнося это «хорошо». — Когда у тебя будет информация?

— Думаю, завтра к вечеру.

— Годится.

Генерал-лейтенант уже взялся за ручку двери кабинета, но повернулся к Ткачёву.

— Юрий Владимирович просил напомнить о его просьбе после твоего первого совещания с начальниками отделов. Надеюсь, ты помнишь... Лично мне он не сказал о чём тебя просил, но советую не пренебрегать его просьбами.

— Я сейчас не припомню, но обязательно вспомню, — растерялся Андрей Викторович, вставая.

Трефилов благожелательно кивнул и вышел из кабинета.

Ткачёв медленно сел на стул, озабоченно наморщив лоб. И о чём его просил Андропов?!

«— Андрей Викторович, ваш отдел имеет особую степень секретности. Вам придётся расследовать преступления против нашей страны на нашей территории, совершенные нашими гражданами, занимающими высокие посты в различных органах власти. Лучше подумайте о создании в вашем отделе разведывательно-диверсионной группы...»

Ах, вот оно! А почему такая спешка?!

В дверь кабинета осторожно постучали.

— Войдите, — генерал поднялся, чтобы убрать блокнот в сейф. Раздался легкий стук каблучков секретаря.

— Андрей Викторович, я купила вам сорочки...

Ткачёв от неожиданности уронил ключи. Потом поднял и виновато взглянул на Кудрявцеву.

— Не благодарите, — улыбнулась она уголком губ. — Если вам что-то нужно, то попросите прямо, а не через лейтенанта Агееву. И собирайтесь домой — я вызвала машину. Поздно уже.

«Властная женщина! — подумал генерал, поспешно собираясь. — Но чертовски красива!»

Шофёр Ткачёву попался неразговорчивый. Они ехали по вечерней Москве и ни разу серьёзный, и сосредоточенный на вождении мужчина не обронил ни слова. Только когда машина выехала за пределы МКАД, он негромко проговорил:

— Я ваш персональный водитель, товарищ генерал. Старшина Трофимов Павел Павлович. Сегодня первый день на службе, уж извините...

— Ничего, старшина, всё нормально. У меня суетной день был сегодня. Я тоже... недавно на этой службе.

Трофимов заметно расслабился. Напряжённость, до этого звенящая тишиной, пропала. Внутрь новенькой «Волги» будто прорвались звуки с улицы — шуршание шин и гул мощного двигателя.

Доехали они быстро. Провожая Ткачёва до калитки дачи, старшина кашлянул, привлекая внимание генерала:

— Андрей Викторович, если надо вам чего, то я сгоняю.

— Спасибо, Пал Палыч, — Ткачёв протянул ладонь. — Сегодня ничего не надо. Утром приезжайте часам к семи.

Старшина пожал генеральскую ладонь. Пожатие получилось выверенным и сильным, будто пальцы Ткачёва попали в мягкие тиски.

Андрей Викторович открыл дверь на дачу и хотел включить свет, потянувшись к выключателю.

— Викторыч, не включай, пока водитель не уехал...

Голос агента Хмеля генерал узнал сразу и усмехнулся.

— А где пароль?!

— Обойдешься, — усмехнулся в ответ Хмель. — Давай заходи. У тебя в доме не шибко тепло. Камин разожги, что ли...

«Волга» рыкнула двигателем и медленно скрылась за генеральскими дачами.

— Включай уж свет, и давай поедим. Я голодный, как чёрт.

Андрей Викторович разжёл огонь в камине, пока Хмель резал хлеб и колбасу, грел чайник. Тепло постепенно стало наполнять дом.

Они сели за стол.

— Каким ветром тебя принесло, Хмель?

— Морским бризом, Андрей. Я ещё в Зареченске получил команду от Трефилова сгонять в Южноморск. А когда вернулся, то мне куратор сказал, что я теперь в твоём подчинении.

— Какой куратор? — не понял Ткачёв, жуя колбасу.

— Наш, — Хмель прямо на столе ещё отрезал хлеба. — Посредник. К агенту нельзя обратиться напрямую.

— Но я не знаю никакого посредника.

— А тебе и не надо. Идешь в секретный архив и просишь архивариуса вызвать тебе агента. Архивариус связывается с посредником, а тот оставляет для меня знак.

— Но я не ходил сегодня в архив...

— У меня свои методы получения информации, Андрей, — агент налил чай в кружки. — К тому же, данные, собранные в Южноморске, я должен передать тебе. Так сказал Трефилов.

— Вовремя ты объявился, — кивнул Ткачёв. — Мне как раз нужны... И ещё будет к тебе разговор.

— Говори.

— Ты можешь собрать группу?

Хмель, собравшийся уже глотнуть чай, поставил кружку на стол.

— А тебе зачем, Андрей? Ты понимаешь, что это значит?..

— Не пыли. Это не моё желание, а...

Генерал показал пальцем в потолок. Агент задумался.

— Я знаю только двоих, Андрей. Те, кому я могу доверять, — сказал он минуту спустя.

— Нормально. Вот и собери их. И меня познакомишь.

Хмель негромко рассмеялся.

— Сразу видно, что ты генерал на новенького.

Ткачёв заметно обиделся.

— Перестань, — прервал свой смех агент. — Я не хотел тебя обидеть, но ты, действительно, человек в нашей системе новый. Вербовать и вытаскивать новых агентов будешь ты.

— Откуда вытаскивать?! — выпучил глаза генерал.

— Первого — из дурки. А второго — с зоны, — Хмель спокойно отхлебнул из кружки. — Кстати, дурка тоже на зоне.

— Ты шутишь?!

Агент печально вздохнул.

— Нет, Викторич, и не думал. Знай, генерал, что отработанных агентов на свободе не держат. Нет, потом они, конечно выйдут. Но это будут уже не агенты. Да, если надумаешь их вытаскивать, то надо делать это незаметно. А то какие это будут агенты?

Ткачёв мало понимал, о чём говорил Хмель, а тот, тем временем, продолжал:

— Вытаскивать и вербовать придётся одновременно.

Это окончательно добило генерала.

— И что мне теперь делать? — его растерянность насмешила агента.

— Думать, Андрей, — смеялся тот. — Тебе же нужен результат? Вот и ищи место, легенду, паспорт... Скажу тебе по секрету — ты будешь первый начальник отдела, у кого будет целая группа. Обычно агенты друг друга не знают. Это на случай провала. Внедряя группу, ты сильно рискуешь. Поэтому я и говорю, что те, кого я назову, обладают моим доверием. Не случайно они на зонах...

— Мда, — протянул Ткачёв. — Задача... Ладно, я подумаю, а ты выкладывай, что там по Южноморску.

— Дай пожрать, Андрей! Я только четыре часа назад с поезда.

Пока Хмель допивал чай, генерал подумал над тем, как можно вытащить агентов на «волю». Он был уверен, что на зону он «зайдёт» с помощью Автондила. Но что делать дальше? Каким образом их оттуда вытаскивать?

Агент, насытившись, вытер губы ладонью.

— Начну, Викторыч, с Южноморска. Городок ещё меньше, чем Зареченск и вытянут вдоль побережья. Но есть одна примечательность — небольшая и удобная бухта. Кораблики туда заходят небольшие, швартуются...

— Хмель, хорош шпарить описаниями, будто Чехов. Говори по делу.

— Так я по делу, генерал, — агент пересел на диван. — Недалеко от причала домик стоит. Хороший такой домик — трёхэтажный. Кто в этом теремке живёт, установить мне не удалось. Местные обходят его с опаской, молчаливо. Как я не пытался узнать, народ отмалчивается. В одной кафешке я, правда, разговорился с парнишкой. Он сказал, что начальство туда наезжает, но не уточнил какое. Менты в городе сытые и добрые, будто из сказки... В общем, Андрей, Южноморск — летний рай для любителей «дикого» отдыха. Говорят, летом палатками туристов всё побережье усыпано, но не все о Южноморске знают. Городок так на отшибе стоит, в стороне от основных магистралей. Незаметное светлое пятнышко на карте, и доехать туда можно только на автобусе из Геленджика. Автобус ходит два раза в день.

— Да, — задумался Ткачёв. — И зацепиться не за что. Трефилов утверждает, что туда повадились иностранцы заглядывать. Вот чего им там нужно?!

— Ты, Андрей, ещё многого не понимаешь, — Хмель скинул ботинки и прилег на диван. — Генерал Трефилов тот ещё стратег. Кстати, в Южноморске нет отделения КГБ.

— А гостиница там есть?

— Есть. Маленький и уютный домик в два этажа с отменным рестораном. Шашлык на улице готовят, вино в графинах подают. Наверное, бочковое...

Ткачёв заметил, что Хмель, как разведчик совершенно не годен. Он человек действия и хорош в разработке этих действий, но по части анализа и наблюдения... Не способен был увидеть мелкие детали и делать выводы. Тут нужен был человек более изощрённый.

— Понятно, — сказал генерал, постукивая пальцами по столу. — Теперь коротко о людях на зоне. Посоветуй, что мне делать.

Вот тут агент оживился.

— Андрей, достань мне удостоверение адвоката и паспорт на эту же фамилию. Я съезжу, и поговорю. А уже потом будем действовать.

— И как я тебе достану такие документы? В туалете напечатаю?!

— Ты же генерал КГБ, — усмехнулся Хмель. — И у тебя есть секретарь. Кстати, кто?

— Кудрявцева Елизавета Сергеевна. Вон, сегодня рубашки мне покупала...

— И как она? — агент загадочно улыбнулся.

— В каком смысле? Я сегодня её первый день увидел. Красивая баба! Тут ничего не могу сказать. Всё при ней.

— Дурень ты, генерал, — рассмеялся Хмель. — Только не обижайся. А знаешь, обратись к ней. Попробуй.

— И чего я ей скажу? — Ткачёв подумал, что у агента не всё в порядке с головой. Как можно секретарю давать указания на изготовление поддельных документов?!

— Скажи, что тебе нужны документы на мужчину, русского, приблизительно лет сорока. Потом посмотришь на её реакцию.

Утром Андрей Викторович, усаживаясь в «Волгу», поздоровался с водителем, и как бы невзначай спросил:

— Пал Палыч, я ещё не успел ознакомиться с вашим делом. Вы не расскажете мне, где вы служили?

Старшина молча вывел автомобиль на дорогу и, поглядывая в зеркало на генерала, ответил:

— Я до этого служил в ГРУ. Получил ранение, но мой бывший командир попросил за меня. А куда мне ещё идти? Реабилитацию я прошёл...

Ткачёв подумал, что удача сама прёт ему в руки. Только он хотел с утра зайти к Трефилову, чтобы попросить выход на ГРУ, как тут же получил его от своего шофёра.

— Пал Палыч, а не могли бы вы организовать мне встречу с вашим бывшим командиром? Минут на десять, не больше.

Трофимов не удивился такой просьбе.

— Могу. Он на пенсии, но иногда консультирует. Мы часто созваниваемся. Когда нужно?

— А сейчас. Что откладывать... Остановитесь у первого попавшегося таксофона и позвоните, — Ткачёв решил смягчить требование. — Пожалуйста.

Старшина проявил сообразительность. Трофимов понял, что начальнику не просто так нужен его бывший командир. Телефон был в машине, и позвонить можно с дороги, но генерал попросил сделать звонок из таксофона.

Утро было не столь морозным, и солнце весело грело парапет набережной Яузы. Недалеко от станции «Электrozаводская» на мостике, перекинутом через реку, и встретился генерал с бывшим командиром своего водителя. Ткачёв решил говорить прямо, без уловок, и получил исчерпывающий ответ:

— Пашка — классный специалист. А если ему ещё и конкретно задачу поставить... У него нюх на всякие мелочи. Если бы не тот снайпер, то Паша ещё бы долго служил. А ранение сильно его подкосило. Сами понимаете...

Ткачёв быстро всё придумал, тем более секретарь подала ему папку с делом Тимофеева, когда он вошёл в свою приёмную.

— Елизавета Сергеевна, зайдите на минуту в кабинет.

— Блокнот брать?

Он отрицательно помотал головой.

В кабинете, взглянув на Елизавету и отметив про себя, что сегодня её грудь кажется чуть больше, чем вчера, генерал неуверенно спросил:

— А мы как-то сможем сделать адвокатское удостоверение и паспорт одному человеку? Секретарь чуть склонила голову вбок и её полные губы слегка вздрогнули насмешливо.

Но тут же вернулись к состоянию серьёзной сосредоточенности.

— Андрей Викторович, — сказала Кудрявцева, чуть расправив плечи, отчего её грудь приобрела ещё больший объём. — Я понимаю, что вы недавно в нашей системе. Поэтому объясню коротко. У нас можно сделать всё, но для этого необходимо обоснование. Я печатаю запрос на изготовление документов, выделение технических средств и финансирования в рамках проводимой отделом оперативной работы. Вы этот запрос подписываете, и я несу его в секретную часть. Дальше они удовлетворяют запрос, о чём сообщают вам, или присылают отказ. К вам же приходил курьер из секретного отдела?

— Да...

— Он вам принес пакет. В этом пакете документ. Так вот. На документе есть номер. В запросе, что я буду печатать, должен фигурировать этот номер в виде обоснования. А в секретной части сами разберутся.

— Хм, — удивился Андрей Викторович. — Исчерпывающий ответ. Я вам запишу номер...

— Записывать не надо. После печати я всё равно отдам вам документ на подпись, вот тогда вы собственноручно и поставите номер. Потом я вызову курьера, и он придет со специальной папкой.

— Ух ты! — не сдержался Ткачёв. — Тогда печатайте.

— Приблизительный возраст того, кому нужны документы?

— Лет тридцать пять. Сделайте срочно, пожалуйста.

Кудрявцева кивнула и повернулась к выходу из кабинета.

— Елизавета Сергеевна, — остановил её Ткачёв и смущенно добавил, когда она обернулась. — Спасибо вам!

Через полчаса, раздав указания сотрудникам и отправив запрос в секретную часть, генерал спустился к машине.

— Прокатимся немного, Пал Палыч. Покружите по городу, а потом выезжайте за МКАД на любое шоссе.

Трофимов погонял «Волгу» по Москве, затем выехал на Ленинградское шоссе. Проехав километров пять, старшина резко повернул в сторону от шоссе на просёлочную дорогу. Ткачёв одобрительно кивнул ему, когда тот посмотрел на генерала через зеркало.

Машина ещё немного проехала, как Андрей Викторович знаком показал водителю остановиться и выйти из машины.

— Пал Палыч, я могу вам доверять? — спросил Ткачёв, когда они вышли на улицу.

— Я лишь ваш водитель, товарищ генерал. Мне доверили вас сопровождать. Пока вы мне не сделали ничего плохого. К чему этот вопрос?

— Я хочу поручить вам одно задание. Ваш командир дал мне рекомендацию.

— А можно конкретнее? Я подписывал документ о неразглашении...

Ткачёв пнул носком ботинка мелкую ледышку с обочины.

— Пал Палыч, я хочу предложить вам съездить на выходные в Южноморск. За мой счёт, конечно.

Старшина удивился.

— И что я там буду делать?!

— Наблюдать. И попытаться найти что-то необычное. Это же ваша профессия?

Трофимов посмотрел на лес возле дороги, желваки побежали по его скулам.

— Не совсем, Андрей Викторович. Я смогу увидеть что-то необычное на территории

противника в условиях боевых действий. Что я смогу увидеть в мирном советском городе?

— Не знаю, Пал Палыч, — несколько взволнованно ответил Ткачёв. — Но ваш взгляд очень поможет мне вынести решение. Представьте, что в городе затаился враг. Сможете?

Старшина прищурил глаз, рассматривая деревья.

— Если нужно, то я, конечно, попробую, но...

— Вот и отлично! — подхватил генерал. — После обеда идите к врачу — возьмите больничный. А завтра — в пятницу, вылетайте в Южноморск. Вернётесь в воскресенье вечером и тут же поезжайте ко мне на дачу. Из аэропорта возьмёте такси.

Ткачёв протянул старшине заранее приготовленный конверт.

— Здесь триста рублей. Надеюсь, что хватит. За деньги отчитываться не надо.

Начальник оперативной части спецприёмника для душевнобольных с видимым удовольствием спрятал в стол пухлый конверт.

— Простите, товарищ адвокат, но больше одной минуты разговора дать не могу.

— Я понимаю, — кивнул мужчина в очень дорогом пальто из натуральной шерсти и темно-сером кашне. — Мне больше и не требуется. Не хотите мандарин? Дочка в дорогу дала.

Он протянул начальнику небольшой оранжевый цитрус, но тот поморщился.

— Проходите в комнату для свиданий. Больного приведут ...

В крохотной комнате «для свиданий» посередине стоял стол, прикрученный ножками к полу и два стула. На один сел адвокат, а на другой усадили бородатого и длинноволосого пациента с биркой «1412», пришитой к груди. Начальник оперчасти стоял у стены и внимательно следил за разговором. Сзади пациента замерли два дюжих санитаров, положив свои тяжелые ладони ему на плечи.

— Как вы себя чувствуете? — елеинно спросил адвокат у пациента, крутя в пальцах мандарин.

— Нормально, — глухо проговорил бородатый, рассматривая фрукт.

— Есть ли у вас жалобы?

— Нет.

— Хм, если у вас пожелания, просьбы?

— Есть...

Начальник дёрнулся, но пациент, мельком взглянув на него, поспешил добавить:

— Можно мне мандарин съесть? Пожалуйста...

Адвокат перестал теревить фрукт и вопросительно посмотрел на начальника.

— Если вы сами почистите и положите ему в рот, — усмехнулся начальник.

Адвокат пожал плечами, очистил мандарин от кожуры и сунул в открытый рот пациента «1412». Тот сомкнул челюсти и удовлетворенно зажмурился.

— Время вышло, — сказал начальник и знаком приказал санитарам увести довольного пациента.

Вечером в морге спецприёмника, стоя над трупом пациента «1412», начальник орал на санитаров:

— Вы что натворили, идиоты?! Кто вас просил забивать его до смерти?!

Санитары виновато склонили головы:

— А чего он... Кусался, а мне по яйцам ногой врезал...

— Я вам сам сейчас яйца оторву! Быстро упаковали в мешок и отнесите его к дальнему болоту. Быстро! Не стойте истуканами! С доктором я договорюсь, а вы мне должны будете.

Санитары упаковали труп в мешок и, прихватив лопату, двинулись на улицу, свалив тело в тележку для мусора.

— Что-то поздновато для мусора, — сказал им сторож, но получив заветную бутылку «Столичной», ворота открыл.

Санитары шустро добрались до болота и принялись копать яму. Но мерзлая земля поддавалась с трудом. Чертыхаясь, санитары с грехом пополам выкопали неглубокую яму.

— Сваливай его. Всё равно весной затянет...

Они свалили мешок в яму, присыпали мерзлой землей и поспешили обратно. Когда свет от фонарика санитаров исчез в темноте, к месту захоронения осторожно подошёл адвокат. Правда, он бы не в дорогом пальто, а в простом ватнике и в руках держал вещмешок и саперную лопатку.

Адвокат сноровисто откопал труп и ножом вспорол мешковину.

— Чёрт, Хмель! Я уже замерз.

Голый «труп» пациента вылез из ямы.

Хмель достал из вещмешка вещи и бывший пациент оделся. Если бы какой-нибудь сержант зажёл спичку, обучая молодых солдат по программе «отбой-подъём», то удивился бы той скорости, с которой «труп» натягивал на себя одежду. Потом Хмель с ожившим пациентом накидали в яму земли и поспешили скрылись во мраке.

Небольшая колонна заключенных, конвоируемая тремя солдатами и лейтенантом внутренних войск, неспешно двигалась по замёрзшей просёлочной дороге. Заключенными были женщины, правда, в ватниках, толстых штанах и шапках, они были мало похожи на них.

— Ах ты, сука! — внезапно послышался крик из колонны. Строй заключённых резко сбился, вытесняя двух дерущихся.

Лейтенант среагировал поздно — одна из дерущихся махнула рукой, и на боку противницы стало расширяться темное пятно.

— А ну на землю, быстро! — лейтенант достал пистолет и выстрелил в воздух.

Заключенные упали ничком на землю под дулами автоматов солдат. Истошно залаяла сторожевая овчарка, оскалив клыки.

Пострадавшая лежала на спине, судорожно хватая воздух посиневшими кубами. Лейтенант, нагнувшись, осмотрел рану. Заточка засела ниже рёбер, а ручка была отломана и выброшена. Искать её не имело смысла — в глубоком снегу вокруг дороги даже овчарка не найдёт.

— Вот скотина! — прорычал лейтенант и выпрямился.

Он растерялся. До лагеря было ещё километров десять, и раненная женщина могла не дожить. Пока её донести, пока...

Со стороны посёлка послышался гул мотора, и из-за пригорка показалась «буханка» УАЗика с красным крестом на двери. Лейтенант побежал наперерез машине.

— Что случилось?

Из УАЗика вышел фельдшер.

— Колющее ранение, — объяснил офицер. — Вы не сможете довести до лагеря?

Фельдшер подбежал к заключенной, бегло осмотрел рану.

— До лагеря, может, и не довезём. До посёлка ближе...

— Я еду с вами, — решительно сказал лейтенант и крикнул солдатам: — Миронов, веди колонну в лагерь!

Фельдшер достал носилки и вместе с лейтенантом они донесли женщину до машины. Поставили носилки в кузов, и УАЗик резко развернулся обратно к поселку.

Когда колонна скрылась за пригорками, фельдшер незаметно вынул шприц и быстро воткнул иглу в предплечье лейтенанта. Офицер, было, дернулся, но тут же стих, закатив глаза.

— Черт, Хмель! — проворчала раненная женщина. — Помоги мне вытащить эту фигню!

Фельдшер достал портфель и, невзирая на подскоки машины на ухабах, сноровисто провел изъятие из тела острия заточки. Потом обработал рану и перевязал.

— Переодевайся шустрой, — сказал он женщине и вынул из-под лавки мешок с одеждой...

Через десять минут бесчувственного лейтенанта сдали в поселковую больницу с диагнозом «отравление».

Ткачёв ждал Трофимова на даче, как договаривались, но старшина задерживался. И когда генерал начал заметно нервничать послышался шум мотора, и к даче подъехала «Волга» с пашечками на двери.

Павел Павлович вошёл в дом и облегченно вздохнул.

— Ну и задали же вы мне задачку, Андрей Викторович!

— Заходи в комнату, — пригласил Ткачёв. — Я чай заварил и бутербродов нарезал.

— А вот за это спасибо! Не успел я сегодня пообедать, да перед вылетом тоже не было времени.

Старшина скинул пальто и сел за стол.

— Кушай, Пал Палыч, — улыбнулся генерал. — А потом разговоры будем разговаривать...

Ткачёв оставил старшину в комнате и вышел на кухню. Там за занавеской сидел на стуле Хмель и смотрел в окно. Через минуту жестом показал генералу, что слезки за такси не было, и Андрей Викторович вернулся в комнату, прихватив для виду сахарницу.

Старшина перекусил и отодвинул от себя чашку.

— Очень странный городок, товарищ генерал, — Трофимов вытер губы и достал из кармана блокнот. — Вроде бы всё тихо, но жители, будто чем-то напуганы. Как в сказке, ей Богу!

Ткачёв не стал задавать вопросы, полагая, что такой специалист, как Трофимов расскажет обо всём, что видел необычного и не нужно его сбивать с мысли.

— Но...

Старшина открыл блокнот.

— Каждое день в пять часов утра у двухэтажного красивого дома за высоким забором собирается человек двадцать. Я точно не считал. Потом этот отряд со снаряжением уходит в горы, а возвращается вечером, приблизительно в восемь. Судя по экипировке — это поисковый отряд. Далее. На автостанции и причале всегда одни и те же люди мелькают. Они как-бы стоят в стороне, но внимательно осматривают приезжих и уезжающих. Судя по всему, ищут мужчину ростом метр семьдесят, худощавого и с какой-то особой приметой. Какая это примета выяснить мне не удалось. Вероятно, родинка в области затылка.

— Вы подходите под эти параметры, — не сдержался Ткачёв.

— Да. Поэтому в день прибытия ко мне подошли два человека, причем один из них сзади, будто рассматривал шею, и вежливо спросили о цели моего путешествия. Потом я их видел на автовокзале каждый день, пока был в городе, и изображал беспечного туриста.

Тут старшина хитро улыбнулся, словно приготовил сюрприз.

— Я догадался взять фотоаппарат. Отщелканную пленку вынул в последний день и спрятал в ботинок. А на вокзале, перед отъездом, меня остановили милиционеры, и под видом какой-то проверки, якобы случайно засветили пленку в фотоаппарате и ещё две, что я снимал для виду. Птичек там, пейзажики всякие... Ну, и номер мой обыскали. Очень профессионально. Правда, вечером, ещё в день приезда. Я же в союзе фотохудожников числился когда-то, вот удостоверение и пригодилось.

— То есть, Пал Палыч, у тебя на пленке есть физиономии нескольких человек? Я

правильно понял? — удивился генерал.

— Да, — смутился старшина. — Я снял их незаметно. Опыт есть.

— Пленку оставишь?

Трофимов покопался в ботинке и достал кассету. Протянул Ткачёву.

— Что же, Пал Палыч, хорошая работа! Спасибо, — Андрей Викторович положил кассету в карман домашней куртки. — Я вызову вам такси. Отдыхайте.

— Буду рад, если чем-то был полезен...

После того, как старшина уехал домой, Ткачёв зашёл на кухню.

— Проворный малый! — восхитился Хмель. — Я вот не додумался замаскироваться под фотохудожника. Да и напролом не шёл.

— Ты не подходишь под описание разыскиваемого... И ростом выше и в плечах ширше, — посмеялся генерал.

— Что думаешь, Викторыч?

— Думать особо нечего. Скорее всего, разыскивают пропавшего первого секретаря горкома. Что-то ценное он спрятал в городе. Или в окрестностях. И должен за этим прийти...

— А пока его нет, то ушлые ребятки рыщут в окрестностях, пытаюсь найти это что-то ценное, — сказал Хмель, растягивая слова.

— Ты делаешь успехи в дедукции, — усмехнулся Ткачёв. — Как у тебя с формированием группы?

— Нормально всё, — отмахнулся агент, но нахмурившись, взглянул на генерала. — Я что хочу сказать, Викторыч. Оно, конечно, тебе спасибо... За документы и жильё для ребят. Только я тебе показывать их не буду. Ты должен это понять и принять, как данность.

Ткачёв тоже нахмурился.

— Хмель, я не силен пока ещё в ваших играх. И многое не понимаю, но вы же подставляете меня. А вдруг начальство спросит за группу? Что я скажу?!

Агент задумчиво погладил щеку.

— Я тебе скажу позывные, Андрей. Ты сформируешь папки и отнесешь их в секретный архив.

— И что я буду складывать в этих папках?

— Название операции, в которой участвовал агент. Краткое, так сказать, резюме по операции.

Генерал удивился.

— А анкету на агента я не должен составлять?

— Должен, — подтвердил Хмель. — Я, думаю, что мою анкету ты не смотрел, раз об этом спрашиваешь. И мою папку не открывал.

— Правильно думаешь...

— А ты загляни, Викторыч, — улыбнулся агент уголком рта. — Это будет ответом на твой вопрос. Ладно, в группе ещё два агента под позывными «Шмель» и «Пантера».

— Да-а, — протянул Андрей Викторович. — Хмель, Шмель и Пантера. Хороша группа. Слушай, я не настаиваю, но интересно... А как твоё настоящее имя? Просто — имя. Это ведь ни к чему не обязывает.

Хмель встал со стула, подошёл к окну.

— Мы не знаем своих имён, Андрей, — тихо сказал он. — Сколько себя помню, то откликался на прозвище — Хмель. Не задавай больше вопросов.

Ткачёв предполагал что-то подобное, но тут неожиданно агент продолжил:

— Мы не выбирали себе родителей, но их имён мы тоже не знаем. Обучали нас в специальной школе. Пантера и Шмель из моего выпуска, а больше никого не осталось.

Он качнулся на фоне белой занавески, обернулся к генералу:

— Знаешь, а нас никто не принуждал выбирать себе такую судьбу. Мы добровольно пошли на это, да и не всех брали... Короче, забудь о том, что я тебе рассказал, лучше выкладывай, что надо делать.

— Да не знаю я пока, — отмахнулся Ткачёв. — Я вообще не понимаю интерес к Южноморску. Бред какой-то... кого-то ищут... что-то ищут. Главное — я не понимаю к чему всё это привязать!

— Викторыч, ты неглупый мужик. Раскинь мозгами — ты умеешь, — хмыкнул агент.

— Недавно я уже выслушивал такие слова в Зареченске, — буркнул генерал. — Ладно, попробую раскинуть.

Андрей Викторович облокотился на спинку стула и, сцепив ладони на затылке, взглянул на потолок.

— Что там могут найти иностранцы? Тихий провинциальный городок у берега моря, куда летом приезжают туристы. Но сейчас зима. Секретных объектов нет, промышленных тоже. Но существуют поисковые группы, что-то ищущие в окрестностях. Значит, эту группу кто-то организует. Значит, у нас два вопроса. Первый — что ищет эта группа, и второй — если найдёт, то что с этим будет делать?

Ткачёв помолчал немного вопросительно глядя на Хмеля.

— Если иностранцам это нужно, то они могут находку купить, — наконец, сказал генерал. — За очень большие деньги. Раз на поиски отправляют целую экспедицию. Так что мог спрятать первый секретарь горкома? Какие секреты?!

— И ещё ты упустил вопрос, — поддержал размышления Ткачёва агент. — Хорошо бы узнать официальную версию пропажи секретаря.

— А вот это действительно интересно! — вскочил со стула генерал. — Если есть факт, что секретарь жив, то можно провести полномасштабную поисковую операцию. И найти не только секретаря, но и то, что он припрятал...

— Вот и поговори об этом с начальством, — ткнул пальцем в сторону Ткачёва Хмель.

Утром, приехав в управление, Андрей Викторович отдал распоряжение сотрудникам «накопать» как можно больше информации по делу пропавшего первого секретаря горкома Южноморска. И по мере поступления информации Ткачёв, как человек совершенно новый в КГБ, схватился за голову и впал в некое уныние. Он и думать не мог о том, с каким бескомпромиссным усердием велась борьба за выход в высшие эшелоны власти.

Началось всё со смерти первого секретаря министерства сельского хозяйства СССР Федора Кулакова. На «вакантное» место определились два претендента — Михаил Горбачёв и Сергей Медунов. Медунов был другом самого Брежнева, а Горбачёва выдвигал Юрий Андропов, ибо видел в Медунове «наследника» Леонида Ильича. Естественно, оба претендента должны были пройти «проверку», инициированную Политбюро ЦК КПСС.

Проверка началась с торговли, как с самого «слабого» звена любого края. Будь то Ставропольского, или Краснодарского. Горбачёв, как глава Ставропольского края проверку не выдержал — руководителя ресторанов и трестов в его подчинении арестовали за махинации. Но потом проверяющие, приехавшие к Краснодарскому «хозяину» Медунову, были ошарашены. Из особняка Беллы Бородкиной — руководителя трестов и ресторанов

Краснодарского края, драгоценности, деньги, меха и дефицитное барахло вывозили грузовиками.

Белла Наумовна слыла человеком чересчур жестким, за что получила прозвище «Железная Белла». Но её знали многие функционеры из центрального партийного аппарата — Бородкина умела принимать «высоких» гостей на курортах Краснодарского края.

Собственно с ареста Беллы началось масштабное расследование развернутое Генеральной прокуратурой СССР. В Краснодарский край была направлена следственная бригада под руководством заместителя Генерального прокурора СССР Найдёнова.

Ткачёв сравнил даты ареста Бородкиной и пропажи первого секретаря Южноморского горкома Белых. Тут на глаза генералу попала справка из ГУ МВД. В ней было написано что на следующий день после ареста Беллы исчез первый секретарь горкома Геленджика — Николай Погодин. По словам близких Погодин собирался на встречу с Медуновым. Погодина, также как и Белых, найти не удалось.

Южноморск, конечно, не Геленджик, но бесследная пропажа двух первых секретарей горкомов в одно и то же время — событие настораживающее. А что может интересовать иностранных гостей в Южноморске? Этот вопрос не давал покоя Андрею Викторовичу, ибо ответ на него мог пролить свет... А на что?

Ткачёв почувствовал, что влезает по самые уши в какую-то яму, из которой просто так не выбраться. И эта яма не похожа на Зареченскую — Южноморская будет гораздо глубже.

Генерал подошёл к окну. Некоторое время всматривался в проезжающие машины по площади Дзержинского, в величавую бронзовую фигуру Железного Феликса.

Негромкий стук в дверь прервал бесполезное рассматривание.

— Войдите, — пробурчал Андрей Викторович и, вздохнув, повернулся к двери.

Елизавета Сергеевна чуть покачнулась на каблуках, зайдя в кабинет.

— Товарищ генерал, вам бы пообедать. Время уже два часа дня, а столовая закрывается в половине третьего. Будет работать только буфет.

Ткачёв был тронут такой заботой.

— Спасибо, но я не голоден. Привык, знаете ли, не обедать. Вот за ужином и наверстаю...

— Тогда на ужин приходите ко мне, — вдруг сказала секретарь.

Андрей Викторович в изумлении не смог проронить ни слова. Наконец, спросил:

— Как же? Я не помешаю? Что скажет ваш муж?

— Вы невнимательно читали моё дело, — улыбнулась Кудрявцева. — Я не замужем. Живу с отцом. Кстати, его дача недалеко от вашей. Всего в двух домах. Вот туда и приходите часов в семь. Мы будем вас ждать.

— Погодите... Ваш отец...

— Да, генерал-лейтенант КГБ в отставке. Он очень хочет с вами познакомиться. Думаю, и вам, Андрей Викторович, это будет полезно.

Приехав вечером на дачу, Андрей Викторович умылся, поменял рубашку и присел за стол, чтобы немного подумать и набросать план мероприятий по Южноморску.

Днём, по совету Хмеля, он зашёл в секретный архив для оформления агентуры и попросил дело агента. В тонкой папке было всего два листка. На одном были расписаны операции, в которых участвовал Хмель, а на другом была только одна надпись — «связь через куратора».

Ткачёв не удивился. Он ожидал увидеть нечто подобное, лаконичное. Важным было то, что Андрей Викторович ещё ни разу не обращался к куратору. На его вопрос, как с ним связаться, строгая женщина-архивариус насмешливо ответила:

— А никак. Вот на листочке пишете: генералу Ткачёву нужна связь с агентом Хмель.

Теперь Андрей Викторович подумал о том, что о сформированной по приказу Андропова группе агентов известно только ему. И, конечно, самому Юрию Владимировичу.

«Дожили, — рассуждал Ткачёв. — Создали боевую единицу для действий на территории собственной страны!»

План мероприятий не составлялся и генерал решил, что напишет его после ужина. Одевшись, Ткачёв вышел на улицу и тут вспомнил, что не знает номер дома, где живет генерал-лейтенант Кудрявцев.

— Тебе, Викторыч, нужен дом номер восемнадцать...

Ткачёв вздрогнул.

— Хмель, ты меня когда-нибудь до инфаркта доведёшь! И откуда ты знаешь, что мне нужен именно тот дом?!

Агент скромно улыбнулся, что случилось не так часто.

— Сергей Иванович мой первый куратор. У меня с ним хорошие отношения. Я вот сумки с едой помог Лизе донести. Она там что-то с курицей делает в духовке. Или духовка с курицей. В общем, иди. Тебя ждут. А я пока вздремну в твоём особнячке. Ты не против?

— Когда я был против?

Ткачев открыл дверь и впустил на дачу агента.

— Кстати, как твои люди устроились? Может быть надо что?

Хмель отмахнулся.

— Андрей, всё нормально. Если что-то понадобится, то я попрошу. За заботу — спасибо.

Ткачёв кивнул и пошёл на дачу Кудрявцевых.

Отставной генерал-лейтенант, несмотря на возраст, был могучим мужиком под два метра ростом.

— Проходи, Андрей Викторович. Рад знакомству! Впервые вижу генерала пришедшего в нашу контору из МВД будучи там полковником. Но наслышан...

Сергей Иванович увлек Ткачёва в кабинет.

— Пока Лиза стол накрывает, мы с тобой немного поговорим, — сказал Кудрявцев, закрывая дверь. — Скрывать не буду. Побеседовать с тобой просил Юрий Владимирович. Он человек занятой, а я пенсионер. Да и дом твой рядышком. Присаживайся, — он показал на удобное кресло перед письменным столом, а сам сел напротив Ткачёва — на стул с подлокотниками.

— Ну, и как тебе в нашей конторе?

— Пока не жалуясь, — Андрей Викторович посчитал, что не стоит говорить об истинных причинах его перевода в КГБ.

Сергей Иванович многозначительно улыбнулся и прямо, без предисловий перешёл к делу.

— Видишь ли, Андрей Викторович, наша контора напрямую связана с политикой. Это не в уголовном розыске, где раскручивают явное преступление. У нас преступление ещё выявить нужно. А найти его можно, только зная предысторию.

Ткачёв внимательно слушал.

— Так вот, — Кудрявцев кашлянул в кулак. — Несколько лет назад произошли некие серьёзные события. Предотвратили катастрофу планетарного масштаба с трудом, но тогда спецслужбы НАТО и СССР договорились, что не будут вмешиваться во внутреннюю политику друг друга и не проводить мероприятия по смене власти и идеологической направленности развития стран. То есть, каждый сам решает, кто будет стоять во главе своего государства...

— И как страны НАТО могут влиять на нашу внутреннюю политику?! — Ткачёв недоуменно развёл руками.

— Методов довольно много, — поморщился Кудрявцев. — Привести к власти нужного человека достаточно легко. Но дело вот в чём... Если КГБ соблюдало договорённость о невмешательстве, то выяснилось, что ЦРУ продолжало действовать все эти годы и, замечу, добилось некоторых успехов. Поэтому Андропов хочет навести «порядок» в партийных рядах и выявить, так называемых «агентов влияния» в высших эшелонах власти...

Сергей Иванович помолчал, а потом медленно проговорил:

— Для этого, Андрей Викторович, и создан твой отдел.

Ткачёв задумался.

— Вижу, генерал, что ты растерялся, — улыбнулся Кудрявцев. — Рассказывать причины твоего приглашения в комитет не буду, но скажу одно... Ты человек новый, и на твою разработку у противников Юрия Владимировича уйдёт немало времени. А ты должен использовать это время максимально эффективно. Что думаешь по Южноморску?

— Если честно, — после короткого молчания ответил Андрей Викторович, — то я не совсем понимаю, что там происходит. Пытаюсь собрать информацию, но её очень мало и как-то всё отрывочно. Более менее, понятно одно: кто-то ищет что-то для него важное. Для кого важное и для чего это...

Ткачёв нервно повёл плечами.

Сергей Иванович задумчиво потёр виски, тронутые густой сединой.

— Есть мнение, Андрей, что первый секретарь Южноморска мог собрать документы, свидетельствующие о том, что спецслужбы активно ведут разработку наших партийных чиновников...

— Мне кажется, что это не тайна, — перебил Ткачёв. — Ну, по поводу разработки. У них, безусловно, есть на каждого нашего чиновника обширное досье.

— Несомненно, — кивнул Кудрявцев. — Думаю, что в документах секретаря Южноморска есть очень важная деталь разработки. Иначе, зачем к этим документам столь повышенное внимание?

— Или, такой детали нет, — продолжил Ткачёв. — Но спецслужбы хотят убедиться в этом.

— А, пожалуй, вы правы, Андрей...

Кудрявцев встал и задумчиво подошёл к окну.

— Не буду скрывать от вас одну деталь. Брежнев подумывает о передаче власти. Он болен и не способен оценить создающуюся угрозу. На роль молодого лидера СССР претендовал Медунов. Его кандидатуру активно обсуждали на закрытых политбюро в последнее время. У Юрия Владимировича свой взгляд на лидера, и Медунов ему не соответствовал. Мнения в политбюро кардинально разнятся.

— Неужели всё так серьёзно?! — удивился Ткачёв.

— Серьёзной некуда, Андрей Викторович, — склонил голову Кудрявцев. — Политическое руководство страны раздирают серьёзные разногласия. В последнее время наша разведка установила некоторые связи в руководствах многих стран мира, но наши руководители совсем не спешат этим воспользоваться. Они больше заняты сохранением своих мест. Юрий Владимирович, обладая всей полнотой информации, выдвинул ряд аргументированных решений по выводу страны из кризиса, но Леонид Ильич не собирается их рассматривать.

— Почему? — недоумевал Ткачёв.

— На это есть ряд причин. В результате «холодной войны» СССР получил ряд неоспоримых преимуществ. Не зря Никсон приезжал к нам в семьдесят втором году. У нас более дешёвая современная техника. Гораздо более дешёвая. Мы уже наклепали танков больше, чем во всём остальном мире. А немецкий «Леопард» и американский «Абрамс» стоят под двадцать миллионов долларов за штуку. В условиях войны с равным противником такие системы очень быстро «съедят» экономику. На Западе очень хорошо это понимают, и предпринимают активные действия по изменению политической направленности СССР. Но такие действия малопродуктивны без «своих» людей в руководстве страны. И Юрий Владимирович считает, что такие люди уже появились в окружении Брежнева...

— А у секретаря Южноморска в документах есть ссылки на этих людей, — закончил Ткачёв.

Кудрявцев медленно кивнул.

— С очень большой долей вероятности. На допросе «Железная Белла» упомянула об этом, и Андропов вынес решение — проверить. Собственно, всё и началось с того злополучного «Икорного» дела и усиления активности западных спецслужб. Да ещё и в Афганистане — мы, как кость в их горле...

И тут Ткачёв совершенно ясно понял, что генерал Кудрявцев этим разговором чётко определяет Андрею Викторовичу направление действия. И определяет границы направления, давая понять, что — шаг вправо, или влево чреват для Ткачёва непредсказуемыми последствиями.

— И ещё, Андрей, — Сергей Иванович вернулся к столу. — Пока ты в команде Андропова, советую закончить высшую школу КГБ. Сегодня я зачислил тебя на курс...

Несмотря на просьбы Елизаветы остаться, Ткачёв с молчаливого согласия Кудрявцева от ужина отказался, сославшись на необходимость срочной работы.

— Слушай, Хмель, — окликнул агента с порога Ткачёв. — В этой конторе я с ума сойду.

— Ничего, Викторыч, привыкнешь, — усмехнулся агент, нарезая колбасу и раскладывая по тарелкам сваренную картошку. — А генерал Кудрявцев не последняя величина в конторе. Все-таки, начальник высшей школы. Да, и Лиза...

— Что? — напрягся Ткачёв.

— Ты, Андрей, её остерегайся. Она баба красивая и шибко умная. Но... как-бы себе на уме. Не зря её секретарём к тебе направили.

— А что ты так обо мне печёшься? — съязвил Андрей Викторович.

Хмель смачно разломил картофелину вилкой, вдохнул ароматный пар.

— Андрей, я в конторе с малолетства. И насмотрелся... Дай бог каждому. Тебе в отдел определили совершенно «мутных» сотрудников и «надсмотрщика» в лице дочки генерала. А теперь подумай — для чего?

— Даже думать не буду. Понятия не имею...

— Тогда думать буду я, — прожевав, решил Хмель. — Есть некий треугольник — Андропов, Кудрявцев и Трефилов. Кудрявцев — начальник школы, Трефилов — руководитель оперативного управления. Оба — замы председателя. И с подачи председателя формируется оперативная группа под руководством бывшего оперативника главка МВД Ткачёва. А ему в подчинение отдается засекреченная силовая группа. Причём в её кураторы назначен... генерал Ткачёв. Не замы председателя, а сам руководитель опергруппы. Но только ты и Андропов знаете о силовой группе. Следишь за ходом моих мыслей?

— Честно? Я ни черта не понимаю. Я, правда, ещё не успел тщательно изучить возможности сотрудников своего отдела, но мой водитель не производит впечатление «мутного».

— Тут явно вышла промашка, — кивнул агент. — Водителя в расчёт не брали. Поставили того, кто был под рукой. Но ты удачно с ним подсуетился и отправил в Южноморск.

— И что с того? Я все равно ни черта не понимаю...

— Думаю, генерал Кудрявцев не просто так позвал тебя к себе.

— В этом ты прав, — согласился Ткачёв. — Я многое услышал. В том числе, и в каком направлении двигаться.

— В конторе, Андрей, прямо никто ничего не говорит. Даже приказы отдаются с расплывчатой формулировкой. Вся полнота информации завязана на одном человеке — руководителе. Это не в розыске, где практикуют общие «мозговые» штурмы, отрабатывая версии. В КГБ даже версии не озвучивают. Оперативная работа ведётся таким образом, чтобы противника запутать, оболванить, втюхать дезу и выставить идиотом в глазах его руководства. А потом, сделать из него своего информатора, помогая выпутаться. Ибо главное — вовремя полученная информация. И с её помощью ты сможешь манипулировать игроками. Усёк?!

— В общих чертах. Но по Южноморску у меня нет полной информации. Она обрывочна и не целостна. Я не могу сообразить, как подступиться к городу.

— У тебя куча подчинённых, Андрей. Дай им направление...

Хмель ушел спать на второй этаж, оставив Ткачёва в одиночестве. Андрей Викторович налил чай и, поглядывая через окно на зимний ночной пейзаж, размышлял.

Ему пока были неведомы все противостояния в высшем эшелоне власти, но Андропов его «перевёл» в КГБ не за красивые глаза. Но и не объяснил весь расклад в противостояниях. Почему? Ведь возьми любого толкового опера из главка — все они имеют достаточно квалификации, чтобы отработать даже по Зареченскому делу.

И тут Ткачёв вспомнил, что Трефилову его «сдал» Автондил. Это по совету авторитета Трефилов привлёк Ткачёва к расследованию в Зареченске. А ведь тогда у конторы были ох какие претензии к милиции. И вдобавок, Трефилов буквально отдал Хмеля будущему

генералу. А если бы в Зареченске у Ткачёва ничего бы не получилось?

«Агент обладает навыками следственной и оперативной работы, но только в рамках своей компетенции. Если он посчитает, что бандиты ему мешают, то уберёт их без лишнего шума. Если посчитает, что мешаете вы, то уберёт вас...» — вспомнил Андрей Викторович слова Трефилова.

Как работает Хмель, в Зареченске Ткачёв уже увидел.

Что же, пожалуй, пришло время Автондила «привлечь к работе». Андрей Викторович знал, что личные интересы авторитета сосредоточены в южных районах страны. И арест Медунова и Беллы Бородкиной явно повлияли на дела Автондила. К тому же, авторитета «в темную» использовали спецслужбы, и это доказывала связь Автондила с Цыганковым — воровским авторитетом, убраным спецслужбами Запада в Зареченске.

Ткачёв резонно подумал, что Автондил поможет ему в Южноморске. Надо только грамотно в этом его «убедить».

Оперативную разработку Автондила Ткачёв начал ещё десять лет назад. Папка с оперативным делом пухла из года в год, но наиболее важные документы Ткачёв не хранил в управлении. Потертый портфель с бумагами и фото хранился на даче тестя Андрея Викторовича, но сейчас туда соваться не с руки, учитывая готовящийся развод с Людмилой.

Так же, Автондил имел весьма обширные связи в торговой и экономической «элите» СССР. А Ткачёв знал, что именно в этой среде очень много людей, способных ради индивидуального благополучия продать даже собственную мать.

Из всего этого выходило, что «Макакыча», так про себя называл Автондила Ткачёв, надо брать в жесткие рукавицы. А уж если начнётся в стране некая смута, то уголовные авторитеты полезут наружу из всех щелей. У этих-то, вообще, ни родины, ни флага. И через Автондила можно будет вести контроль над этим «движением».

У Андрея Викторовича аж дух перехватило от открывающихся перспектив.

Илья Иванович Кормильцев, когда отдавал свою дочь Людмилу замуж за милиционера, облегченно вздохнул. Слава Богу, его толстожопую и не очень умную дочь удалось пристроить!

Андрей показался ему мужиком грамотным и решительным. И не способным потакать бабским капризам, хотя и относился к Людке со всем уважением. Вот только дочь — дурында, оказалась неспособной это оценить по достоинству. Приезжая летом на дачу с внуком, Людка постоянно жаловалась матери на отсутствие достойной в материальном плане жизни. Да и в постели у неё с Андреем было туговато. Уж как Илья Иваныч сдерживал смех, вечерами подслушивая разговоры двух клуш на веранде. Ладно, его покойная жена, показывая свою осведомленность в интимных делах советовала располневшей как бегемот дочери — то там вазелином гуще намазать, то там волосенки побрить... Вот дура! И куда лезла-то! Неужто молодые сами не разберутся где чего побрить и намазать?!

«Спихнув» дочь зятю, Илья Иванович все освободившиеся ресурсы употребил на обустройство дачи. Домик-то он отгрохал знатный! Двухэтажный, с банькой и сарайчиком. Вот только после смерти жены домик оказался в тягость. Трудно мужику одному в таком доме. А Людке дача, вообще, без надобности. Она после ухода Андрея к бутылке пристрастилась, идиотка! Внука спасать надо — малец толковый, но с матерью ему жутко. Кому захочется жить вместе с вечно пьяным и храпящим по ночам, бегемотом. Ни подружку домой привести, ни с друзьями посидеть, ни толком позаниматься учёбой.

С Андрюшей и переговорить не удастся. Он после очередной командировки куда-то

пропал. На службе, говорят, перевёлся куда-то. А куда — никто не знает. А вот обсудить переезд внука в квартиру деда жизненно необходимо. Да Илья Иванович тоже бы на свою квартиру вернулся. Трёхкомнатная — места бы всем хватило. И ему, и внуку, да и Андрей тоже бы пожил без Людки. Правда, ремонт бы сделать, да мебель прикупить...

— Хозяин, здравствуйте! — раздался мужской молодой голос за калиткой. — Я по делу к вам, откроете?

Илья Иванович подошёл к забору, посмотрел на посетителя. Не заметив ничего необычного, увидел на дороге новую черную «Волгу» с водителем.

— А по какому делу? — не удержался от вопроса старик.

— Да вот домик ваш мне давно нравится. Купить хочу... Поговорим?

Стоявший за калиткой молодой человек доброжелательно улыбался и по всем параметрам, доступным для анализа Ильей Ивановичем, не был похож на афериста. Но старик снова не удержался от вопроса:

— А документ какой-нибудь сможешь показать?

Молодой человек, продолжая улыбаться, достал из внутреннего кармана пальто удостоверение. Темно-малиновый цвет обложки с гербом СССР, впечатлил Илью Ивановича.

— А развернуть? — в третий раз не удержался старик.

На развернутом удостоверении красивыми, будто напечатанными на специальной машинке, буквами было написано: *капитан ТАНАЕВ Муслим Ахметович*.

И этот капитан служил в КГБ СССР.

Автондил Акакиевич сильно нервничал. В последнее время всё из рук валилось. Да и дела шли плохо — аресты Железной Беллы и Медунова сыграли против Автондила. Да ещё этот «прокол» с Зареченском...

Авторитет в задумчивости постучал пальцами по столешнице столика, отделанной тонким шпоном дуба. Взял чашечку и сделал маленький глоток натурального колумбийского кофе. Автондил ждал вестей из Южноморска и очень надеялся на то, что вести будут приятными.

Три недели назад к нему на встречу пришёл мелкий чиновник из МИДа. За него хлопотал один из партнёров Автондила по щекотливому, но очень прибыльному делу — с недавних пор в творческой среде СССР, и у детишек партийных и министерских чиновников вошло в моду нюхать кокаин. Автондил через своих людей наладил поставки порошка из Колумбии. Партии, конечно, были небольшие, но прибыль приносили немалую.

Чиновник из МИДа сбивчиво объяснил возникшую проблему. Оказывается, первый секретарь горкома Южноморска имел некие документы, а также приличную коллекцию золотых монет и драгоценных камней. Сам секретарь куда-то бесследно исчез. И достоверно известно, что бумаги и драгоценности с собой не взял. Чиновник предлагал авторитету организовать поиски «клада».

На вопрос Автондила — а в чём интерес таких поисков, ведь «клада» может и не быть, чиновник выложил перед авторитетом двадцать тысяч долларов США. И сказал, что драгоценности его не интересуют, нужны только бумаги. И если документы будут найдены в кратчайший срок, обещал увеличить гонорар до ста тысяч американских долларов.

Автондил тогда понял сразу — доллары не просто так. Документы нужны западной разведке. Но какие государственные секреты может хранить секретарь провинциального городка?

Чиновник из МИДа нервно пояснил, что документы носят характер личного архива секретаря, и никаких военных тайн в их содержании нет. Автондил посчитал такой ответ резонным. Мало ли какой компромат собирал секретарь. И через воровских авторитетов Южноморска организовал поиски.

Известный в воровских кругах мошенник, по кличке «Чародей», скрупулёзно отмерял на точных весах количество граммов порошка, расфасованного в бумажные пакетики от Аспирина. Чародей делал это в подполе своего гаража, где стоял древний и ржавый «Москвич».

Чародей наладил свой небольшой гешефт, разбавляя порошок высококачественной смесью муки и сахарной пудры. Он имел пяток «своих» клиентов на модную дурь и втайне от Автондила поставлял им дозы. Как никак, а тысяча рублей за дозу была солидной прибавкой к его пенсии, составлявшей всего шестьдесят два рубля. Да, Автондил подбрасывал Чародею денежку, и немалую, но хотелось чего-то своего — независимого от желаний авторитета.

Увлечённый расфасовкой, Чародей не заметил, как приоткрылась крышка погреба, и миниатюрный фотоаппарат тихо щелкнул несколько раз.

Закончив работу и упаковав «свои» дозы в отдельную коробочку, Чародей поднялся из подпола и... застыл в изумлении. На табурете перед ним сидел Андрей Викторович Ткачёв.

Чародей было дернулся, но два дюжих молодца мягко и крепко прихватили его за руки.

— Так, так, так, — протянул Ткачёв. — И что у тебя в карманах, Чародей?

— Аспирин, гражданин генерал, — не стусевался мошенник. — А по какому праву?!

— Ну, ну! Не изображай невинную овцу. Ты же знаешь, что КГБ в рамках оперативных мероприятий может работать без санкции прокурора. А, собственно, санкции мне и не нужны. Стоит показать вот эти фотки Автондилу, как ты сам прибежишь ко мне за защитой.

Ткачёв вынул из конверта фотографии и показал Чародею. Мошенник скрипнул зубами...

— Да, да, Чародей, — усмехнулся Андрей Викторович.

— Жестко и грубо стали работать, гражданин генерал, — процедил сквозь зубы мошенник.

— Так и должность у меня теперь другая, — отпарировал Ткачёв. — Но не будем играть в слова и перейдём к делу.

— Извольте...

— Какие дела у Автондила в Южноморске?

Чародей вздрогнул. Вот только о Южноморске ему в данный момент не хотелось говорить. Но что будет с ним, когда Автондил увидит фотки Ткачёва, даже представить было страшно.

— Ладно, я подтолкну твои мысли, — подождав, сказал Андрей Викторович. — Я не буду изымать у тебя порошок, деньги и валюту. А если ты подпишешь соглашение о сотрудничестве со мной, то отдам тебе эти фотки и негативы.

— Гражданин генерал, я ссученным никогда не был и не буду!

— Ох, сколько воровского пафоса! — издевался Ткачёв. — Ладно, тогда поехали к Автондилу. Думаю, он будет не в пример сговорчивей. А на тебя мне наплевать, Чародей...

— Стоп, стоп, гражданин генерал, — затрясся мошенник. — Что вы от меня хотите?! Я скажу, но... подписывать ничего не буду.

Ткачёв задумался. Ему необходимо было сейчас переиграть Чародея и любым способом принудить к подписанию сотрудничества.

— Допустим, — кивнул Андрей Викторович. — Но я тебе тогда ничего не гарантирую.

Чародей закатил глаза.

— Черт! Как вы узнали о порошке?!

— Скажем так — я догадался. Слишком часто ты в последнее время навещал Бориса Буряце. Я знаю, что у Автондила есть общие интересы с ним, но оказалось — сынок Бориса и его приятели небезразличны к кокаину. Но к папе он не пошёл, явно опасаясь отцовского гнева, а ты зачастил в цыганский театр.

Чародей немного успокоился. Игры Ткачёва явно не касались его личности. Генерал просто его вычислил и решил использовать в своих целях. Ну, а почему бы не помочь «родному» КГБ? Защита такой службы имела существенные преференции.

— Банкуй, гражданин генерал, — сдался Чародей.

— Где тебя черти носят?! — набросился Автондил на своего подручного, когда Чародей зашёл в отдельный кабинет ресторана «Пекин».

— А что случилось? — удивился мошенник. — Ты же знаешь, чем я занимался!

— А что так долго?

— Пришлось пару часов выждать у МГИМО, а потом заехать в Плехановский. Вот.. выручка.

Чародей достал из кожаного портфеля пачку сторублёвых купюр и положил на стол.

Автондил успокоился и быстро проговорил:

— Сейчас поедешь на Курский вокзал, — не считая, Автондил кинул Чародею одну пачку денег. — Поезд Адлер-Москва прибывает в восемь вечера. В пятом вагоне встретишь вора по кличке «Щербатый». Узнаешь его по двум золотым фиксам и коричневому чемодану с наклейкой «Аэрофлот». Привезёшь сюда. Зайдёте через служебный вход. Возьми мою машину и двух парней. Щербатого обыскать, но чемодан не трогать! Найдёте у него оружие — немедленно выбросьте. Понял!

— Да.

— Езжай. Машина с парнями у служебного входа.

Это было плохо. Чародей никак не мог сообщить Ткачёву о приезде курьера, хотя генерал и говорил, что присмотрит за мошенником. Но не бежать же к телефону-автомату в холл ресторана! Это немедленно стало бы известно Автондилу...

Встреча прошла гладко. Щербатый не сопротивлялся шмону и только сверкнул фиксой, улыбнувшись, когда шестёрки Автондила вытащили из дубленки старенький ТТ, а из голенища модных ботинок — нож.

— Братва, всё понимаю. Я не в претензии.

Автондил радушно принял Щербатого, налил водки и потчевал закусками. Потом Южноморский авторитет достал из чемодана толстую черную папку.

— Подгон, тебе, Автондил, — кивнул на неё Щербатый. — Это то, что тебе надо?

Московский авторитет освободил от завязок папку и стал читать сложенные в ней документы. Прочитав пару страниц, удивленно нахмурился, но быстро совладал с эмоциями, небрежно заявив:

— Да, Щербатый, благодарю за подгон.

И поставил на стол небольшую коробку, видимо, приготовленную заранее.

— Что это? — напрягся Щербатый.

— Сто тысяч. Оплата за розыск.

— Отдай в общак, Автондил, — махнул Щербатый.

— Щедро, — качнул головой Акакиевич. — Уважуха...

Южноморскому авторитету так и хотелось спросить за бумаги в папке, но Щербатый законы знал — за такой вопрос могут и язык отрезать. К тому же, найденные золото и камушки стоили раз в тридцать больше, чем предложил за розыски Автондил. А за сумму сокровищ московский авторитет не спрашивал.

— Парней дашь своих, чтобы в аэропорт доехать? — спросил Щербатый.

— Не вопрос. Передай у себя братве от меня поклон...

Когда все разошлись, Автондил Акакиевич ещё долго сидел за столом, поглядывая на папку. Он ожидал, что найдёт в ней нечто подобное. Старый вор был слишком осторожным, да и образование имел соответствующее. Не четыре класса начальной школы, потом колония для малолеток, а потом несколько лет зоны. У Автондила были два красных диплома об окончании МГИМО и философского факультета МГУ. Он и в тюрьму попал по глупости — после защиты диплома в МГУ отметили с друзьями это событие, напившись. Ну, и женщины захотелось. Только не по вызову, а настоящих. Вышли на улицу, встретили в подворотне молодого мужика с красавицей. Красавица, конечно, в отказ и в крик. Ну, и не рассчитали... Да ещё мужик оказался не хлюпиком, а как потом выяснилось — ментом. Со злости ему навалили, и красавице. Все ценные вещи сняли, а тела в подвал кинули. Хорошо мент с

женой выжили, а то бы пошли бывшие студенты «под вышку».

Десятку «строгача» отсидел, не помогли даже связи родителей-дипломатов. У них после этого большие неприятности начались. Избитый мент деньги принимать отказался. Да ещё папашка попался на даче взятки прокурору. В общем, сгинули родичи Автондила на каком-то поселении, он даже и не знал где их могилка.

«Короновали» Автондила уже на воле — за особые заслуги перед «обществом». Ушлый и умный новоиспечённый «вор в законе» быстро приобрёл нужный авторитет, сколотив преступное сообщество, в простонародье именуемое бандой. И быстро «просёк фишку» в Краснодарском крае, войдя в близкое знакомство с Беллой Бородкиной. Деньги потекли рекой, и на них Автондил покупал нужных людей с потрохами, выполняя для Железной Беллы щекотливые поручения.

Документы в папке первого секретаря Южноморска Автондила шокировали. Он пожалел о том, что ввязался в это дело, польстившись на валюту. Ведь, как жопой чувствовал! Не хватало ещё, что кто-нибудь «стукнет» об этой папке в КГБ. Наверняка, чекисты ищут эти документы. Может, сжечь их, пока не появился в ресторан Ткачёв? И как он умудрился стать генералом КГБ?! В Зареченске было мутное дело, но Автондил, вроде, всё рассказал генералу Трефилову.

И тут авторитета осенила мысль. Он взял салфетку и написал на ней адрес.

— «Коротыш», подойди! — позвал негромко Автондил.

В кабинет зашёл невысокого роста молодой парень. Под тонким свитером перекачивались сильные мышцы, невидящий взгляд белёсых глаз, длинные пальцы сжимали кепку.

— Вот адрес. Возьми своих ребят, и привезите мне человека. Скажете — я зову. Будет артачиться — мягко уговорите. Всё понял?!

Парень кивнул и ушёл. Автондил цокнул языком. Если всё получится, то, как говорится, будут и волки сыты, и овцы целы. Он открыл папку, порылся в бумагах и вынул три документа. Прищурился, раздумывая. Потом на чистом листе бумаги написал фамилии четырех человек.

— Ну, вот... Простите старика, — прошептал авторитет, глядя на написанные имена. — Вам уже ничем не помочь, а мне ещё послужите.

Ткачёв понимал, что Чародей не смог его предупредить, и решил брать того, кто придёт за бумагами к Автондилу. Даже не брать — связи мелкого чиновника хотелось бы отследить. А отобрать у него папку с документами, иницируя банальный «гоп-стоп». Хмель со своей командой справится с таким заданием.

Но всё пошло не так. Оперативники, следившие за чиновником, передали, что тот, вместо того, чтобы поехать в «Пекин», направился на Савёловский вокзал.

— Почему? Зачем? — недоумевал генерал, зная из донесений «наружки», что Автондил не покидал ночью ресторан и сейчас тоже сидел в своём кабинете.

В машине звякнул телефон. Ткачёв поднял трубку.

— Это я, — послышался голос Чародея и уличный шум. — Десять минут назад Автондил с папкой уехал на свою дачу.

— А где у него дача?

— Под Дмитровом. Я там никогда не был... В Яхrome, короче.

Ткачёв тут же распорядился об изменении операции.

Автондил приехал на дачу и не спеша разжег камин. Тепло быстро заполнило дом.

Чиновник должен был подъехать за папкой в семь вечера, и время ещё было.

Авторитет вскипятил воду и заварил ароматного чаю. Подошёл к окну, тронув тяжелые шторы, и усмехнулся. Какую интересную комбинацию он затеял!

Автондил не сомневался, что после ухода чиновника в дом придёт Ткачёв. Для генерала были приготовлены копии бумаг, что сейчас лежали в папке. Всего три листка, но какая из-за них возня! Спецслужбы прямо жопу рвут. Всё дело было в том, что в папке тоже лежали копии, искусно подделанные под оригиналы. Но в копиях были изменены ключевые фамилии.

Скорее всего, папка чиновнику не нужна. Пролистав документы и найдя нужные, он не будет проводить экспертизу на подлинность, и просто папку кинет в огонь. А потом доложит, что задание выполнено. Чекисты, конечно, за ним выставят «ноги», но это будет бесполезно — чиновник выполняет разовую операцию и, скорее всего, потом захлебнётся в ванной, развлекаясь с проституткой.

Ткачёва же, первое время копии устроят. Он, конечно, не дурак, но политических раскладов пока не понимает. А начальство Ткачёва такие документы тоже устроят. Ну, а потом... время покажет.

Звонок известил о прибытии чиновника. На часах было ровно семь вечера. Автондил открыл дверь и впустил гостя в дом.

— Присаживайтесь. Выпьете чаю?

— Спасибо, нет. Времени мало. Мне ещё в Москву вернуться необходимо до девяти...

Автондил развёл руки в стороны.

— Что же, папка на столе...

Гость быстро подошёл к столу, развязал тесьму и бегло пролистал бумаги, не пропуская ни одного листка. Не закрывая папку, взглянул на хозяина.

— Вы изучали документы?

— Вы думаете, что я смогу в них что-то понять? — лукаво ответил Автондил.

— Не скромничайте. Ваше образование позволяет это.

— И что будем делать? — спокойно задал вопрос авторитет, внутренне содрогаясь. От этого гостя можно было ждать что угодно.

Чиновник подошёл к камину и равномерно, листок за листком, сжег документы. Автондил наблюдал молча.

— Отдайте мне копии, Автондил Акакиевич, — сказал гость, глядя на огонь. — И тогда будете жить... И молчать.

Авторитет уже успел пожалеть о своей привычке никого из посторонних на дачу не пускать. Сейчас бы Коротыш пригодился. Но кто же знал?..

— Я жду, Автондил Акакиевич, — напомнил о себе гость.

— Хотелось бы увидеть гонорар, — взяв волю в кулак, возразил авторитет. — Вы не подумали, что копии могут быть не здесь?

— Резонно, — подумав, согласился чиновник.

Он расстегнул пальто и снял с себя широкий пояс. Затем положил его на стол. Зашуршала тонкая застежка-молния и на стол легли десять пачек валюты.

— Копии, — потребовал гость.

Автондил достал из внутреннего кармана три сложенных листка. Чиновник развернул их, быстро прочитал.

— Вот теперь я вам верю, — гость снова подошёл к камину и кинул копии в огонь. —

Надеюсь, больше не увидимся, Автондил Акакиевич.

— Я тоже на это надеюсь...

Когда чиновник скрылся за дверью, авторитет засуетился. Он собрал пачки с валютой и спрятал их под половой доской. Быстро отряхнул брюки на коленях, улыбнулся и стал ждать, стоя у камина.

Ждать пришлось недолго — звонок известил, что за дверью ещё кто-то стоит.

Зайдя в дом, Ткачёв внимательно взглянул Автондилу в глаза.

— Дырку не прогляди, гражданин генерал, — язвительно сказал авторитет. — Проходи.

Ждал я тебя, Андрюша.

— Неужели?!

— А ты думал...

Автондил достал с каминной полки железный ящик. Открыл, и протянул Ткачёву листы бумаги, чуть пожелтевшие от жара.

— Ты ведь за этим пришёл?

Генерал внимательно изучил бумаги. И не мог скрыть растерянности и удивления.

— Акакич, так это копии.

— Скажи спасибо и на этом, Андрюша.

— Не лез бы в это, Автондил, — с укором покачал головой Ткачёв.

— Есть люди, генерал, которым я не могу отказать, если они о чём-то меня попросят...

Андрей Викторович уходя от дачи авторитета, остановился и обернулся. Он чувствовал, что всё было не так. Автондил спокойно отдал ему бумаги и не попросил в обмен ничего. Это не было похоже на авторитета. Говорить о патриотизме Автондила, вообще, не следовало.

Тогда что не так?!

В копиях документов фигурировали фамилии Бородкиной, Медунова, Погодина и председателя партийной комиссии крайкома партии Карнаухова. На данный момент все они, кроме исчезнувшего Погодина, находились в Лефортово — в изоляторе КГБ. И ждали приговора.

Приговор, конечно, будет суровым. Но копии документов, что держал в руке Ткачёв, могли его изменить. И для некоторых — не в лучшую сторону.

Фамилия Погодина — близкого человека Медунова, исчезнувшего с началом «икорного дела», как-то выбивалась из этого списка. Хотя... Если бы Медунов стал министром сельского хозяйства СССР, то Погодина бы перетащил с собой. Вроде, складывается... Но всё равно, что-то не так.

— Хмель? Ты здесь? — негромко спросил темноту Ткачёв. Он знал, что его агент где-то рядом.

Так было задумано на случай, если Автондил вдруг проявит несговорчивость.

Хмель появился, как всегда, будто из ниоткуда.

— Пока я буду ехать к себе на дачу, сможешь проверить эти бумаги на предмет внесения в них изменений? — попросил Ткачёв.

— Викторыч, я не волшебник... Очень нужно?

— Было бы не нужно, не просил о волшебстве.

— Вот умеешь ты, Андрей... Ладно, я постараюсь. Жди меня ночью, и чайник чтобы был горячий...

Ткачёв ждал Хмеля.

От экспертизы копий зависело многое. В первую очередь — дальнейшие отношения с Автондиллом. Ведь если авторитет поменял что-то в документах, значит, преследовал некую цель. Одна из возможных — подставить Ткачёва. А такая цель развязывала настоящую войну между воровским «обществом» и КГБ. Вот только зачем это Автондиллу? В такой войне он явно не выживет.

Хмель пришёл под утро. Хмурый, злой и голодный.

— Ну что?! — спросил Ткачёв с нетерпением.

Вместо ответа агент бросил на стол тонкую папку из мягкого картона. Прошёл на кухню и поставил чайник.

Андрей Викторович открыл папку и взглянул на документы. Вместе с копиями в папке лежали оригиналы. И фамилии всех фигурантов отличались — в копиях были вписаны совсем другие.

— Где ты взял оригиналы?! — неподдельно удивился Ткачёв.

— Прости, Викторыч, но пришлось залезть в ресторан «Пекин». Там у твоего авторитета есть маленькая комнатка с диванчиком, ванной и сейфом...

— И ты туда влез? — усмехнулся генерал.

— А что оставалось делать?! Заодно денежкой разжился. Ребят кормить надо, одевать, жильё снимать.

— Валюта в сейфе была? — вдруг спросил Ткачёв.

— А то! Но я не трогал!

Хмель заварил в большой кружке чай, отрезал толстый ломоть колбасы.

— С тобой, Андрей, только желудок испортишь. Одной колбасой питаешься. Домработницу бы нанял себе — пусть борщ варит, да по магазинам ходит...

— Что ты купишь-то в этих магазинах?

— Андрюш, у тебя генеральский паёк в Военторге. Лизу хоть попроси — она отовариваться будет для тебя.

— Не буду её просить, — насупился генерал, продолжая изучать документы. — Слушай, что за фамилии тут написаны? Горячев, Елин, Шеванидзе...

Хмель расхохотался.

— Дурень ты, Андрей. И авторитет твой тоже. В таких оперативных документах настоящие фамилии не указываются.

— А как же ночной посетитель Автондила? Он что, в этом не разбирается?

— Почему не разбирается? — пожал плечами Хмель, жуя бутерброд. — Очень даже разбирается. И твой Автондил сегодня утром в этом сможет убедиться. Когда увидит открытый сейф в комнатке. А ночной посетитель сделал главное — документы сжёг. А в тех документах и были явные доказательства. А вот в этих так... филькина грамота. Переиграли тебя, Андрюша, твои западные «коллеги». Хотя... если фамилии Горячева, Елина и других всплывут позже в перехваченной оперативной переписке, то эти документы смогут служить доказательством.

— Слушай, — Ткачёв всё более удивлялся осведомленности Хмеля. — А как папка попала к первому секретарю Южноморска?

— Банально, — с набитым ртом ответил агент. — Прокуратура навела хороший шмон, когда раскручивали связи Медунова. Не обошлось и без вмешательства нашей конторы, факт. Скорее всего, оперативный агент ЦРУ где-то засветился, и передал папку с разработками Погодину. А сам быстренько слинял из СССР. Погодин, не дождавшись, сдуру попёр к Медунову, но прежде отдал документы в Южноморск — там и искать-то никто не стал бы. ЦРУ перехватило Погодина, но папки у него не оказалось. В результате Погодин исчез навсегда, но спецы его успели допросить, выяснив про Южноморск.

— Хорошая версия, — ухмыльнулся Андрей Викторович. — А зачем надо было убирать Погодина?

— У него могли обнаружить в крови следы препарата. Тогда Краснодарский край был бы «оккупирован» спецами КГБ. Значит, ЦРУ пришлось бы срочно менять агентуру и резидентов. Это время и большие деньги. Проще Погодина убрать.

— А знаешь что? — после некоторого раздумья Ткачёв протянул папку Хмелю. — Спрячь её.

— Ты не пойдешь с этим к Трефилову?!

— Нет. Не время. И Кудрявцеву не скажу. Но чувствую, что эти бумаги ещё вылезут наружу...

— Плохо, Андрей Викторович! Очень плохо!

Генерал Трефилов стукнул кулаком по столу.

— Как вы могли допустить, что документы будут сожжены?! Месяц работы коту под хвост! Что мне прикажете докладывать Андропову?!

— Внедрение агента в окружение Автондила требовало времени. А его у нас не было...

— Это не оправдание, Андрей Викторович! Теперь мы потеряли след, ведущий от Медунова к западным спецслужбам.

— Замечу, товарищ генерал-лейтенант, — нахмурился Ткачёв, стоя навтыжку перед Трефиловым. — Что у меня не было допуска к делу Медунова и Бородулиной. Возможно, изучив дела, я бы иначе провёл операцию.

Трефилов отчаянно махнул рукой.

— Да дело не в этом. А в том, что Медунова освобождают! КГБ оклеветал заслуженного партработника, героя социалистического труда и кавалера четырех орденов Ленина! Заместителя прокурора СССР Найдёнова отстранили от должности. А на него Юрия Владимировича были свои виды. Вы понимаете?!

Ткачёв едва сдержал улыбку.

— Что такое?! — Трефилов это заметил.

— Возможно, вот эти бумаги как-то помогут, — Андрей Викторович достал сложенные листы поддельных копий.

Трефилов жадно прочитал копии документов. Бровь генерала удивленно выгнулась.

— Конечно, не совсем то, что надо, но... А где вы это взяли?!

— Мне их подарил Автондил Акакиевич.

Полезла вверх вторая бровь Трефилова. Его лицо приобрело мягкое выражение, он даже усмехнулся.

— Вот жучара! Ладно... Передайте разработку того чиновника из МИДа мне. Я сам разберусь перед Андроповым...

— Слушаюсь, Анатолий Романович, — Ткачёв хотел развернуться, чтобы уйти из кабинета, но Трефилов остановил его жестом ладони.

— Тут вот какое дело, Андрей Викторович, — генерал-лейтенант достал из стола папку с уголовным делом. — Мы взяли это дело под свой контроль. Ваши бывшие коллеги не проявили к нему должного внимания — подозреваемые горюют невесть что, путаются в показаниях и на следственных экспериментах. Прочитайте и изложите свои соображения. Если увидите перспективу, то накидайте план мероприятий. И ещё... это личная просьба председателя.

Ткачёв взял папку, понимая, что теперь ему не отвертеться.

Он шёл по коридору управления и думал — а правильно ли он поступил, не отдав оригиналы документов Трефилову. Чтобы было бы, если бы документы оказались у генерал-лейтенанта? Наверное... ничего. В документах фигурируют странные фамилии, скорее всего зашифрованные. Допустим, аналитики разгадают шифр. И что из того? Напрямую ничего не предъявишь, а значит, этими бумагами можно только подтереться. Как будет выглядеть следующее?... Ткачёв заходит в кабинет чиновника по фамилии Иванов и говорит — наши аналитики считают, что под фамилией Елин вы скрываетесь, как агент иностранной разведки. Чиновник тут же вызовет скорую из психбольницы. И это в лучшем случае.

Нет, можно взять Иванова, посадить в Лефортово и мучить бесконечными допросами, пока тот от скуки не подпишет соглашение о сотрудничестве. Но в итоге окажется, что Иванов западным спецслужбам, вообще, не интересен. Тогда Ткачёва будет мучить начальство бесконечными вопросами. А потом посадит в Лефортово вместо Иванова.

И Андрей Викторович пришёл к выводу, что правильно сделал, не показав документы Трефилову. К этим документам нужны ещё факты и ещё документы. Вот он и откроет оперативную разработку, а спрятанные документы будут основанием для неё.

Увлеченный мыслями, Ткачёв прошёл в кабинет, не обратив внимания на Елизавету. И тут же сел за стол писать поручения своим оперативникам. Написав, наложил на них секретность и сложил папки в сейф.

— Елизавета Сергеевна, — сказал генерал в интерком. — Оформите курьера для передачи дел в оперативную разработку. Всего четыре дела — Гришаеву, Городову, Муслимову и Агеевой.

— Хорошо, Андрей Викторович, — отозвалась секретарь. — Может быть, сделать вам кофе?

— Спасибо. Не откажусь.

И Ткачёв открыл папку, переданную ему Трефиловым.

В документах были данные об открытом уголовном деле по краже драгоценностей у вдовы писателя Алексея Толстого — Людмилы Ильиничны. Преступники проникли в дом Толстой, представившись сотрудниками милиции, заперли старушку с домработницей в туалете и вынесли из квартиры драгоценности и несколько подлинников полотен всемирно известных художников. Преступников отловили на следующий день в ресторане гостиницы «Россия», где они пили и предлагали направо и налево купить у них бриллианты. Правда, Толстая и её домработница на очной ставке воров не узнали.

Ткачёв хохотал до слёз. Елизавета Сергеевна, внося поднос с кофе в кабинет, посмотрела на генерала с большим удивлением. Он, вытирая слезы, махнул в знак благодарности.

— Всё нормально, — поспешил сказать секретарю. — Это я уголовное дело читаю.

— А я подумала, что анекдоты из журнала «Крокодил», — эффектно развернувшись и слегка покачивая бедрами, секретарь вышла.

Ткачёв и на это не обратил внимания, хотя стоило — выпуклости Елизаветы Сергеевны под узкой юбкой утром свели с ума почти всё управление.

В деле о краже дальше было ещё смешней. Консьерж тоже не узнал воров на очной ставке, хотя лиц на момент кражи они не прятали. Подозреваемые — три молодых человека, нигде не работали и не имели прописки. У них даже паспортов не было. Их личности до сих пор не были выяснены.

Ткачёв резко перестал смеяться, когда увидел список украденных вещей, составленный со слов вдовы писателя.

Пришёл курьер из секретной службы и Ткачёв немного отвлекся, подписывая рассылку. Потом спохватился. Надо было поручить операм работу и по краже у Толстой. Но успокоился — дело не было секретным.

— Елизавета Сергеевна, — Ткачёв выглянул в приёмную. — Через полчаса пригласите ко мне Гришаева и Городова, пожалуйста.

— Хорошо, товарищ генерал, — холодно сказала секретарь.

Удивившись такой прохладе в её голосе, он вернулся к изучению материалов дела. Потом быстро написал в блокноте план мероприятий по нему и поставил ответственных. Чтобы не терять время снова вышел в приёмную отдать секретарю в печать.

Елизавета Сергеевна поливала цветы на подоконнике. Высокие горшки не позволяли ей дотянуться стаканом, чтобы не разбрызгать воду, и секретарь встала на стул. Но узкая юбка, в свою очередь, мешала поднять ногу, и она приподняла подол, оголив половину бедра. Поднявшись, забыла подол опустить. Или не забыла, думая, что быстро польёт цветы.

Вид оголенного бедра Елизаветы Сергеевны, затушеванного в чулок с ажурной резинкой, вверх Ткачёва в ступор. Но по инерции он успел проговорить:

— Елизаве...

— Ой! — пискнула она, не зная что делать. То ли юбку опустить, то ли стакан поставить. В замешательстве закачалась на высоких каблуках. Стул опасно накренился.

Хорошо, что приемная была небольшая. Андрею Викторовичу хватило двух широких шагов, чтобы успеть подхватить женщину, собиравшуюся уже падать со стула. Поймав её на руки, Ткачёв подумал о трех вещах. Лиза совсем не тяжелая, несмотря на приличные выпуклости в нужных для мужчин местах. Кожа у неё на бедрах не рыхлая, а упруго-бархатная. Как она ходит в чулках, ведь на улице мороз.

Её взгляд серых глаз под умело накрашенными ресницами, сначала удивленно изучал выражение лица Ткачёва, но потом стал выразительно-нежным. Лиза провела ладошкой по щеке Андрея Викторовича. Он почти не ощутил этого прикосновения.

— Вы сегодня не бриты, генерал. Поставьте меня, пожалуйста...

Он поставил её и отвернулся, дав ей возможность быстро одернуть подол.

— Вы что-то хотели, Андрей Викторович? — проворковала ему в спину, поправляя причёску.

— Да. На столе в блокноте план мероприятий. Напечатайте... Мне в четыре на доклад к генералу Трефилову...

Ткачёв деревянной походкой медленно и не оборачиваясь, ушел в свой кабинет. И не заметил, как секретарь, подскочив к зеркалу, эротично двигает бедрами, расправляя складки на юбке.

— Приду домой — сожгу и юбку, и чулки, — прошипела Елизавета своему отражению. — Все смотрят, как на проститутку. И трусы сожгу, а то впились в попу, как

топор!

Майоры Гришаев и Городов пришли к Ткачёву вместе. Перед этим они получили поручения на оперативную разработку и, надо признать, были в некотором недоумении. Каждый по-своему, ибо секретность — есть секретность, и опер в данном случае не мог рассказать о своей разработке другому оперу. В конце концов, поручение получено и надо работать.

Одновременный вызов к генералу обеих майоров удивил.

— Присаживайтесь, — указал им на стулья Ткачёв и, подождав, когда подчиненные откроют блокноты, продолжил. — Нашему отделу поручено проверить уголовное дело, возбужденное по факту кражи у вдовы писателя Толстого. Вот материалы дела.

Генерал указал на папку.

— Я ознакомился, и нашёл несоответствия. И эти несоответствия необходимо уточнить. Валерий Иванович, вы опросите Людмилу Ильиничну вторично. Обратите внимание на список похищенного у Толстой. Кстати, список составлен с её слов.

Городов взял список, прочитал бегло и удивленно присвистнул.

— Простите, Андрей Викторович, — растерялся Городов. — Но тут написано — семь картин в подлинниках. Коллекция бриллиантовых украшений... Это правда?!

— Вот это вам и стоит выяснить, Валерий Иванович, — улыбнулся генерал. — И думаю, прежде чем идти с опросом к Толстой, стоит поговорить с коллекционерами картин и бриллиантов. А также выяснить окружение вдовы, её друзей и приятелей. Окружением займетесь вы, Евгений Арсеньевич. Можете использовать для этой работы и других сотрудников отдела. Дело хоть и не секретное, но весьма щекотливое. Чтобы не было пересудов, скажу сразу — об этом наш отдел попросил председатель.

Гришаев и Городов переглянулись и осанисто поправили пиджаки.

— Даю вам два дня. Вопросы? — закончил Ткачёв.

— Оперов из милиции можно трясти? — сделал пометку в блокноте Городов.

— Нужно, — ответил генерал. — Но не сразу. За два дня надо набрать больше подтвержденных фактов, а потом, сопоставив с делом, трясти оперов из милиции. Обратите внимание на консьержа — он не опознал задержанных. А фотороботов и рисунков в деле нет. Хотя консьерж утверждает, что воры лиц не прятали. Ещё вопросы?

Опера помолчали.

— Вопросов нет, Андрей Викторович, — сказал за обоих Гришаев. — Разрешите выполнять?

— Не задерживаю.

Сотрудники ушли, а Ткачёв, посмотрев на часы, собрался к Трефилову.

У заместителя председателя Андрей Викторович пробыл недолго. Трефилов согласился с его планом и сказал, что Юрий Владимирович будет лично следить за расследованием. И, если понадобится, то предоставит Ткачёву все необходимые ресурсы.

Позже, когда Андрей Викторович ехал к ресторану «Пекин», то подумал, что сам Андропов знает об этом деле больше. И как бы не обошлось все это без подозрений на участие в краже неких лиц, приближенных к высшему эшелону власти.

Впрочем, такая громкая кража, если верить списку Толстой, не могла пройти мимо воровского «общества». И Автондил Акакиевич, по мнению Ткачёва, должен быть в курсе этого «громкого» дела.

Ткачёв застал авторитета в полнейшем унынии. Автондил курил сигарету и нервно

стряхивал пепел на ковёр кабинета.

— Что случилось, Макакыч?! — добродушно спросил генерал.

— Ох, Андрей, мне сейчас плохо. Право, ты не вовремя.

— А когда я был вовремя?! Смотри на всё философски, ты же учился этому. Из любой поганой ситуации, можно вытащить преференции, — шутил Ткачёв.

— Не до шуток, честно. Ты чего пришёл?

— Уйди старуха, я в печали! — голосом Ивана Грозного выдал Ткачёв фразу из фильма.

Автондил, наконец, раздвинул губы в улыбке.

— Ладно, говори, что надо...

— Ты слышал о краже из дома Людмилы Толстой?

Автондил улыбнулся шире и откинулся на спинку кресла.

— Если я тебе дам наводку на воров, то ты сможешь узнать, кто обчистил мой сейф? — неожиданно спросил авторитет.

— А что у тебя там было ценного? — вместо ответа спросил генерал. — Только скажи правду, Автондил.

Авторитет покрутил пальцами в воздухе.

— Ну, некоторые документы...

— Не из той ли папки?

Автондил нервно дернулся. Его глаза расширились в удивлении.

— А ты как думал, Макакыч? — усмехнулся Ткачёв. — Или ты думал, что поменяв фамилии, будешь «на коне»? В говне будешь, Автондил Акакиевич! Говори за кражу у Толстой!

Авторитет угрюмо покачал головой.

— Расстроил ты меня, Андрюша. А я ведь думал, что мы друзья...

— А ты ничего не попутал, Автондил?! — вспыхнул генерал, но потом оглянулся и зашептал. — Стоит мне слово сказать и тебя в порошок сотрут. Ну, если не в порошок, то нервы тебе потрепят капитально. От тебя после этого всё «общество» отвернётся.

— Ну, ну, — авторитет сделал вид, что не испугался. — Не гони волну, Андрей! Генералы КГБ тоже не вечны. Так это ты обчистил сейф?!

— Я похож на вора?!

— Извини. Ну, не ты, а твои люди.

— Автондил, ты чего-то не понимаешь, — успокоился Ткачёв. — Ты дал мне слово?

— Дал, — процедил сквозь зубы авторитет.

— Так какого хрена ты решил меня подставить?

— Андрюш, ей Богу, и в мыслях не было! Кстати, если бы не я, то не было бы у тебя этих документов, — пытался успокоить Ткачёва авторитет.

— Да грош цена этим бумажкам! Там фамилии зашифрованы.

— Допустим, — Автондил спокойно показал пальцем вверх. — Что я смогу тебе их расшифровать.

— И что? Мне нужны документы с подлинными именами. Вот будут такие, тогда и поговорим.

— Ладно, — неожиданно согласился авторитет. — Ты вернёшь деньги, что взял из сейфа?

— А сколько там было?

Автондил вскинул брови.

— Мелочь... Впрочем, какие между нами счёты? А что касается вдовы Толстого... Ищи след в цыганском театре. Там сейчас много мутных людишек.

— Ты знаешь, что взяли у неё?

— Конечно. Несколько холстов и коллекцию брюлликов. Цена за украшения космическая, вряд ли здесь их кто-то купит. К вывозу их готовят, факт. Хотя... дам адресок одного ювелира.

— А холсты кто может купить?

— Этот вопрос не ко мне, Андрей. Я не знаток живописи...

К ювелиру, адрес которого дал Автондил, Ткачёв направил Хмеля. Агент сетовал на то, что засиделся без дела, да и людям надо немного размяться. Шмель и Пантера под видом супружеской пары мелких чиновников из министерства торговли зайдут к ювелиру под предлогом купить что-нибудь «этакое». Легенду им подготовят.

Опера из отдела Ткачёва рьяно взялись за дело. За день были опрошены с десятков людей, в том числе сама Толстая, её домработница и консьерж дома.

Вдова писателя, довольная частым к себе вниманием, целых три часа рассказывала Городову о своей жизни. Майор объелся её пирогов, и его тошнило от чая.

Удалось выяснить, что Людмила Ильинична обладала большой коллекцией бриллиантовых украшений. Но самой дорогой потерей оказалась уникальная французская брошь из коллекции Людовика XV, исполненная в виде королевской лилии — с огромным рубином в центре и тридцатью плоскими бриллиантами. Вдова писателя утверждала, что это бурбонская лилия, принадлежавшая королеве Франции Марии Антуанетте.

На вопрос о том, кому вдова показывала украшения, Людмила Ильинична ответила — никому. Но домработница сказала, что накануне ограбления старушка ходила на приём в румынское посольство, и решила щегольнуть украшениями. И что примечательно, брошь она одела первый раз в своей жизни, и до этого никому и никогда не показывала.

Городов положил на стол Ткачёва список лиц, бывших в тот вечер на приёме в посольстве.

— А в этом списке есть люди, имеющие отношения к театру «Ромэн»? — спросил генерал, вспомнив слова Автондила.

Майор не смог сразу ответить.

— Я выясню, Андрей Викторович.

— Сделайте это как можно быстрее, и ещё... С какой стати Толстая получила приглашение на приём? Кто организовал ей это?

Городов стусевался.

— Мне как-то не пришло в голову спросить Толстую об этом. Простите...

Генерал поспешил успокоить подчиненного:

— Валерий Иванович, не посыпайте голову пеплом. Я же не наказываю вас. Просто будьте внимательней к составлению вопросов.

— Хорошо, Андрей Викторович, — кивнул майор. — Но вы посмотрите список гостей. Там и без цыганского театра хватает ...

Отпустив Городова, Ткачёв посмотрел список, но не нашел в нём сколько-нибудь значащие фамилии чиновников из МИДа. Прием был больше похож на «великосветскую тусовку», возглавляемую дочерью генсека — Галиной Брежневой.

— Может быть, я что-то не понимаю?! — громко и вслух удивился генерал.

Через минуту в дверь кабинета осторожно постучались.

— Зайдите, — растерялся Ткачёв.

— Андрей Викторович, с вами всё в порядке?! — обеспокоилась вошедшая секретарь.

— Да, Елизавета Сергеевна... Может быть, вы мне поможете?

— Так в порядке, или нужна помощь?! — недоумевала она.

— В порядке, — засмеялся генерал. — Но если вы поможете мне разобраться. Вы кого-

нибудь знаете из этого списка?

Она подошла, прикрыв дверь. Ткачёв подметил, что сегодня Лиза чувствует себя более уверенно, да и юбка не такая узкая и каблуки меньше... И пиджак на ней скрывает небольшую, но полную грудь. От секретаря исходил едва уловимый цветочный аромат, на скуластом лице было минимум косметики. Лиза посмотрела на список и, прочитав, усмехнулась.

— Что-то не так? — насторожился генерал.

— Мне отец рассказывал про этот приём в посольстве, — продолжая улыбаться, ответила она. — Это было в виде прикрытия переговоров румынского посла с нашим представителем в СЭВ. Чаушеску задолжал МВФ десять миллиардов долларов и просил руководство СССР за него вступить. Мрачный тон переговоров решили сгладить светским приёмом. Ну, а какой светский приём без Галины? Ещё отец говорил, что вокруг Румынии вертятся спецслужбы во главе с ЦРУ.

— Спасибо, Лиза. Вы мне очень помогли, честно! — восхищенно воскликнул Ткачёв.

— Не за что, — в этот момент секретарь подумала, что зря она вчера сожгла юбку с чулками. — Зовите, если что...

Лизе Кудрявцевой Ткачёв понравился с того первого раза, когда она увидела его у парадного входа в управление. Лиза встретила отца после совещания с Андроповым и обомлела, когда статный молодой генерал поднимался по лестнице.

— Папа, кто это?! — с придыханием спросила она.

— Это? А... генерал Ткачёв, — ответил Кудрявцев. У него была очень хорошая память на имена и фамилии. — Недавно у нас по протекции Юрия Владимировича. Переведен из главка МВД. Опер. Был полковником.

— А?..

— Живёт рядом с нами, — с готовностью ответил Кудрявцев, прекрасно зная свою дочь. — Через два дома. Готовится к разводу. Взрослый сын. Что тебя ещё интересует?

— Я хочу работать у него секретарём, — выпалила Лиза, почувствовав тепло внизу живота.

— Без проблем, — кивнул отец. — Иди, пиши заявление. Я позвоню Андропову. А то ты уже три года сама не своя...

Кудрявцева была однолюбкой. Влюбившись в шестнадцать лет в молодого лейтенанта — десантника, Лиза в восемнадцать выскочила за него замуж, несмотря на уговоры отца этого не делать. И прожила с ним девятнадцать лет, скитаясь по гарнизонам. Последнее место было в Чарджоу, откуда майор — её муж — командир отдельного батальона, уехал в командировку в Афганистан. Кудрявцев постоянно настаивал на его переводе в управление КГБ, но десантник говорил, что ему там скучно. Вот и сгинул бесследно в горах Гиндукуша. Даже тело не нашли, прислав Лизе пустой цинковый гроб. Она ждала нечто подобное, поскольку ещё до его командировки не удержалась, и закатила ему скандал. Ей надоел жесткий и жаркий климат Туркмении, ей, наконец, хотелось ребёнка, и она устала от одиночества. Муж отправил её к отцу, сказав, что вскоре приедет за ней, и они поговорят. Возможно, он примет предложение Кудрявцева.

Но Лиза не верила. Измученная солнцем и свалившимися на неё болячками, она ходила по врачам и переживала. Исчезновение мужа её практически добило. Помог отец. Кудрявцев ушёл в отставку и много времени посвящал дочери, читая ей книги по вечерам. А днем водил её в спортзал и рассказывал, рассказывал... всё же оставаясь генералом КГБ и близким

другом Андропова.

Мать Лизы умерла при тяжелых родах, и Кудрявцев в одиночку воспитывал дочь, стараясь, как мог. Он знал, что редкая женщина будет женщиной без мужского внимания и ласки. А дочь приехала из Чарджоу, похожая на отставного старшину-десантника, вечно таскающего чемоданы. А когда она разделась перед ванной, то заплакал. Лиза стояла в сатиновых синих трусах и тельняшке, потирая плечи жилистыми ладонями...

Ткачёв посмотрел вслед ушедшей в приемную Елизавете. Его секретарь не была похожа на тех женщин, которых привык видеть Андрей Викторович. Почему-то считалось, что женщина в СССР должна быть «дородной». В теле, так сказать. Худощавыми и стройными могли быть только спортсменки и ... больные не спортсменки. Нет, по молодости девушки старались не «расплываться» в размерах, ибо замуж надо. Но после родов контроль над ограничениями «уходил в никуда». Не у всех, конечно, но у большинства.

Елизавета Кудрявцева сломала стереотип Андрея Викторовича. Да, он знал, что она недавно овдовела, и ему было чертовски неудобно оказывать ей внимание, как к женщине. Но она ему сильно нравилась, и именно, как женщина. Её вчерашнее падение со стула заставило Ткачёва забыть о Надежде из Зареченска. Вчера вечером даже Хмель заметил:

— Ты чего, генерал, дерганый какой-то?!

Ткачёв смущенно рассказал про историю со стулом, про подол юбки и чулок.

— Викторыч, а мы с тобой прямо друзьями становимся, — улыбнулся агент. — Хлеб делим, про баб рассказываем... Лиза, конечно, не подарок, но ты пойми... А, ладно — сам разберёшься!

И ушёл, так и не сказав, что же надо понять. А Ткачёв всё стоял у окна и представлял, как выглядят женские выпуклости Лизы без одежды.

Вздыхнув, Ткачёв разложил записки от оперов и углубился в анализ.

Первое, за что он зацепился — это личность дочери генсека Галины Брежневой. На приём в посольство она пришла не одна, а в сопровождении некого Бориса Буряце. По слухам, Галина Брежнева вела довольно «свободный» образ жизни, пренебрегая отношением к мужу, кстати, заместителю министра МВД. Понятно, почему милицейские опера нигде не указывали в расследовании о Галине.

На глаза генералу попала справка с грифом «совершенно секретно». В ней убористым машинным текстом было напечатано, что Галина Брежнева и Светлана Щелокова — жена министра МВД СССР, близкие подруги и любительницы бриллиантов. Мало того, этот дуэт начал заниматься мошеннической деятельностью. Заключение это в том, что официальная цена на бриллианты в СССР повышалась раз в два-три года. Решение о плановом повышении цен на драгоценности выносилось на закрытом заседании Политбюро. Понятно, что подруги знали о точной дате подорожания и накануне объезжали ювелирные магазины, скупая всё. В справке фигурировали показания директоров магазинов. После официального объявления повышения цены, подруги снова объезжали «ювелирки», сдавая изделия обратно. Естественно, что им выплачивали возврат уже по новой цене. Но самые интересные и дорогие изделия подруги оставляли себе.

Прочитав справку, Ткачёв вспотел. Если Галина Брежнева на приёме в посольстве увидела украшения Толстой, а она их увидела, то вполне могла эти украшения захотеть. Тем более что бурбонская лилия впервые «появилась на свет». А такая брошь будет жемчужиной любой коллекции, а Галина не привыкла себе отказывать и жила, можно сказать, на широчайшую ногу, говоря — я живу для любви.

Всматриваясь в фото Брежневой, Ткачёв отметил про себя, что влюбиться в дочку Брежнева не стал бы — столько водки ему не выпить.

Сопровождающий её на приёме Борис Буряце был молод и смазлив, но справки на него у Ткачёва не было. Подумав, генерал нажал кнопку вызова секретаря.

— Слушаю, Андрей Викторович, — проворковала Елизавета.

— Соедините меня с МУРом, пожалуйста. С подполковником Тарасевичем...

— Минуту, — попросила Елизавета Сергеевна.

Саша Тарасевич был давним приятелем Ткачёва. Они общались редко и чаще всего — по делу. Но подполковник был знатоком по «ворам», в прошлом дав справку Андрею Викторовичу по Автондилу.

— Андрей Викторович, Тарасевич на связи, — передала по интеркому секретарь. — Нажмите кнопку под номером два.

— Привет, Саша, — сказал Ткачёв насмешливо. — Ты ещё меня помнишь?

— Помню, товарищ генерал, — холодно ответил Тарасевич. — Чем обязан?

— Ладно, ладно. Я по делу. Что ты мне можешь сказать про клиента по имени Боря Буряце?

Тарасевич удивленно кашлянул.

— Я думал, что в конторе более осведомлены...

— Возможно, но у меня сейчас нет времени делать запросы по отделам. Так ты мне подскажешь?

— Официально?

— Нет. Вкратце.

Подполковник молчал. Видимо, о чём-то раздумывал. Наконец, едва слышно проговорил:

— Вы помните, где была наша последняя встреча? Через два часа...

Связь прервалась.

Ткачёв усиленно вспоминал, где он с Сашей встречался в последний раз. Даже встал из-за стола и прошёлся по кабинету. Вспомнил! Это было в чебуречной на улице Юных Ленинцев. Там готовили шикарные чебуреки по пятнадцать копеек за штуку. Большие, с горячим вкусным бульоном внутри. У Ткачёва потекли слюни при воспоминании. Только почему Тарасевич шифруется?! Боится скомпрометировать себя связью с конторой? Возможно, учитывая взаимоотношения МВД и КГБ. Или ещё что-то серьёзней? Тогда Саша подставить нельзя.

Так, рассчитать время. От управления на метро, а потом пешком — на это уйдёт минут пятьдесят. Значит, ещё десять минут, чтобы осмотреться на месте. Итого — час. Время ещё есть.

— Елизавета Сергеевна!

В кабинет вбежала испуганная секретарь. Ткачёв быстро подошёл к ней и тихо сказал.

— Через час сядете в мой автомобиль. Постарайтесь, чтобы вас не видели. Скажете старшине, чтобы быстро ехал к станции метро Сокольники. Сделайте вид, будто в машине я. В Сокольниках остановитесь у магазина «Зенит» и будете ждать меня. Когда остановитесь, то лягте на сидении. Если что-то понадобится — скажите старшине. Он поймёт.

Кудрявцева загадочно улыбнулась и прошептала в ответ:

— Слушаюсь, мой генерал.

— Лиза, я серьёзно! — шептал Ткачёв. — А вы что подумали?!

Секретарь улыбаясь, протянула:

— Ни-че-го... Я понимаю, что у вас встреча с информатором. Вы мне доверяете?

Ткачёв поджал губы. Такой вариант он не рассматривал. Она это поняла.

— Товарищ генерал, я работаю у вас, и подписывала соответствующие бумаги. Не забывайте, что мой отец тридцать лет проработал в конторе. Я знаю, что значит здесь работать.

Андрей Викторович благодарно кивнул.

Людей в чебуречной было много. Ткачёв внимательно осмотрел зал, столики и линию раздачи, спрятавшись за массивной колонной. Галдеж, стук посуды и звон стаканов слились в монотонный и громкий гул.

— Как же мне найти тебя, Саша?

Прошептал генерал, оборачиваясь на вход в чебуречную.

— О, Андрюха! — кто-то шлепнул его по плечу.

Ткачёв повернулся и увидел незнакомую, небритую физиономию.

— Пойдем-ка за наш столик, — дыхнул незнакомец перегаром, подталкивая генерала к противоположной стене зала. Пришлось протискиваться сквозь тела посетителей.

Неожиданно кто-то сильно взял его под локоть и развернул к ближайшему столику.

— Тебе зачем Буряце, Андрей?

— Сашка!..

— Тихо, генерал, — оглянулся Тарасевич и надкусил чебурек. За столиком они стояли вдвоём. Но Ткачёв понял, что за соседними стоят опера из МВД. — Я в курсе, что ты выпал из нашей системы и перешёл в контору. Даже могу тебя понять. Но зачем тебе Боря Бриллиантович — не понимаю.

— Как ты сказал? Бриллиантович?!

— Да. Кликуха у него такая. Ты бы с Автондилом за него поговорил.

— Не могу. Мы с ним в контрах. Поэтому попросил тебя. К тому же, ты не станешь врать.

Тарасевич ухмыльнулся.

— Откуда ты можешь это знать?

— Мы никогда друг другу не ввали...

Подполковник бросил чебурек на тарелку.

— Что ты хочешь знать конкретно?

— У вдовы писателя Толстого взяли брошь старинную. Цены необыкновенной.

— Знаю. И что?

— В посольстве Боря мелькал с Галиной. Могли они быть причастны?

— На Борю кражу хочешь повесить?

— Разобраться хочу.

Негромкий разговор двух мужчин не вызывал подозрений. Люди шумно ели чебуреки и звенели стаканами, втихаря под столиком разливая водку.

— Мы вели это дело, Андрей. Но сверху пришёл жесткий указ — Галю, Свету и Борю не трогать никоим образом. Все материалы по ним — уничтожить.

— От кого указ пришёл?

— От Чурбана.

Ткачёв понял, что Тарасевич имеет в виду Чурбанова — мужа Брежневой. А Чурбанов действует только с разрешения самого Щелокова.

— Что сам можешь сказать?

— Боря — тот ещё фрукт. На нем и контрабанда, и спекуляция бриллиантами, шубами.

В воровской среде он, конечно, фраер. Но зачётный.

— То есть, навести на брошку смог бы?

— Да. Без палева. Наглый, но осторожный. Мы выяснили, что жена румынского посла

— цыганка. И к Боре равнодушна.

— Кто мог организовать Толстой приглашение на приём?

— Мы видели девчулю, крутившуюся какое-то время рядом с Борей. И довели её до... посольства Франции. Данные на неё откопать не смогли. Делай выводы, Андрей.

— Спасибо, Саша. Рад был тебя видеть.

Ткачёв глотнул водки и закусил чебуреком из тарелки Тарасевича.

По дороге до Сокольников, Ткачёв пытался сложить тот пазл, что крутился у него в голове. Такого хитросплетения Андрей Викторович не разгадывал никогда. Даже дело в Зареченске теперь показалось ему детской игрой, по сравнению с тем, что творилось здесь и сейчас.

«Нужно найти грамотного историка, разбирающегося в истории Франции», — подумал Ткачёв. Ему казалось, что разгадка кражи лежит во взаимоотношениях Франции и СССР. Но каким образом? СССР и Франция совместно сняли фильм «Тегеран-43» и выпустили на экраны в 1980 году. Ален Делон вместе с Игорем Костолевским. Клод Жан с Арменом Джигарханяном. Что не так?!

А может быть, наоборот? Кто-то хочет расстроить улучшение отношений между странами? Спецслужбы всегда использовали уголовный элемент в своих целях. И Буряце, как нельзя лучше, подходил для этой роли.

Андрей Викторович вышел из метро и окольным путем пробрался к магазину «Зенит». Поискал свою «Волгу», глядя из двора дома сквозь арку. Нашёл.

— Стой, Викторыч!

Хмель придавил генерала в стене дома. Хорошо, никто не видел.

— Ты что тут делаешь?! — удивился Ткачёв.

— Пасут тебя, Андрей. И менты, и конторские. Около твоей дачи уже обосновались.

— А ты трезв, Хмель?! — не поверил генерал.

— Не до шуток. Мне своих людей надо прятать. И оставаться у тебя больше не могу.

Ткачёв быстро нашёл решение.

— Я дам тебе ключи от дачи своего бывшего тестя. Я через своего опера купил, знаешь, по случаю.

— Если тебя пасут, то пошла утечка, — возразил агент. — И про дачу могут знать.

— Дача оформлена на подставное лицо, — признался Ткачёв. — Подумаешь, мой опер был посредником. Наконец, я могу её сдавать в целях наживы. Вариантов-то сейчас все равно нет.

— Ладно, давай ключи и адрес. Мы проверим твой домик, — согласился Хмель.

Генерал написал адрес, отдал ключи. Хмель в ответ протянул небольшой плоский прибор.

— Это «жучкоискатель — жучкоподаватель». Нажимаешь левую кнопочку — приборчик ищет жучки. Нажимаешь правую кнопочку — жучки тебя не слышат. Только правую кнопку долго не держи — заподозрят. И кнопки не перепутай!

— Твою мать! — выругался Ткачёв, беря прибор. — В какое дерьмо я опять попал!

— Привыкай, — усмехнулся агент. — Ты в конторе.

— Что посоветуешь?

— С жучков пока не слезай. Видать, дело тебе доверили весьма щекотливое. Сегодня про «жучки» намекни Кудрявцеву, не откладывай. Он конторских должен сбросить. Не сразу, конечно. А с ментами ты сам разбирайся. Ты же — генерал, а не хрен соси.

— Да пошёл ты, Хмель!

— Всё, ухожу. Ты знаешь, где меня найти.

Агент скрылся в темноте под пеленой падающего снега, а Ткачёв, выждав немного, направился к своей «Волге».

Елизавета и Павел Павлович его заждались, хотя в салоне было тепло и комфортно. Ткачёв нажал правую кнопку прибора, лежащего в кармане пальто, и, глядя на довольные лица секретаря и шофёра, сказал:

— За нами хвост. И, скорее всего, нас слушают. Я ненадолго отключил прослушку, так что, запоминайте — лишнего не говорим, дела не обсуждаем. Говорить можно только на бытовые темы. Всё понятно? Если что-то срочное по делу, то пишите на бумаге.

Секретарь и шофёр дружно кивнули. Ткачёв отключил помехи.

— Пал Палыч, домой!

— Слушаюсь, товарищ генерал, — наигранно угрюмо пробубнил старшина и выехал на улицу.

Пока ехали, Андрей Викторович присмотрелся к Тимофееву. Старшина крутил руль

непринужденно, поглядывая в зеркала. Неожиданно сделал резкий манёвр, будто машину занесло на снегу. Елизавета даже ойкнула.

— Всё хорошо, Пал Палыч? — генерал наклонился к старшине.

Тот жестами показал, что их ведут две машины — сзади и справа. Ткачёв хлопнул шофера по плечу и удовлетворённо откинулся назад.

— Елизавета Сергеевна, вы не будете против, если я вечером загляну к генералу Кудрявцеву?

— Не буду, Андрей Викторович. Думаю, что папа будет рад сыграть с вами в шахматы.

— А давайте купим торт к чаю?!

— Я не возражаю.

Тимофеев притормозил, и Ткачёв с Лизой прошли в булочную, встретившуюся по пути. Тут же за «Волгой» остановились две машины, причем старенькие «Жигули» третьей модели совершили крайне опасное на такой дороге перестроение.

Из остановившихся за ткачевской «Волгой» «Москвича» и «Жигулей», вышли люди и тоже направились в булочную.

— Эй, парень! Спичек не найдется?! — крикнул Тимофеев тому, кто вышел из «Москвича». Мужик нехотя направился к «Волге». Старшина неловко вылез из машины, вынимая сигарету и поскользнулся. Хорошо мужчина из «Москвича» был уже рядом и удержал старшину от падения.

— Вот, спасибо, друг! — прикурил Тимофеев. — Ты прости...

— Не за что, — буркнул мужчина и поспешил в булочную. Старшина остался у машины и смотрел ему вслед, прищурившись.

Когда генерал с Лизой сели в машину, Тимофеев спокойно и уверенно вырулил на улицу. Дождавшись, когда «хвосты» займут места за «Волгой», передал генералу удостоверение. Ткачёв удивленно посмотрел на старшину и открыл «корочки». В них значилась фамилия лейтенанта Жевнова из Управления «С» ПГУ КГБ СССР. Снова немой вопрос Тимофееву, на который тот ответил, показав пальцем на «Москвич», следовавший за «Волгой» Ткачёва.

Генерал показал старшине большой палец и положил ладонь на плечо шофера. Лиза с интересом смотрела на эти жесты и довольное лицо начальника.

— Андрей Викторович! — развёл руками генерал Кудрявцев. — Решили навестить своего куратора по школе?

— Учиться тоже надо, Сергей Иванович.

— Это верно! Проходи, Андрей Викторович. О, так вы торт купили! Вот и чаёвничать будем, или?..

Ткачёв вынул из кармана «жучкоискатель».

Кудрявцев очень удивился, выпучив глаза. Ткачёв же, нажав кнопку, слушал тонкий писк прибора, водя им по сторонам. Наконец, Сергей Иванович, догадался.

— Так ты прослушку ищешь, Андрей?!

Хозяин дома расхохотался.

— А что смешного? — не понял Ткачёв.

— У меня в доме стоит генератор помех. Чтобы меня слушать, надо стоять рядом со мной. Говори, что случилось? — нахмурился Кудрявцев.

Вместо ответа Андрей Викторович вынул удостоверение лейтенанта Жевнова.

— Вот. За нами следовали две машины от Сокольников. Отстали только на повороте в

дачный поселок.

— Понял, обожди...

Хозяин прошёл к тумбочке с телефоном, снял трубку и набрал короткий номер.

— Не помешал, Юрий Владимирович? Хорошо. Тут ко мне зашел генерал Ткачёв. Говорит за ним «приклеились» люди из Управления «С» ПБУ. Да... Факт имеется в виде удостоверения лейтенанта Жевнова. Как он его получил? В результате контакта. А как ещё? Понял. Доброй ночи...

Кудрявцев медленно положил трубку.

— Дааа... Кому ты серьёзно дорогу перешёл, Андрей Викторович?! Ладно, завтра наружку снимут, не беспокойся.

— Была ещё одна, — не удержался Ткачёв.

— Да что же такое?! — неподдельно удивился Кудрявцев. — И кто?

— Милиция...

Ткачёв поморщился.

— Ууу, — развеселился Сергей Иванович. — Ты прямо звезда, Андрей! Говори, что накопал, а потом чай будем пить. Или что-нибудь покрепче?

— Я бы не отказался и покрепче...

— Понял! Лизонька, накрой-ка нам в моём кабинете. Коньячку, закуску... сама знаешь.

Елизавета засуетилась, хлопая холодильником и орудуя ножом.

— Говори, Андрей, — приказал Кудрявцев, когда они сели за стол в кабинете хозяина.

Лиза ушла вниз.

— Я встретился с ... информатором из МУРа. Мне поступили данные на некоего Борк Буряце, известного под кличкой Боря Бриллиантович, — выпив стопку, начал говорить Ткачёв. — Буряце, Галина Брежнева и Светлана Щелокова связаны между собой страстью к бриллиантам. Сначала я подумал, что эта троица причастна к краже бурбонской лилии у вдовы писателя Толстого. Информатор мне сообщил, что в деле фигурирует некая молодая особа, свободно входящая во Французское посольство. Но данных на неё нет. К тому же, Толстой кто-то должен был дать приглашение на приём в Румынском посольстве и заставить её одеть бурбонскую лилию. Ведь до этого она эту брошь даже не доставала из тайника.

— Странные вещи говоришь, Андрей Викторович, — Кудрявцев даже встал. — Прямо целый заговор из-за какой-то брошки. Пусть и с бриллиантами...

— Брошь когда-то принадлежала королеве Марии Антуанетте. И могла попасть в Россию после окончания войны в 1814 году. Для французов, я думаю, это некий символ, и они бы хотели вернуть украшение королевы на историческую родину. Я не знаю пока, но, возможно, такие переговоры велись.

— Да. Были такие переговоры, Андрей, — кивнул Кудрявцев. — На уровне МИДа Историческому музею СССР было поручено провести беседу с Людмилой Ильиничной на предмет покупки у неё бурбонской лилии за миллион рублей. Плюс перевод пары книг Алексея Толстого на французский язык и издание во Франции.

— Я даже догадываюсь каких книг...

— Дальше, Андрей.

Ткачёв выпил ещё рюмку коньяка и закусил лимоном.

— Совместное производство фильма и возврат украшения на родину, способствовал потеплению отношений между СССР и Францией. Но такое потепление ломало некие планы ЦРУ в отношении СССР.

Кудрявцев затряс поднятым пальцем.

— Вот тут ты недалёк от истины, Андрей Викторович. Сближение СССР с Францией совсем ломает планы ЦРУ. Есть мнение, что сближение позволит Франции требовать от США убрать с её территории базы НАТО. Тут ещё, как говорится, на подходе контракт с Западной Европой на поставку из СССР природного газа. И Франция выступает инициатором и инвестором. И тянет за собой ФРГ, Испанию и Бельгию. Главы МИД этих стран уже наметили совещание по этому поводу.

— И что получается?

— Некая молодая особа из посольства Франции делает Людмиле Толстой приглашение на приём в Румынское посольство и уговаривает старушку похвалиться на нем брошью Марии Антуанетты. Ради чего? Ради того, чтобы показать украшение вора, или организатору грабежа. Допустим, мы возьмём эту девушку и докажем её причастность к краже. А она — гражданка Франции. Не думаю, что отношения СССР и Франции, на фоне тех договоренностей, будут улучшаться. А если брошь похищена по заказу, допустим, Галины Брежневой, то французы явно будут не в восторге.

Кудрявцев заметался по кабинету, как тигр в клетке.

— Всё верно ты мыслишь, Андрей Викторович. Главное для ЦРУ было, чтобы брошь похитили. А ещё главное — чтобы не нашли. Французы очень щепетильны, когда дело касается их символов. Они же... родители демократии, чёрт! И отношения мы с ними действительно испортили из-за этой кражи! Что делать?!

— Надо работать две версии. Первая — вызвать на допрос Бориса Буряце и вынудить его к сотрудничеству. Вторая — молодая особа из посольства Франции. А вот если потом мы привяжем к похищению ЦРУ, то, думаю, французы дойдут до официальной ноты протеста к США. Или как там это называется?

— Не важно, — махнул рукой Кудрявцев. — Как это называется. Важно, что ты мыслишь в нужном направлении. За Буряце, правда, Брежнева встанет грудью. Что очень херово! Распустил её Леонид Ильич — не подступиться. С французенкой ещё сложнее. Мы даже не знаем, кто она!

— У нас есть информатор в посольстве?

— Откуда?! Контора не всемогуща. Информатора же надо на чём-то поймать!

— На бриллиантах, например, — предложил Ткачёв. — По дешёвке...

Кудрявцев резко встал.

— И кто будет это делать?

— У меня есть люди, — спокойно ответил Ткачёв. — Надо только задачу поставить.

— Действуй, Андрей, — рубанул воздух пальцем Кудрявцев. — С Андроповым я договорюсь.

Ника Пордеро была родом из Молдавии. Уже в четырнадцать лет она отличалась от сверстниц не по годам развитой стройной фигуркой и миловидным личиком. И страстно хотела стать журналистом, чтобы написать биографию Галины Брежневой. Дочь генсека была для неё кумиром, некой недоступной вершиной совершенства и свободы.

В семнадцать лет Ника уехала в Одессу и поступила в литературный институт. Там её и заметил красавец Леонид Слепак, уже тогда известный контрабандист по кличке «Краса Одессы». Лёня быстро нашёл подход к наивной и жаждущей острых приключений девушке, влюбил в себя и использовал в своих корыстных целях. Ника, едва закончив первый курс, по настойчивой просьбе Слепака вышла замуж за престарелого французского дипломата. Лёня,

пользуясь дипломатической почтой, и с помощью Пордеро, стал налаживать каналы сбыта бриллиантов за рубеж и с помощью взяток добился получения Никой французского гражданства.

Отправка драгоценностей через дипломата не осталась без внимания SDECE — довольно скандальной французской спецслужбы, а оттуда информация утекла в МИБ и ЦРУ. Тогда за Никой и Слепаком стали пристально наблюдать.

Ткачёв «ломал голову» над единственным вопросом — кто вывел тандем Пордеро-Слепак на бурбонскую лилию? Толстая, конечно, многого не договаривает. Ведь события, произошедшие накануне кражи, если бы Людмила Ильинична была бы со следствием откровенна, могли бы чётко вывести на след заказчиков грабежа. Но Толстая молчала. И Ткачёва этот факт раздражал.

Помог случай.

Зайдя утром в свою приёмную, Андрей Викторович застал там, кроме Лизы, невысокого плотного мужчину в темно-коричневом костюме. Костюм сидел на посетителе мешковато и темный галстук в полоску непонятного цвета только придавал небрежности общему виду кривым и неумелым узлом.

— Здравствуйте, Андрей Викторович, — посетитель сверкнул выбритым черепом.

Лиза попыталась что-то сказать вошедшему генералу, но мужчина в костюме остановил её властным жестом.

— Я сам представляюсь генералу Ткачёву, спасибо.

— Здравствуйте. Пройдемте в кабинет, — пригласил Андрей Викторович.

Они вдвоем зашли и незнакомец, достав платок, провёл им по выбритой голове.

— Я руководитель управления «С» полковник Авраменко. Это с моими сотрудниками вчера у вас произошёл инцидент...

— А ничего не было, полковник, — перебил его Ткачёв. — Я не в претензии ни к вам, ни к вашим сотрудникам.

— Я понимаю, — заискивающе улыбнулся Авраменко. — Наблюдение за вами было инициировано...

— Не надо! Просто скажите, что вам от меня нужно.

Полковник нервно ослабил узел галстука.

— Не расскажете мне правду — каким образом удостоверение лейтенанта Жевнова оказалось у вас?

Ткачёв задумался. Он уже успел узнать, что представляет собой управление «С».

— Расскажу, но вы окажете мне услугу. И выполните одну мою личную просьбу.

— Я слушаю, товарищ генерал, — вытянулся Авраменко. — Думаю, мы сможем быть друг другу полезны.

Ткачёв удовлетворенно кивнул.

— Лейтенант вошёл в незапланированный контакт с более опытным и умелым сотрудником, хотя, по всей вероятности, должен был это знать. Мой водитель служил в ГРУ и обладает специальными навыками. Жевнов этого не учёл. По молодости...

— Ясно, — вздохнул полковник. — Какого рода услугу я должен оказать?

— В посольстве Франции работает дипломат. Он стар и не выполняет особой нагрузки. Но его жена — бывшая гражданка СССР и уроженка Молдавии. Молодая женщина лет двадцати. Надо сделать так, чтобы у неё аннулировали французский паспорт. Это возможно?

— Не вижу проблем, — после небольшого раздумья ответил Авраменко. — Какова

просьба?

— Не наказывайте лейтенанта строго, пожалуйста. Если он доставил вам неудобства своим промахом, то в наказание прикомандируйте его на время к моему отделу.

— Я услышал, товарищ генерал, — полковник протянул Ткачёву ладонь для рукопожатия. — Номер моего прямого контакта я оставляю вашему секретарю.

— Спасибо, полковник, — Ткачёв сжал протянутую ладонь.

Как только Авраменко вышел, в интерком раздался голос Елизаветы Сергеевны.

— Андрей Викторович, вам звонок из приёмной министра Щелокова.

— И что хочет от меня приёмная? — спросил генерал осипшим голосом.

Елизавета хихикнула.

— Наверное, поговорить. Нажмите кнопку с цифрой один.

— Слушаю, — немного взволнованно проговорил Ткачёв, нажав кнопку. Потом вспомнил про «жучкоподавитель» и спешно включил прибор на защиту от прослушивания. Благо, не успел снять пальто.

— Товарищ генерал. С вами будет говорить товарищ министр. Секунду...

Интерком щелкнул переключением.

— Здравствуйте, Андрей Викторович.

— Здравия желаю, товарищ министр внутренних дел СССР.

— Я беседовал с Юрием Владимировичем и он мне рассказал, что мои сотрудники вчера вечером вели за вами наблюдение. Вы можете это подтвердить?

— Да, товарищ министр. Могу предоставить марку автомобиля, регистрационный номер, количество сотрудников в машине, назвать подразделение, проводившее наблюдение и инициатора, — Ткачёв не блефовал. Утром за ним приехал Тимофеев и передал пакет от Хмеля. В пакете лежали фотографии и распечатанные разговоры наружки с инициатором. Где это всё взял агент, генерал не знал.

— Вот как?! — удивился Щелоков. — У вас есть подтверждающие документы?!

— Есть, товарищ министр. Я готов их предоставить председателю.

Щелоков замолчал. Спустя минуту, попросил:

— Что я могу сделать, чтобы эти документы не дошли до председателя?

Ткачёв не растерялся.

— Думаю, что опрос Бориса Буряце в МУРе в присутствии моего сотрудника.

— В качестве?..

— Будет просто разговор, товарищ министр. Протокол опроса уйдет только мне.

— Кто будет опрашивать из МУРа?

— Считаю, товарищ министр, что вы сами назначите...

Было слышно, как Щелоков удивленно хмыкнул.

— А вы быстро учитесь, Андрей Викторович. С вами свяжутся...

Связь прервалась, но Ткачёв ещё долго сидел перед интеркомом. «Не хватает звонка от самого генсека», — думал генерал, и вскоре интерком включился.

— Андрей Викторович, — раздался растерянный голос секретаря. — Вам звонит некто Автондил Акакиевич...

— Слушаю, — вздохнул Ткачёв, нажав кнопку под номером два.

— Доброго здравия, генерал, — в голосе Автондила звучало беспокойство.

— И тебе не хворать, Макакыч...

— Андрей, больше не называй меня так. Обидно...

— Ладно. Не буду.

Ткачёв пожалел, что не курит. Сейчас бы с удовольствием затянулся табачным дымом.

— Видишь ли, очень влиятельная особа жаждет с тобой встретиться, — осторожничал авторитет.

— Пусть приходит. Я пропуск выпишу.

— Эээ... Это совсем неудобно. Не мог бы ты зайти ко мне?

— Автондил, а с каких пор ты стал посредником? Впрочем... На какую тему будет разговор? Может быть, я и встречаться не буду.

— Отказом ты поставишь меня в крайне неудобное положение, — огорчился авторитет.

Ткачёв засмеялся.

— Представляю тебя в неудобной позе.

— Андрей, мне действительно не до шуток!

Андрей Викторович подумал, что звёзды на небе сошлись сегодня в его пользу. Все от него что-то хотят.

— Ты сам себя поставил в такую позу, Автондил Акакиевич. Нельзя быть... и нашим, и вашим.

Авторитет умолял:

— Генерал, я очень тебя прошу! Буду обязан!

— Я тебя за язык не тянул...

Ткачёв сообразил, что Автондила напрягают — фраза «буду обязан» из уст авторитета значила многое.

— Ладно, — сдался Андрей Викторович. — Скажи Галине Леонидовне, что я буду у тебя в четыре часа. И если она приведёт Борю Буряце, то будет ещё лучше.

И оборвал разговор, оставив Автондила в полнейшем недоумении.

— Звонили из МУРа, Андрей Викторович, — Елизавета слегка охрипла. — Опро назначен на двенадцать дня. Проводить опрос от МУРа будет подполковник Тарасевич.

— Спасибо, Лиза. Вызовите, пожалуйста, ко мне майора Гришаева. Срочно.

Ткачёв только заметил, что он ещё даже не снял пальто, как зашёл в кабинет. И только поднялся, чтобы снять, как открылась дверь.

— Товарищ генерал, — заглянула удивленная и слегка растрепанная Лиза. — К вам лейтенант Жевнов.

— А, пусть заходит.

В кабинет, локтем чуть не задев грудь секретаря, вошел широкоплечий молодой человек.

— Товарищ генерал!..

Ткачёв остановил его доклад гневным взмахом ладони.

— Я в курсе, лейтенант. Отдайте командировочное предписание секретарю и спускайтесь к моей машине. У вас командировка на неделю?

— Так точно, товарищ генерал!

— Оглушил криком, лейтенант, — сморщился Ткачёв. — Неделю побудете с моим водителем в качестве курсанта. Задание понятно?

— Так точно. Разрешите выполнять?

— Идите.

Лиза, проводив взглядом молодца, удивленно взглянула на генерала.

— Елизавета Сергеевна, — улыбнулся тот. — А не сделаете мне кофе? С утра столько разговоров, что мозг закипел...

— К вам майор Гришаев.

— И ему тоже кофе. Присаживайтесь, Евгений Арсеньевич.

Ткачёв положил перед собой лист бумаги.

— В двенадцать вам нужно быть в МУРе на опросе Буряце. Возьмите мою машину и поезжайте. Найдёте в МУРе подполковника Тарасевича. А сейчас, пока будем пить кофе, мы набросаем тезисы ваших вопросов к Буряце. Кстати, только вы будете вести протокол опроса. После окончания разговора опрошенный должен его подписать. Любыми способами заставьте его это сделать. Повторяю — любыми.

Было уже половина четвёртого, а Гришаев не возвратился из МУРа. Ткачёв нервничал и часто звонил в свою машину, но лейтенант Жевнов отвечал, что майор ещё в здании. Наконец, Андрей Викторович, приказал лейтенанту, чтобы от МУРа они поехали в ресторану «Пекин» и вели наблюдение за парадным и служебным входом, фотографируя всех, кто будет заходить и выходить.

Ровно в четыре генерал вошёл в кабинет к Автондилу. Старый вор было поднялся, чтобы представить своей собеседнице Ткачёва, но она властно остановила его:

— Не надо! Генерал знает, кто я. А я знаю генерала.

Андрей Викторович не стал дожидаться приглашения и присел за стол, заставив гостью Автондила недовольно нахмурится. Она не привыкла к подобному. Автондил же остался стоять. Она посмотрела на него и жестом пальцев приказала уйти. Старик склонился и, пятясь, вышел из кабинета.

— Слушаю вас, — сказал Ткачёв.

— Генерал, а почему вы так себя ведёте?! — раздраженно спросила она.

— А как я должен себя вести? — наигранно-грубо сделал вид, что не понял, Андрей Викторович.

— Ты же знаешь, кто я, — перешла на «ты» собеседница, легонько стукнув пальцами по столу.

— Знаю. И что?

Ей было непонятно упорство генерала.

— Ты что на рожон лезешь?!

Андрею Викторовичу это надоело. Пререкаться с дочкой Брежнева у него не было времени.

— Галина Леонидовна, не стоит повышать на меня голос. Это не я вас сюда позвал, не так ли? И приступим к делу. Я на службе, а не зашёл в ресторан на обед.

Её такие доводы не устроили. Дочь Брежнева привыкла к рабскому повиновению окружающих. Любой, с кем она разговаривала, должен был улыбаться и смотреть ей в рот. А тут! Какой-то сраный генерал! Пусть даже из КГБ. Но последующие слова Ткачёва несколько охладили её воинственный запал.

— Поверьте, Галина Леонидовна, я настоял на разговоре с Буряце только по той причине, что он может быть использован западными спецслужбами для давления на вас. И последующего устранения вашего отца с поста генерального секретаря. Ваши личные отношения с Борисом меня совершенно не интересуют. Так же, как и ваши с ним деловые отношения.

Брежнева попыталась понять то, что сказал ей Ткачёв, ибо её «окружение» в лице Светы Щелоковой донесло до Галины совсем другие мотивы для опроса Бореньки.

— Почему я тебе должна верить?!

— Вы мне ничего не должны, Галина Леонидовна. Взгляните на эти снимки...

Ткачёв уже знал, где больное место Брежневой и выбрал пару фото, на которых Ника Пордеро, оказывала недвусмысленные знаки внимания мужчине. Правда, мужчина был снят со спины, но был очень похож на Борю Буряце. Расчёт оказался верен. Ревность ослепила Брежневу.

— Кто эта мартышка?!

— Мы подозреваем, что это агент Французской SDECE...

Галина не стала дальше слушать, а взяла снимки и яростно их порвала, бросив обрывки на пол.

— Её имя, генерал! — потребовала она.

— Извините, но...

— Имя?! — перешла на крик Брежнева.

— Ника Пордеро, Галина Леонидовна. Жена французского посла, уроженка Молдавии.

— Сучка тощая! Автондил?! Дай мне телефон!

Ткачёв не ожидал такого развития событий.

Автондил Акакиевич с испуганным выражением лица принёс трубку радиотелефона. Брежнева с удивлением поглядела на красный массивный прибор с антенной и ткнула в несколько кнопок, злорадно приговаривая:

— Щас, щас, щас... Папа, это я. Немедленно, слышишь! Немедленно жену посла Франции ...

— Ника Пордеро, — шепнул Ткачёв.

— ... Пордеро есть такая. Да! Пор-де-ро. Пусть выметается в свою Францию! И позвони в МИД немедленно, слышишь!

Трубка чуть было не полетела в стену, но Автондил ловко её перехватил до броска.

— Где Буряце, генерал? — растрепанная Галина чуть успокоилась.

— В МУРе. С ним разговаривают...

Она выхватила трубку у Автондила, снова ткнула в кнопки.

— Света, скажи мужу, чтобы не выпускал Борю из МУРа. Пусть посидит ночь в камере...

А вот такой поворот был для Ткачёва весьма удачным.

Ника Пордеро была влюблена в Лёню Слепка по уши. «Краса Одессы» был не только удачливым контрабандистом, но и превосходным любовником, разбудив в молодой девушке отвязный вулкан страсти. Сам Лёня тоже привязался к этой неуёмной до ласки молодой женщине, но «бизнес — есть бизнес». И скрипя сердцем, подложил Нику под старого француза.

Посреди бурной ночи, во время показа Никой престарелому дипломату очередного шедевра из «Камасутры», в спальню зашли люди. На прекрасном русском языке они убедили

девушку, что все её деяния идут в разрез с моральным и уголовным кодексом Советского Союза. Ника впала в отчаяние, чрезвычайно расстроив этим старого любовника. У неё такого отчаяния не было, а только боль в органе, переполненном возбужденной кровью.

Так она стала женой дипломата и агентом спецслужбы. Но скрыла от Лёни последний факт. И когда Слепак отправлял бриллианты за границу, используя дипломатическую почту, то эти операции проходили под контролем SDECE. Оттуда и произошла утечка информации в МИ6 и ЦРУ.

Ткачёв внимательно прочитал протокол разговора с Борисом Буряце.

Боря пришел в МУР на разговор в короткой норковой шубе и в фасонистых сапожках, отороченных мехом горностая. Вел себя уверенно и вальяжно, рассчитывая на защиту Галины Брежневой. Но что-то было не так. На втором часу разговора Буряце уже не понимал, почему подруга не вытаскивает его из милиции. Тут ещё «собеседник» в штатском задавал крайне неудобные вопросы. После четырех часов разговора Буряце сник. Он устал и потерял свой лоск, а «собеседники» заседали сильнее. И Бориса «прорвало». Он рассказал милиционерам очень много, правда, в протокол всё записал только человек в штатском. И очень убедительно заставил Борю расписаться под своими словами. Поначалу Буряце отмахивался, но когда услышал, что его отправляют в камеру, то со злостью подписал всё.

Прочитав протокол, Андрей Викторович понял, что Буряце и Брежнева не имеют никакого отношения к краже «Королевской лилии». Их кто-то специально затащил на тот приём в Румынском посольстве, и, по словам Бориса — это была жена румынского посла, цыганка по рождению и приятельница Буряце. Он ей иногда продавал камешки, не имеющие особой ценности. В посольстве и он, и Брежнева впервые увидели старинное украшение на вдове Толстого, а Галина много и громко восхищалась брошью. И вокруг них крутилась молодая дама в очень эффектном платье. Когда Галя, напившись шампанского, зачастила в дамскую комнату поудрить нос, то эффектная дама пару раз пыталась вывести Буряце на разговор об украшении. Зная пылкий нрав своей подруги, Боря даме отказал.

В МУРе Буряце вспомнил, что Галя рассказала о «Королевской лилии» своей подруге — Свете Щёлоковой, и та буквально загорелась идеей выкупить у вдовы уникальное украшение и за несколько дней до кражи приезжала в дом Толстой. Но вдова отказала, аргументируя тем, что к ней уже приходили люди из Исторического музея с подобным предложением. Света жаловалась на них мужу, но министр отрезал — покупка броши контролировалась МИДом СССР с разрешения самого Леонида Ильича.

Участие МИДа в этой сделке насторожило Андрея Викторовича. Слишком часто стали мелькать оттуда люди — то в истории с документами секретаря Южноморска, теперь вот — в истории с кражей украшения. Ткачёв попросил Лизу соединить его с Трефиловым, но генерал-лейтенант позвонил сам.

— Андрей Викторович, а ты шустро работаешь! Мне доложили, что жена третьег секретаря посольства Франции, эээ... Пордеро, вызвав такси, едет в Шереметьево. Чтс собираешься делать?

— Думаю, её надо брать. Только не своими силами, а операми МУРа. И вменить ей подозрение в участии грабежа. А мы с ней потом побеседуем.

Трефилов некоторое время молчал. Он понял замысел Ткачёва. Участие в грабеже можно вменить по косвенным уликам, и пока консульство Франции будет с этим разбираться, у чекистов останется время, чтобы поговорить с девушкой и вынудить её к сотрудничеству. Её связь с контрабандистом Слепаком была очевидна и доказуема.

— Действуйте, Андрей Викторович. Если что, то напрямую связывайтесь со мной.

Ткачев со всем отделом, на двух машинах мчался в Шереметьево. Только Елизавета Сергеевна осталась в кабинете на телефоне. Генерал из машины раздал необходимые распоряжения, контролируя действия оперов МУРа и таможенников. Такое ему было не впервой. Десять лет назад он лично брал в Шереметьево вора по кличке «Акробат». Тогда Ткачёв перекрыл Акробату все ходы и входы в аэропорт и встретился с ним в кафе на втором этаже.

— Лихо ты, начальник, меня обложил, — со злостью восхитился вор. — Ни вздохнуть, ни пёрнуть. А ну, как бы у меня шпалер был?

— Ты старый вор, Акробат. И оружие никогда не носил. Тебе такое в падлу. Да и не смог ты достать ствол — мы за этим проследили.

Пордеро, понятно, было до Акробата далеко, но Ткачёв предположил, что в аэропорту с ней может кто-нибудь встретиться. И не ошибся. Уже когда Ткачёв и его люди подъехали к Шереметьево, раздался звонок:

— Товарищ генерал, к Пордеро подошёл мужчина. По приметам похож на «Красу Одессы». Он передал ей паспорт и какие-то документы.

— Берите обоих! — крикнул Андрей Викторович.

Нику и Лёню взяли быстро и без лишнего шума. Там же, в аэропорту обыскали и нашли у Слепака гарнитур из коллекции Людмилы Ильиничны Толстой.

— Где бриллиантовая брошь с рубином, гражданин Слепак?

— Какая брошь, начальник?! Ты чего мне лепишь?

Ткачёв понимал, что Лёня будет молчать, но времени было мало, чтобы обойтись разговорами. Андрей Викторович позвал лейтенанта Жевнова.

— Лейтенант, у вас есть возможность реабилитировать себя перед полковником Авраменко. Этого красавчика надо разговорить, но так, чтобы никто не заметил. Сможете?

Жевнов расправил широкие плечи и утвердительно кивнул.

Лёня с Никой, наперебой, давали показания. Опера еле успевали записывать и менять кассеты на видеокамере.

Заказ на брошь поступил Нике от незнакомца, представившегося сотрудником посольства Франции по культуре. Ника потом справлялась о нём у мужа, но тот сказал, что этот атташе по культуре связан со спецслужбами. Но Пордеро было некуда деваться — ей пригрозили лишением гражданства Франции и передачей её любовных утех и прочих связей со Слепаком в соответствующие органы СССР. И попросили для выполнения заказа свести Слепака с человеком по имени Анатолий Бец, который выдавал себя за вора из Одессы.

Ника прекрасно выполнила свою часть задания — на встрече Слепак обещал Бецу ещё двух помощников. На приёме в посольстве Румынии Пордеро смогла сфотографировать брошь на наряде Толстой. А Бец потом смог достать милицейскую форму и удостоверения. Где он это достал — осталось в тайне.

На грабеж пошли трое — Анатолий Бец и подручные Слепака — Михаил Сушкин и Семён Шварцберг. Бец обещал отдать Слепаку и Пордеро половину награбленного у вдовы. Но обманул, после ограбления скрывшись в неизвестном направлении вместе с подручными.

Слепака и Пордеро развели по разным комнатам и оперативники стали работать над составлением портретов грабителей. Ткачёв распорядился отправить ориентировку на грабителей в Одессу и пробить по базе их личности, а арестованную парочку доставить в Лефортово.

Теперь у Андрея Викторовича появились ещё вопросы. Эта история выглядела несколько неправдоподобно, и в ней оставался главный невыясненный момент — кто и как заставил вдову писателя показать «Королевскую лилию» на приёме в посольстве. И генерал догадывался, что брошь уже «ушла» за границу.

— Что скажешь, Андрей Викторович? — генерал Трефилов нервно ходил по кабинету и только отчаянно махнул рукой на секретаря, которая попыталась принести чай.

— Анатолий Романович, часть украденных украшений МУР, конечно, найдет. Это им бросят в виде обглоданной кости.

— Не до аллегорий, Андрей Викторович, — сморщился Трефилов. — По существу что скажешь? Мне утром Андропову надо доложить.

— Честно? Нас переиграли. Использовали напряженные в данный момент отношения между МВД и КГБ. И перед Брежневым выставили всех в не лучшем свете. МВД явно затаило с розысками, потакая Брежневой и Буряце, а нас отправили по ложному следу. Плюс моя неудача с документами...

— Мда, — печально протянул Трефилов. — Расслабились мы все капитально. Теперь контракт по газу с Западной Европой точно сорвется. Получается, французов-то мы обманули?

— Получается, что обманули, — поддакнул Ткачёв.

— Как спокойно ты об этом говоришь, Андрей Викторович, — посуровел генерал. — А ведь мы с Андроповым на тебя рассчитывали!

— Анатолий Романович, вы представить себе не можете, на что мне пришлось пойти, чтобы МУР арестовал Буряце. А информацию из МУРа по краже у вдовы мне пришлось выцарапывать чуть ли не у самого Щелокова. А после встречи с информатором из МУРа ко мне приставили «ноги» и МВД, и КГБ. И как работать в таких условиях?! Кстати, я потратил всего два дня, чтобы выйти на грабителей. И это спустя два месяца после ограбления, пока МВД вело следствие. Кто от МВД его вёл?

— Да, успокойся, Андрей! — Трефилов перешёл на «ты». — Прости, если обидел. Я-то всё понимаю, но что сказать Андропову?! Завтра политбюро собирается на закрытое совещание по поводу газового контракта.

Ткачёв задумался и посмотрел на часы, висевшие на стене кабинета. Ему в голову пришла невероятная мысль.

— Анатолий Романович, наша задача не допустить срыва контракта?

— Так точно.

— Тогда присядьте и выпьем чай. И будем ждать звонка из МИДа.

Пордеро арестовали три часа назад. Ткачёв надеялся, что её престарелый муж забьёт тревогу и потянулся к телефону.

— Валерий Арсениевич, берите мою машину и лейтенанта Жевнова, — скомандовал генерал своему оперу. — Поспешите в Лефортово. Там допросите Слепака. Узнайте у него — сколько лет было Пордеро, когда она в первый раз легла под старого дипломата. И если ей не было ещё восемнадцати, то тщательно запротоколируйте допрос.

Трефилов заулыбался.

— Не бог весть какой аргумент, но может быть веским.

— Скандал сейчас французам не нужен, факт, — положил трубку Ткачёв. — Но они будут торговаться. Пордеро — живой свидетель. И Слепак — тоже... А, кстати, как Пордеро получила разрешение на брак с французом? Ведь такое разрешение выдаётся только после

одобрения Леонидом Ильичом! В десятидневный срок после подачи прошения из французского посольства. А не был ли атташе по культуре инициатором прошения? А не заходил ли он к вдове Толстого?

Теперь Трефилов потянулся к телефону.

— Пошлите толкового опера на адрес вдовы Толстого. Снабдите его фото атташе по культуре посольства Франции. Впрочем, дайте ему фото всех дипломатов. Пусть опер выяснит, кто из них приходил к ней и расспрашивал о «Королевской лилии». Или уговаривал нацепить на приём в румынское посольство.

И положив трубку, весело вздохнул: — Ну, вот! Теперь можно и чаю попить.

Звонка из МИДа генералы ждали не долго — чай допить не успели.

— Слушаю, генерал Ткачёв, — представился Андрей Викторович.

— Из посольства Франции поступила нота на арест гражданки Франции Пордеро. Как вы это объясните?

— Гражданка Пордеро была задержана в связи с возбужденным уголовным делом. У нас к ней имеется ряд вопросов. Мы с генерал-лейтенантом Госбезопасности Трефиловым готовы встретиться с консулом, — спокойно объяснил Ткачёв под утвердительный кивок Трефилова.

— Я передам ваш ответ в посольство Франции...

Андрей Викторович поставил на стол чашку с недопитым чаем.

— Хорошо, — сказал, вставая, Трефилов. — Теперь ждите.

— Чего? — не понял Ткачёв.

— Обычно сотрудники спецслужб выходят друг на друга. Если атташе по культуре таковым является, то он выйдет на вас напрямую, без посредников. Советую вам, Андрей Викторович, записать разговор. Это послужит... неким аргументом на переговорах. А вот каким, и посмотрим. Удачи!

Трефилов ушёл, оставив Ткачёва наедине с мыслями. Правда, мысли были прерваны Елизаветой Сергеевной, приоткрывшей дверь кабинета.

— Товарищ генерал, вы домой не собираетесь?

— Нет, Лиза, — ответил Ткачёв устало. — У меня ещё полно работы. Да и машина на задании. А вы-то как доберётесь?

— Я позвонила отцу. Он за мной заедет.

— Хорошо, — Ткачёв углубился в чтение записок.

Но Лиза не спешила уходить.

— Я вам не нужна? — спросила она тихо.

Андрей Викторович вздохнул и отложил чтение. Протёр ладонями глаза, покрасневшие от напряжения.

— Вы мне всегда нужны, Лиза. Без вас я, как без рук. Но сейчас поезжайте домой. Отдыхайте, — он попытался ей улыбнуться, но не вышло.

Дверь закрылась, и вскоре Ткачёв услышал удаляющийся стук её каблучков в пустом коридоре.

Андрей Викторович только к часу ночи получил все необходимые документы и отправил сотрудников домой.

— Лейтенант, — обратился он к Жевнову. — Я могу прервать вашу командировку, и вы вернётесь в свой отдел.

Тот смущенно молчал, потупив взгляд.

— Что-то не так? — не понял Ткачёв.

— Всё так, — поспешно ответил Жевнов. — А вы можете, товарищ генерал, продлить время командировки?

— Понравилось? — усмехнулся Андрей Викторович.

— Да, — не стал скрывать лейтенант. — В вашем отделе я чувствую себя более... нужным. И старшина Трофимов ещё не закончил со мной стажировку.

— Уговорили. Я поговорю с полковником Авраменко, обещаю. Но решение за ним.

— Спасибо, товарищ генерал-майор, — вытянулся лейтенант.

Ткачёв вернулся в свой кабинет вовремя — телефонный аппарат мигал кнопкой с цифрой три. Это значило, что кто-то звонил из городского телефона-автомата. Он осторожно поднял трубку.

— Генерал, вас будут ждать через полчаса на смотровой площадке Ленинских гор. Кодовый знак — три раза моргнут фары машины...

Жевнов ещё не успел спуститься вниз, как его догнал Ткачёв.

— Берите диктофон и срочно в машину, — быстро выговорил генерал. — Оружие при себе?

— Так точно.

— Выполняйте!

Павел Павлович, получив указание, уже прогрел двигатель и встретил Ткачёва с Жевновым на ходу.

— На смотровую Ленинских гор, — скомандовал Андрей Викторович. — Успеем за двадцать минут?

— Успеем, — Трофимов уверенно крутил руль. — А не скажете, что за спешка?

— У меня встреча. Надеюсь, что очень важная.

Старшина незаметно достал из-за пояса пистолет и положил под сидение.

Доехали они быстро. На дороге возле смотровой площадки стоял лимузин «Рено». Машина мигнула три раза подфарниками.

— Встань рядом двери к дверям, — приказал Трофимову Ткачёв.

Старшина ловко выполнил маневр, и генерал приоткрыл стекло на двери. В «Рено» сделали так же. Машины стояли не под фонарем, тускло освещающим зимнюю дорогу, и собеседники не могли друг друга видеть.

— Господин генерал, — послышался голос из лимузина. — Признаю, что вы меня опередили. Чтобы вы хотели за освобождение Ники?

— Контракт не должен быть сорван, — жестко ответил Ткачёв.

— Это не адекватная цена, — не согласился его собеседник.

— Назовите вашу.

— Помимо освобождения, беспрепятственный выезд во Францию. И вы передадите мне показания Слепака на третьего секретаря посольства. Понимаю, что не вы один это решаете, но ваш ответ мне нужен сегодня — в восемь утра. В случае согласия вы выпускаете Нику.

— Показания Слепака я передам ей в Шереметьево во время отлёта. И только после подписания контракта.

— Ну, господин генерал. Будет подписан только протокол о намерениях. Сам контракт намечен подписанием в Женеве, в июле. Вы видите, я ничего от вас не скрываю.

— Я бы отдал протокол допроса Слепака сейчас, будь в моих руках «Королевская лилия».

Из лимузина громко хохотнули.

— Брошь не принадлежит вам, господин генерал. И не принадлежит мадам Толстой. А она отказалась продать её.

— Вы не правы. Толстая продала бы украшение. Вам нужно было сорвать контракт, только и всего. Но участие гражданки Франции Пордеро в грабеже доказано. И это не лучший аргумент для вас, согласитесь? Хотя, давайте Пордеро посидит в Лефортово до

июля. Так будет всем спокойнее. А вашего третьего секретаря мы возьмём на границе, предъявив крайне неприятное обвинение. Думаю, до утра она напишет заявление об изнасиловании...

— Грубо работаете, господин генерал!

— Зато эффективно, раз вы занервничали. Пордеро вам нужна, и нужна завтра на свободе.

— Я не могу допустить, чтобы Ника у вас просидела до июля!

— Тогда пусть торговые представители подпишут сегодня предварительный контракт. А объёмы поставок уточнят в Женеве. И актом доброй воли будет беспрепятственный выезд из СССР вашего третьего секретаря после подписания. А через месяц уедет и Пордеро. Ничего, посидит для страховки.

— Тогда вы будете допрашивать её только в присутствии нашего консула. И измените условия содержания.

— Это возможно. Я буду ждать подписания контракта сегодня.

Ночь стояла тихая, морозная. Но слова из открытых окон машин не были слышны, только негромкое урчание моторов тревожило тишину.

— Я очень надеюсь, что вы сдержите слово, господин генерал.

Стекло на двери лимузина поднялось, и «Рено» плавно уехал с Ленинских гор.

Ткачёв из машины позвонил Трефилову и передал содержание разговора.

— Будем ждать утра, Андрей Викторович, — подытожил Трефилов.

Ткачёв так устал, что попросил старшину отвезти его домой. На вопросительный взгляд лейтенанта Андрей Викторович ответил, что Жевнов переночует у него на даче. Ткачёв был уверен, что Хмель остался в доме его тестя со своей группой, а лейтенанта стало жалко — жил он далеко от Ленинских гор, и такси ловил бы до утра.

— Пал Палыч, если хотите, то тоже оставайтесь. Места для всех хватит.

Трофимов благодарно кивнул и прибавил газ, но, выехав на шоссе, ведущее от Москвы к дачному посёлку, заволновался.

— Товарищ генерал, я, конечно, не знаю о чём был разговор. Но ЦРУшнику я бы не стал верить.

— Почему вы подумали, что он из ЦРУ?!

— Французы так не работают, Андрей Викторович. Они большей частью бестолково действуют. А ЦРУшники разговоры разговаривают и действуют исподтишка — подло.

— Откуда такие познания, старшина?! — не переставал удивляться Ткачёв.

Трофимов молча держал руль, и «Волга» мчалась по слегка заснеженному шоссе.

Откуда взялся самосвал «ЗиЛ» генерал не понял. Рёв мотора, промелькнувшая навстречу темная громада.

— Ложись, генерал! — крикнул Трофимов, выворачивая руль.

Старшина мог и не кричать — от резкого манёвра «Волги» Ткачёв упал на сидение и удерживал себя, чтобы не упасть на пол. «Волга» скользила боком, и Андрей Викторович уперся макушкой в заднюю дверь слева, привычным движением пытаясь нащупать пистолет. Удар в дверь справа был силён, но недостаточно, чтобы тяжелая «Волга» опрокинулась с шоссе. Старшина каким-то непостижимым образом вывел её из-под ЗиЛа, и прибавил газа. Форсированный двигатель позволил генеральской машине рвануть вперёд, оставляя сзади неповоротливый самосвал.

— Лейтенант, стреляй! — Трофимов резко остановил «Волгу».

Двери распахнулись, и морозный воздух шевельнул волосы Ткачёва — папаха валялась где-то между сидениями.

Раздались частые выстрелы, хруст снега и, наконец, напряженная тишина. Ткачёв осторожно открыл дверь и вывалился на шоссе. В тусклом свете задних подфарников «Волги» разглядел неподвижную фигуру, лежащую возле переднего колеса самосвала.

— Товарищ генерал, вы не ранены?!

Пал Палыч присел возле генерала, похлопал его по груди и бокам.

— Что ты как девку меня щупаешь? — Ткачёв слегка разозлился. Но не на старшину, а на себя. Что стал такой неповоротливый. — Нормально всё. А где Жевнов?

— С той стороны у машины сидит. Зацепило его...

— А что за труп у «Зилка»? — генерал ткнул пальцем в сторону самосвала.

— Милиция приедет — дактилоскопируют. Там ещё один, с другой стороны. Выскочил, как чёрт...

— Понятно. Вызывай скорую и наряд.

Почти под утро Ткачёв попал домой. Лейтенанта отвезли в больницу, а Трофимов уехал в гараж ремонтировать машину.

Подполковник из главка МВД и следователь быстро записали показания у всех оставшихся в живых участников перестрелки, и за Ткачёвым приехал Кудрявцев на своей машине. Он и привёз Андрея Викторовича на дачу.

Ткачёв ещё на дороге после перестрелки сообщил об инциденте дежурному по КГБ и Трефилову.

— Я всё проконтролирую в МВД, — сказал генерал-лейтенант. — А ты, Андрей Викторович, давай-ка к десяти утра ко мне.

В восемь утра, когда только светало, на дачу Ткачёва «заскочил» Хмель.

— Викторыч, прекращай! — сказал агент, наливая себе коньяк. — Куда ты опять влез по самые уши?

Генерал счёл нужным всё ему рассказать.

— Ты привычки свои ментовские забудь, — Хмель снял куртку и сел в кресло, наблюдая за улицей через окно. — В спецслужбах не знают, что у тебя есть мания говорить не то, что на самом деле. Вот они и засуетились. Зачем ты ляпнул, что протокол смог бы обменять при встрече на Королевскую лилию? Вот они и подумали, что документы у тебя с собой. Да, оперативно сработали.

— Ты думаешь, что это ЦРУшники?

— Тебя «прощупывали», Андрей, — кивнул Хмель. — Ты человек новый, к тому же наглый и жесткий... Да-да, не спорь, — засмеялся агент. — Вот и послали к тебе пару... неизвестно кого. Могу спорить, что они даже по базе не пройдут. Ещё хуже, если это по отпечаткам давно умершие люди. Спецслужбы работать умеют. Ладно, — он вздохнул. — Скажу Шмелю, чтобы присмотрел за тобой. А сам займись поиском этого Беса... Или Беца.

— Так он, наверняка, уже слинял за кордон, — высказал мысль генерал.

— Вряд ли, — мотнул головой Хмель. — Это оперативный агент. Конечно, он мог соскочить и без санкции куратора, но что-то подсказывает мне, что он ещё в союзе. Я узнаю и сообщу. Вот тебе телефон, Андрей. Запомни его, а бумажку сожги. Если я буду срочно нужен, то позвонишь и скажешь — мне нужно заказать столик на такое-то время. А тебе в ответ скажут место. Кафе или ресторан. А то у тебя я уже примелькался...

Ткачёв удивился и неосознанно налил себе рюмку коньяка. Выпил залпом.

— Меня узнают по голосу?!

— Нет, блин! — Хмель развел руки в стороны. — По фамилии! Сказал же — если будет срочность встречи. Сообразишь, короче...

— Ладно, ладно. Чего ты всполошился, — успокоил Ткачёв агента, наливая ещё в рюмку.

— Андрей, хватит пить! Будто в тебя никогда не стреляли! Мы не в Зареченске...

В десять утра, слегка хмельной Ткачёв зашёл в кабинет к Трефилову.

— О, Андрей Викторович! — поднялся из-за стола генерал-лейтенант. — А вот раскисать не нужно. Есть для тебя три новости...

— Я бы коньячку шлепнул, вместо новостей, — пробурчал Ткачёв.

— Это ещё успеешь, — рассмеялся Трефилов. — В общем, первая новость — подписали предварительный контракт. Вторая новость — трупешники на дороге, оказывается, померли ещё лет десять назад. Не думал, однако, что ты умеешь оживлять трупы.

— Шутите, товарищ генерал?

— Нисколько, — уже расхохотался Трефилов, глядя на мрачное лицо Ткачёва. — И последнее — нас ждёт Андропов... Прямо сейчас.

— Наделали вы шороху, генерал, — Андропов снял очки и устало протёр глаза. — А ведь в конторе без году неделя...

— Виноват, товарищ Председатель...

Юрий Владимирович махнул ладонью, прерывая Ткачёва.

— Не нужно так официально. Я, вообще-то, вас похвалил. Присаживайтесь, товарищи.

Генералы сели за стол, напоминающий взлетную полосу аэродрома, хотя кабинет Председателя КГБ выглядел достаточно аскетично. Над столом Председателя висели портреты Ленина и Дзержинского, а полумрак огромного кабинета создавала единственная лампа с оранжевым абажуром.

— Анатолий Романович, — обратился Андропов к Трефилову, надев очки. — Как вы думаете, что могут предпринять спецслужбы стран НАТО после того, как газовый контракт все же подписан?

— Если коротко, Юрий Владимирович, то трансатлантические корпорации будут предпринимать решительные шаги для уничтожения СССР как государства. Имеются множественные доказательства того, что они давно реализуют такие планы.

Было видно, что Андропов недоволен таким ответом.

— Разверните немного свою мысль, Анатолий Романович.

Трефилов встал, и председатель не обратил на это внимания, открыв личный блокнот.

— После подписания контракта СССР забирает хорошую долю на рынке газа в Европе. Не великие деньги в целом, но в частности это своего рода вызов. Такой вызов нам не простят. С помощью санкций результата им не добиться — коммерсанты ищут выгоду, и санкции обходить научились. СССР — страна самодостаточная, обладающая людскими и промышленными ресурсами, а страны Варшавского Договора, наполовину от нас зависящие, могут восполнить то, чего не будет хватать. СЭВ, правда, не работает так, как нужно. Эта организация неповоротлива, да и нет у нас единой валюты, чтобы соперничать с долларом. Это существенный недостаток, но не критичный.

— Вывод? — нетерпеливо дернул плечом Андропов.

— Подключение стран Западной Европы к газовой системе СССР и интенсивная разработка нами новых газовых и нефтяных месторождений вынуждают спецслужбы во

главе с ЦРУ приступить к активной фазе плана Альфреда Розенберга, известного ещё с тысяча девятьсот сорок первого года. Конечно, этот план изменён под сегодняшние реалии, но суть остается такая же — расчленить СССР на независимые республики по территориальному признаку, а потом расчленить оставшуюся в одиночестве РСФСР.

— Не слишком вы сгущаете? — нахмурился Юрий Владимирович.

— Генерал Кудрявцев тоже считает, что страну тихо дербанят, — встрял Ткачёв, не извиняясь. — Спецы западных служб действуют нагло и уверенно, будто уголовники, которые считают территорию своей.

Андропов резко развернулся к Андрею Викторовичу.

— Объясните?!

— Без проблем, Юрий Владимирович. Я впервые сталкиваюсь с тем, что махрового уголовника, по которому давно плачет тюрьма, я должен допрашивать с разрешения замминистра МВД. Это как можно понять?!

Ткачёв сердито взглянул на свои руки.

— А женщина, которая всего лишь, близкая родственница Генерального секретаря, ставит мне какие-то условия! А чтобы встретиться с информатором, мне нужно сбросить наружку из МВД! Налицо уже раскол... внутренний.

Трефилов выпучил глаза после этих слов, а Андропов, наоборот, внешне казался спокоен. Только сжимал и разжимал в кулак пальцы правой руки.

— Ещё до событий в Зареченске, — продолжал Андрей Викторович. — Я заметил, что люди... простые и обыкновенные люди, начали вести себя по-другому. Нет того романтизма пятидесятых, когда мы работали на всеобщее благо. Резче стал индивидуализм, собственничество и желание выделиться. Да вы и сами знаете, стоит вспомнить дело на «Ждановской».

Тут Ткачёв наступил на «больной мозоль» Андропова. Председатель резко стукнул ладонью по столу.

— Хорошо, Андрей Викторович. А что вы предлагаете?

Ткачёв растерялся — он не был готов к такому вопросу. На помощь пришёл Трефилов.

— Юрий Владимирович, разрешите?

Андропов кивнул.

— В связи с тем, что западные спецслужбы ведут активную разработку наших партийных функционеров второго и третьего звена, а также чаще стали действовать через главарей криминала, предлагаю начать оперативную работу в направлении выявления связей...

— Вы предлагаете, — усмехнулся Андропов. — Ввести тридцать седьмой год? Объявить нынешних партработников врагами народа?!

— Было бы неплохо, — буркнул Ткачёв. — И воров в законе присовокупить. Слишком часто на них выходят из-за бугра с различными предложениями. И ведь не отказываются!

Юрий Владимирович опять хотел ударить по столу, но сдержался. Только нажал кнопку интеркома и тихо сказал:

— Принесите коньяк и закуску. Меня ни для кого нет...

Под коньяк беседа пошла более продуктивная. Трефилов с Ткачёвым наметили план оперативной работы, и Андропов с ним согласился.

Юрий Владимирович не пил — берёт здоровье. Сахарный диабет давал знать. А Трефилов с Ткачёвым бутылку коньяка уполовинили.

— Приступайте к делу, товарищи, — Председатель дал понять, что генералам можно уходить. Андропов выглядел сильно усталым и глядел на бумаги с планом, разложенные на столе склонив голову на поднятую руку. — Анатолий Романович, о ходе работы докладывайте мне лично раз в неделю.

Трефилов ответил «есть», и потянул за руку Ткачёва, но тут Андропов будто что-то вспомнил.

— Андрей Викторович, задержитесь на пару минут...

Когда Трефилов вышел из кабинета, Председатель поднялся и кивнул на бутылку.

— Не стесняйтесь, генерал.

Потом Андропов подошёл к Ткачёву и присел рядом на стул.

— Скажите, Андрей Викторович, а на ваш взгляд какова возможность того, что западные спецслужбы успешно проведут свою операцию?

Ткачёв уже наливший в рюмку коньяк, так его и не выпил.

— Если начистоту, то боюсь, что мы уже опоздали с принятием контрмер... Но поборемся, а там видно будет, — генерал ока не понимал к чему клонит Председатель.

— Я попрошу вас, Андрей Викторович, не упускать из виду «бриллиантовую мафию». С вашими связями в МВД, я думаю, это возможно.

— И кому докладывать о возможных намерениях «мафии»?

— Лично мне, — улыбнулся Андропов. — И ещё одно... И пусть это останется между нами... Сформируйте «особую» группу для сбора информации по «бриллиантовым» фигурантам. И группа должна быть готова к... решительным действиям.

Выходя от Председателя, Ткачёв ещё не понимал «конструкцию», предложенную ему для создания Андроповым. Выпитый коньяк и пережитые недавние события не дали Ткачёву сосредоточиться. Только войдя в свой кабинет, и не обратив внимания на обеспокоенный взгляд секретаря, генерал собрал в уме весь ход разговора. И понял, чтобы до конца сложить «конструкцию», ему нужен человек, разбирающийся в тонкостях взаимоотношений советской «элиты». Иначе Ткачёв будет тыркаться носом в помойные углы закулисных интриг.

Автондил отпадал. Авторитет слишком хитёр, чтобы не использовать генерала в своих целях. Кудрявцев тоже отпадал. Андропов же прямо сказал, что задача по «бриллиантовой мафии» никому не должна быть известна. Кто бы ещё смог помочь Ткачёву разобраться?

Андрей Викторович снял трубку и набрал известный ему номер.

— Вас слушают, — послышался приятный женский голос.

— Я хотел бы заказать столик на двоих, скажем, часа через два...

— Секундочку, — попросила женщина. Послышалось шуршание, будто листали страницы. — Ресторан «Новые Черёмушки» в шестнадцать ноль ноль. Вас устроит?

— Вполне, — пробурчал Ткачёв и повесил трубку. — Ещё бы знать где этот ресторан...

Ткачёв приехал в ресторан в дурном расположении духа — сегодня работа совсем не

клеилась, ранение Жевнова не было пустяковым, да вдобавок разболелась голова. А тут ещё швейцар на входе вручил генералу букет из роз.

— Просили передать, — сказал швейцар, пожимая могучими плечами.

Администратор проводил генерала до столика.

— Цветы поставить в вазу?

— Что? — не понял Андрей Викторович. — А, да, конечно...

Администратор ушёл, а к столику подошла маленькая изящная женщина в элегантном платье. Она улыбнулась Ткачёву умело накрашенными губами и прошептала:

— Вам привет от Хмеля.

Андрей Викторович не сразу сообразил, что женщина назвала пароль, и какое-то время удивленно её разглядывал.

— Генерал, приходите в себя, — попросила она. — Мы будем обедать, или в гляделки играть?

Ткачёв, наконец, понял кто перед ним и засуетился. Принесли вазу с цветами, напитки и закуски.

— Что вы хотели? — женщина умело справлялась с салатом.

— Мне нужен человек. В некотором роде аналитик по взаимоотношениям в высших эшелонах власти. Для консультаций.

Она глотнула из бокала клубничный напиток.

— Как скоро?

— Вчера...

Женщина кивнула.

— Что-то ещё?

Ткачёв приподнял ладонь, будто говоря: «Пока нет».

Она доела салат и промокнула губы салфеткой.

— Пойду, попудрю носик. А вы расплатитесь и уходите. Спасибо за обед.

После её ухода генерал позвал официанта:

— Счёт, пожалуйста!

Расплатившись, Андрей Викторович подумал, что Хмель получит от связного задание и сам выйдет на генерала, когда консультант будет найден.

Утром так и получилось. «Волгу» Ткачёва остановил постовой ГАИ на въезде в Москву. Лейтенант учтиво поздоровался и показал на заднее колесо.

— Твою же мать! — ругнулся Пал Палыч и принялся менять спущенный баллон. Ткачёв вышел из машины под мягкий падающий снег и услышал:

— Сегодня в шесть вечера. Есенинский бульвар, дом пять, квартира пять...

Андрей Викторович провёл день в торопливом ожидании. Лиза пару раз попыталась попасть ему на глаза, чтобы продемонстрировать обновку, но генерал не придал ей ни малейшего значения, полностью поглощенный в дела.

В шесть вечера он отпустил Трофимова возле Есенинского бульвара, вручив старшине пакет с апельсинами для Жевнова.

— Пал Палыч, поезжайте к лейтенанту. До дома я сам доберусь... позже...

Чем нравился Трофимов Ткачёву, тем, что не задавал лишних вопросов и не настаивал.

Андрей Викторович нашёл дом и поднялся на второй этаж. Позвонил в дверной звонок. Дверь ему открыл Хмель.

— Заходи, Викторыч, — и на вопросительный взгляд генерала, спешно ответил. — Тут

живёт старичок, который тебе нужен. Зовут его Гурам Ефимович Толь. Личность, тебе скажу, весьма интересная. Ну, ты сам все увидишь...

В гостиной однокомнатной квартиры, за круглым деревянным столом, сидел маленький старик и размеренно поедал торт «Вацлавский» прямо из коробки, запивая чаем из литровой алюминиевой кружки.

— Ну-с, — старичок отодвинул коробку на середину стола и сделал большой глоток чая. — О чём говорить будем?

Ткачёв откашлялся в кулак.

— Гурам Ефимович, не расскажете нам о взаимоотношениях в Кремлёвской элите?

Толь причмокнул губами и прищурился на генерала.

— Слишком размыто ставите вопрос, эээ...

— Андрей, — подсказал Ткачёв.

— Андрей, уточните вопрос. О взаимоотношениях в Кремле я могу говорить бесконечно.

Старик хихикнул.

Генерал призадумался. Обстановка и сам старик выглядели как-то нереалистично.

— Смелее, Андрей, — Толь потянулся к коробке. — Если Гурам будет кушать тортик, то он не скажет ни слова.

Ткачёв поторопился.

— Расскажите нам, что происходит в отношениях членов Политбюро ЦК за последние пять лет.

Старик вынул белую салфетку из-за воротника клетчатой рубашки и деловито поправил черный галстук-бабочку.

По его словам происходило следующее. Кремлёвская элита состоит из трех групп, постоянно соперничающих между собой за влияние на Брежнева. «Группа Щелокова» в последнее время стала слишком наглеть и набирать на заседаниях Политбюро все больше голосов. Щелоков, имея связи в МВД союзных республик, активно сближался с тамошними первыми секретарями ЦК. Андропов со своей группой таких связей не имел, поскольку КГБ республик полностью контролировалось партийными функционерами. «Группа Суслова» находилась в тени противостояния Щелокова и Андропова, но сам «серый кардинал» КПСС имел на Брежнева огромное личное влияние. Стоит заметить, что решения в Политбюро не принимались Брежневым единолично. Сложившаяся за шестьдесят лет партийная система власти не признавала единоличных решений. Да, такой лидер, как Иосиф Сталин, мог иногда навязать политбюро «своё» мнение, но без одобрения всех членов, даже такое мнение не проходило. В своё время за это поплатился Никита Хрущев, начавший пренебрегать коллективным мнением членов Политбюро.

Леонид Брежнев в последние годы сильно сдал. У него не уже не было такой харизмы лидера, и с трибуны к народам СССР обращался больной старик, чуть ли не теряющий при разговоре свою челюсть. В кулуарах пошли разговоры о замене Генерального секретаря.

Министр Щелоков на этот пост активно выдвигал Медунова, который нравился и Брежневу. Но против Медунова был Андропов при «активном» молчании Суслова, а последний хотел выдвинуть на пост Генсека Черненко.

Получалось, что некого общего мнения в Политбюро не было. Ещё больше возникло противоречий среди членов Политбюро после инициированного Андроповым расследования в связи со злополучным «убийством на Ждановской», и громким арестом Медунова и

Бородулиной. То есть, по кандидатуре на пост Генсека возник вакуум. Хотя, набравший силу Андропов, приближал к Кремлю малоизвестного Горбачёва.

— По моему мнению, такая ситуация слишком опасна, — многозначительно сказал Гурам Ефимович. — Этим могут сполна воспользоваться враги СССР. Как попытались воспользоваться во времена Хрущёвской «оттепели».

— И каким образом? — подводил старика к нужной теме Ткачёв.

— Сразу видно, что вы человек из милиции, — надул губы Толь. — Хотя и в самом Комитете не все последуют за Юрием Владимировичем. Поздно вы спохватились... Ой, как поздно!

— Но побороться-то можно? — с едва уловимой насмешкой спросил генерал, но услышал неожиданный ответ. Вернее, вопрос:

— А ради чего?..

Андрей Викторович молчал.

— Вооот! — многозначительно поднял палец Толь. — Идеи нет! Никогда не уживутся на планете две системы — коммунизм и капитализм. А ведь какие шансы были у коммунизма! Но всё запороли!

— Поясните. Что запороли?

— Зачем Никитка вывел наши войска из Австрии? Это ведь такой плацдарм был! Рядом Италия, Швейцария... До Мюнхена рукой подать. А что получили? Столкновения в Венгрии и Чехословакии... Да что говорить! Китай против себя повернули! Ради чего? Ради поездки Хруща в Голливуд?! Чтобы он с трибуны в ООН тапком стучал?!

Андрей Викторович поспешил успокоить разгорячённого старика.

— Обождите, Гурам Ефимович. Прежние ошибки уже не исправить. Сейчас-то что может быть?

Толь натянул салфетку на шею.

— А ты сам подумай, Андрей. Вот, возьми, и подумай. Информацию, что ты просил, я тебе дал. А что с ней делать, тебе и решать...

Под удивленным взглядом Ткачёва старик с расстановкой доел торт. Хмель даже не обратил на это внимания. Агент стоял у окна, смотрел на снежную улицу в свете фонарей и задумчиво потирал небритый подбородок.

— Я не совсем понимаю, Викторыч, темы прошедшего разговора, — Хмель вёл «Жигули» по пустынной улице. — Зачем я выдергивал Гурама на конспиративную квартиру? То же самое и я мог тебе рассказать...

— Я и сам не пойму, — махнул рукой Ткачёв. — Вчера Андропов поставил задачу, а я тыркаюсь, как слепой котёнок. Такое ощущение, что меня выбросили в море и сказали — выплывай. А не выплывешь, так и хрен с тобой!

— Знакомо, — невесело усмехнулся Хмель. — Такие правила игры в конторе.

— А мне каково?! — бубнил Андрей Викторович. — Группу, видишь ли, надо создать... Чтобы «раскрутить» преступное сообщество «Брежнева-Щелокова»! Так прямым текстом и сказано — пусть группа будет готова к решительным действиям. И где я возьму людей в группу?! Хотя...

Ткачёв стал «прокручивать» детали разговора с Председателем.

«... Я попрошу вас, Андрей Викторович, не упускать из виду «бриллиантовую мафию». С вашими связями в МВД, я думаю, это возможно.

— И кому докладывать о возможных намерениях «мафии»?

— Лично мне, — улыбнулся Андропов. — И ещё одно... И пусть это останется между нами... Сформируйте «особую» группу для сбора информации по «бриллиантовым» фигурантам. И группа должна быть готова к... решительным действиям...»

— ... Пожалуй, мне надо встретиться кое с кем из бывших коллег, — решил Ткачёв. — Поможешь мне в этом?

— Каким образом? — не понял Хмель.

— Я тебе сейчас подкину идею, а ты подумаешь, как её реализовать.

С недавних пор майор МВД, старший опер Глушко Сергей Порфирьевич был уволен со службы по приказу своего начальника. Хотя до выслуги лет ему оставалось ещё четыре года.

Причиной столь быстрого увольнения послужила нетерпимость Сергея Порфирьевича к поступкам своих бывших коллег. А ещё полное непонимание «политики партии» в отдельно взятом районном милицейском участке.

— Ну, что Порфирыч? — спрашивал бывшего майора «Ворон», вор в законе Воронков, когда они играли в шахматы на лавочке в Измайловском парке. — Вот ты всю службу меня ловил, ловил... А теперь сидим вместе...

— Не гуди, Ворон, — с мрачным видом говорил Глушко, объявляя очередной мат.

Зимой они с Воронковым резались в шахматы в одной из беседок, укутанные в тулупы и, выставив термос с чаем, чуть разбавленным коньяком. Пенсия майору ещё не полагалась, а на работу его не брали с той характеристикой, что дал при увольнении начальник. Воронков узнав об этом, пришел к майору домой.

Глушко несколько ошалел, увидев на пороге вора в законе.

— Сергей Порфирьевич, не гони. Давай по-людски поговорим.

Воронков был необычным вором. Он и не сидел никогда. Это был мудрый и образованный человек, умеющий выдумывать многоходовые комбинации без своего участия, которые приносили ему довольно приличный доход. Этаким фокусник, с легкостью жонглирующий судьбами людей самых различных социальных слоев.

Глушко тоже был необычным... милиционером. Он ловил не только «идейных» воров, но и несколько раз пытался поймать преступников «в погонах». Он открывал оперативные дела, которые закрывались прямым распоряжением начальства без объяснения причин. Глушко жаловался начальству свыше, но каждый раз результат оставался тем же — дело закрывали, а улики из дела исчезали.

И как-то раз некие предприимчивые милиционеры из Главка решили немножко побеспокоить Ворона на предмет отъёма у него суммы денег. Но Глушко сорвал им выстроенный на подлоге план. Причем подлог был грубый, Ворон и в мыслях не мог совершить такого преступления. Не то, чтобы Воронков вытащил кошелёк, его поймали, кошелёк он выронил, а потом этот кошелёк ему подложили в карман. Ворон никогда не трогал кошелёк, и даже не знал, что такой есть.

Подлог разозлил Глушко, и он легко набрал свидетелей и доказательства невиновности Воронкова, хотя уже с десяток лет всё пытался Ворона посадить.

Разоблачение подлога было довольно громким. Следственный комитет нашёл в действиях предприимчивых милиционеров преступный умысел. Воронков не сел и не потерял деньги, но эту историю запомнил. И предложил майору услуги очаровательной барышни, которая теперь ходила к Глушко убирать комнату и готовить еду. Сергей Порфирьевич никогда не был женат и жил в коммуналке. Мало того, барышня помогла Глушко устроиться ночным сторожем в булочную, и теперь бывший майор имел хоть какие-

то деньги. А то к нему стал наведываться участковый, с настойчивой просьбой устроиться на работу. И даже выписал один раз предупреждение и штраф.

Правда, никто не знал, что услуги барышни полностью оплачиваются Вороном, а те деньги, что ей давал Глушко на еду и за уборку, она клала в сберкассу на имя Сергея Порфирьевича.

И вот как-то зимним утром бывший майор по обыкновению шел в Измайловский парк на ежедневную партию в шахматы с Вороном, как на его пути остановился автомобиль. Двое шустрых мужчин быстренько обездвигили Порфирьевича и, усадив в машину вместе с шахматной доской, укатили в неизвестном направлении.

Воронков, не дождавшись партнёра по шахматам, обеспокоился и принялся разыскивать Глушко. Пробежав по снежным аллеям безлюдного парка, Ворон решил заглянуть к майору домой. Но на выходе из парка уткнулся в одинокую черную «Волгу».

— Прости, друг, — улыбнулся Воронкову пожилой водитель. — Не сможешь нам завести? Сядь за руль, а мы с товарищем толкнем машину...

Ворон крутил головой, но ничего подозрительного не заметил.

— Аккумулятор подсел, а я опаздываю, — умоляюще объяснил водитель. — Видишь, все на работу спешат. Я и так просил, и сяк, но всем некогда.

— А чего вдруг к парку-то завернул? — с подозрением спросил Ворон.

— Так, понимаешь, в туалет захотел. А припарковаться негде. Еле добежал, — водитель показал на густые кусты в парке. — Машина тяжелая — одному не сдвинуть...

— Ладно, — кивнул вор. — Помогу вам.

Ворон скинул тулуп и сел за руль, поздоровавшись с мужчиной на пассажирском сидении. И тут же почувствовал комариный укус в области шеи.

— Вот га...

Схватился за шею Воронков и моментально уснул.

Ткачев сидел напротив Глушко и Воронкова. Их привезли на дачу отданную генералом группе Хмеля и привели в нормальное состояние. На всякий случай позади «пленников» стоял Трофимов с милицейской дубинкой. Глушко был опером ретивым, да и Ворон не был слабаком.

— Зачем нас сюда привезли? — Воронков осмотрел комнату, растирая виски.

— Уж, извините, — Андрей Викторович развел руками. — Я хочу с вами поговорить.

Глушко нахмурился.

— А что, другого приглашения мы не заслужили?

— Сергей Порфирьевич, давайте не будем обижаться, — Ткачёв удобнее расположился в кресле. — Термос с чаем мы не помяли, и шахматную доску не потеряли. А разговаривать здесь гораздо лучше, поверьте. Вы готовы меня выслушать?

— Кто ты такой? — набычился Ворон.

— Тебе удостоверение показать? — грозно спросил генерал.

Воронков хотел встать, но стоявший сзади старшина жестко положил ладонь ему на плечо.

— Ворон, не колготись, — сморщился Глушко. — Не соображаешь? Это же комитетчики...

— Меня это должно обрадовать? — затих Воронков.

Андрей Викторович понимал, что времени у него не так много и пора было прекращать бесполезную болтовню.

— Конечно. И не то что обрадовать, а привести в неопиcуемый экстаз. Вот здесь, — Ткачёв тряхнул толстой папкой, — на тебя, Ворон, куча материала. Думаю, хватит, лет на пятнадцать лесоповала.

— Врешь! — подпрыгнул Воронков, но тут же опустился обратно на стул под ладонью старшины.

— А смысл? — генерал удивленно вскинул бровь. — Это Глушко за тобой гонялся, собирая факт за фактом. Но ты же его и подставил... Не зря же нанял женщину, чтобы та обхаживала Сергея Порфирьевича. Или я не прав?

— Он про что говорит, Ворон?! — грозно нахмурился Глушко.

— Порфирич, не слушай его, — замахал руками вор. — Наговаривает он...

— Э! У вас ещё будет время выяснить отношения, — прервал Ткачёв раздувающийся конфликт. — Для начала выслушайте меня.

Глушко сделал вид, что внимательно слушает. Воронков тоже успокоился.

— Вы будете делать то, что и делали до нашего разговора — по утрам играть в шахматы, потом обедать у Глушко на кухне, читая газеты. Ничего не должно помешать сложившимся традициям. Но после обеда вы начнёте работать на меня.

— И как вы себе это представляете?! — удивился Глушко. — Простите, не знаю вашего звания и имени...

— Звание у меня высокое, — усмехнулся Ткачёв. — А звать вы меня будете Иваном Ивановичем.

— И что мы будем для вас делать? — язвительно скривил губы Воронков. — Иван Иванович...

— Вы будете собирать материал по Галине Брежневой и Светлане Щёлоковой.

Ворон длинно свистнул.

— Да ты под вышку нас подводишь!

Глушко толкнул вора в плечо и как-то строго взглянул на Ткачёва.

— Ты, Иван Иванович, ничего не перепутал?

— Нет, — спокойно ответил Андрей Викторович и встал. — Ты, Сергей Порфирьевич подавал рапорты, в которых указывал... как бы это выразиться, на некие признаки коррупции среди милицеевских чинов разного уровня. И, наверняка, делал аналитику по этим чинам. Разве нет?

— Допустим, — заинтересовался Глушко.

— А Воронков, — Ткачёв прошелся по комнате, — известный манипулятор. Его мошенником назвать сложно, да и доказать умысел в его действиях практически невозможно. А ведь он тоже разрабатывал свои схемы, исходя из какой-то аналитики...

— Как мудрёно закручивает, — ухмыльнулся Ворон.

— Умный, — поддакнул Глушко. — А что конкретно мы будем делать?

— Первое, — остановился Андрей Викторович напротив них. — Вы, Глушко, исходя из своей «аналитики», дадите мне пару-тройку фамилий милицеевских чинов, не поддавшихся коррупционным схемам. Желательно, имеющих опыт оперативной работы. Так понятно?

— Не совсем, — признался Сергей Порфирьевич. — Я, думал, наоборот...

— Это будет — второе, — поспешил сказать Ткачёв. — И, третье... С помощью Воронкова вы составите схемы взаимодействия между чинами из милиции и чиновниками... партии. А затем, все схемы попробуете увязать с Брежневой и Щёлоковой.

— Так это же прорва работы! — вскрикнул Ворон. — Кстати, что мы будем с этого иметь? Я не говорю про майора — он идейный, но я-то в партии не состою!

— У вас максимум полгода, — генерал кивнул старшине, показывая на выход. — А до вечера можете подумать. Отказ... не принимается.

— А о чём думать до вечера?! — удивился Глушко.

— Об условиях для своей работы, майор, — жестко ответил Ткачёв. — Или вы подумали, что я все это затеял ради развлечения?!

Когда генерал со старшиной ушли, Глушко вопросительно взглянул на Воронкова. Тот ответил ему тем же.

— Порфирич, ты что-нибудь понял?!

Глушко встал и вышел из комнаты на веранду. Воронков потянулся за ним. На веранде сидел невысокий мужик в потёртой телогрейке и чистил картошку, сбрасывая очистки в эмалированный таз.

— Вам же сказали до вечера подумать, — глухо сказал мужик, воткнув ножик в стол. — Разворачивайтесь...

Послышался скрип снега и на веранду вошла худоцавая женщина с ведрами. Поставила их на пол.

— Что за делегация? — спросила у мужика.

— Наверное, на станцию хотят...

Воронков первым шагнул к ступенькам с веранды, но проходя мимо женщины, вдруг согнулся пополам и, хрипя, повалился на пол. Через секунду Глушко почувствовал, как ему сжали горло, будто стальными тисками. Он зажмурился, стараясь вдохнуть хоть немного воздуха.

— Смотри на меня, — послышался зловещий шёпот.

Сергей Порфирьевич открыл глаза и увидел перед собой лицо женщины, державшей его за горло. Её глаза были мертвенно белёсы и два черных зрачка будто высверливали дырку во лбу Глушко. Он не мог пошевелиться, он не мог что-то сказать, только шлепал губами, как рыба, вытасченная из воды.

— Вам же сказали подумать до вечера, — прошептала женщина, не моргая. — Если не хотите думать, тогда нахрен вы, вообще, нужны...

— Bravo, Андрей! Вы проделали огромную работу!

В тихий августовский вечер на конспиративной квартире Гурам Ефимович Толь просмотрел схемы, предоставленные ему Ткачёвым.

— Что я могу сказать со своей стороны... Пока не вижу ни одного кандидата, способного заменить Брежнева. Ну, пожалуй, только сам Юрий Владимирович нацелился на кресло Генерального секретаря Партии. Это даст ему немного времени, но, Андрей... Нет у Андропова кадров, способных кардинально изменить положение в стране. Нет! Страна очень большая, а перестановки надо делать быстро. Нет, не успеет Андропов.

— Хорошо, — Ткачёв хлебнул чай из большой кружки и с сожалением посмотрел на половину торта «Птичье молоко». Толь имел феноменальную способность поедать торты незаметно для окружающих. — Как вы думаете, где в цепочке под названием «руководство СССР» самое слабое звено?

— Не поверите, — щелкнул языком Гурам Ефимович. — Сам Брежнев и его дочь. Слишком много он позволил Галине за восемнадцать лет своего управления. А самое неприятное, что он сделал своё управление фундаментальным, кажущимся незыблемым. И в глазах народа, и в глазах партийных функционеров. Вы думаете, что этого не понимают там — на Западе?! Очень хорошо понимают, и непременно этим воспользуются.

— Каким образом? — не понял Ткачёв. — Как можно расшатать такого исполина, как Советский Союз?!

Толь злорадно захихикал.

— А кто вам сказал, Андрей, что СССР — это некий исполин? Вот скажите, а на чём держится идея построения коммунизма?

Андрей Викторович задумался. Ему и в голову никогда не приходило думать об этом. Он жил и работал, считая социалистическое общество самым прогрессивным. Это было данностью. Зачем об этом думать?!

— Не утруждайтесь, Андрей, — Толь отправил в рот приличный кусок торта, зажмурился от удовольствия. — Вот вы можете зайти в кондитерский цех ресторана «Прага» и принести мне фирменную выпечку просто так. А большинство людей не могут позволить себе такое даже в праздник. Вы думаете, что это нормально?!

— Наверное, нет. Но ведь нужно стремиться к тому, чтобы любой желающий смог иметь такой торт на праздник.

— И вы думаете, что такое возможно?

— А почему нет?!

— Да, потому что у вас нет ничего, чтобы сделать такое возможным! Нет инфраструктуры, позволяющей выпекать и продавать такое количество тортов, чтобы удовлетворить всех желающих. А на Западе она есть. Там уже давно другой подход к решению различных задач. Более гибкий и продуктивный. А мы у них не учимся. Решили, что сделаем коммунизм в отдельно взятой стране, и прём, как ослы. А как сделаем, чем

сделаем, когда сделаем... никто не знает.

Ткачёв нахмурился.

— Выходит по-вашему, что коммунизм в СССР делать не надо?! Страна относительно недавно спокойно вздохнула после войны...

— Вот именно, что вздохнула, — махнул рукой Толь. — Войной можно прикрываться ещё сотни лет... А попробуйте мыслить иначе! Победа в войне была мощной идеей, вокруг которой концентрировались усилия. Ставились жесткие сроки выполнения тех или иных задач, спрашивали за эти сроки — не приведи Господи! Но это была конкретная цель! Осязаемая! А что сейчас?! Пятилетний план, реализуемый только на бумаге и бравых рапортах секретарей обкомов. А в действительности — пшик! Мы с какого-то перепугу решили, что теперь всё можем, и бояться нам нечего. Вот возьмём вход наших войск в Афганистан...

— А там, что не так?!

— Да всё не так! — воскликнул Гурам Ефимович. — Нет информационно-идеологической поддержки, нет технического обеспечения, нет чётко поставленной цели. Вот что мы там делаем?!

— Выполняем интернациональный долг...

— Вы сами-то в это верите? — захохотал Толь.

— Ладно. А что бы вы сделали?!

— Я бы объявил Афганистан рассадником мирового терроризма и центром производства наркотиков. Что, кстати, недалеко от истины. А СССР — единственной страной, способной с этим бороться на благо всеобщего мира. И провел бы мощную информационную кампанию с привлечением всех мировых СМИ. Привел бы документальные факты, снял документальные фильмы, интервью с лидерами различных стран. А ещё бы накопил факты о причастности ЦРУ и других «нехороших» организаций к производству и распространению наркотиков. Вы читали Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев»?

— Не довелось...

— Так вот там есть замечательная сцена, когда Остап Бендер вещает любителям шахмат о превращении Васюков в центр вселенной. За полчаса он убедил людей, что задрипанная деревня сможет стать мировой столицей — центром шахматной мысли.

— И ему поверили?!

— Он был достаточно убедителен, — улыбнулся Гурам Ефимович. — Вы ещё не знаете, что такое направленная пропаганда. Это оружие похлеще ядерной бомбы. Радиация и взрывная волна ломает тело человека, а пропаганда — ломает ум и сознание.

— Так что делать?! — вопрошал удивленно Ткачёв.

— Вам? Внедряйте в окружение Брежневой своего человека. Уверен, вокруг неё уже крутится толпа иностранных агентов...

Осень для Андрея Викторовича была полна событий. Наконец, он нашёл время, чтобы оформить развод с Людмилой. Конечно, он немного винил себя в том, что так вышло, но недолго. А вот его бывшая теперь жена, будто с цепи сорвалась. Но Ткачёву было не до Людкиных претензий — в начале октября тяжело заболел генерал Кудрявцев, и Елизавета много времени проводила в больнице у койки отца. Хорошо, что Андрей Викторович за это время более менее научился разбираться в телефонном аппарате и в хитросплетениях документооборота в Комитете. Да ещё выздоровевший лейтенант Жевнов подменял Лизу во

время её отсутствия.

Глушко с блеском выполнил поставленную перед ним задачу. Он уговорил трех бывших сотрудников милиции на работу в опергруппе Ткачёва, но остро встал вопрос с легальной работой и жильем. Как ни странно, но в этом затруднении помог Гурам Ефимович — у Толя были обширные связи, и опергруппа в полном составе была трудоустроена грузчиками на одну из плодоовощных баз в Москве. Ткачёв стал готовить внедрение своего агента в окружение Галины Брежневой...

— Андрей, это очень рискованно, — с жаром говорил Гурам Ефимович, откусывая от торта «Прага» внушительный кусок. — Агент должен обладать безупречной репутацией и сказочным богатством! К тому же, в эту «компанию» его должен привести проверенный человек. У тебя есть такой?

— А вы что предлагаете? — спрашивал Ткачёв, потирая лоб.

Толь в порыве раздумья без слов доел торт.

— Есть у меня одна идея, — вытирая губы, кивнул Гурам Ефимович. — Двадцать пятого октября будет празднование дня рождения Галины Вишневской. Знаете такую оперную певицу?

Ткачёв признался, что не знает.

— Галина Павловна с мужем дружны со Светланой Щелоковой. Праздновать наверняка будут в ресторане. Пусть агент будет там с какой-нибудь шикарной женщиной, на которую стоит нацепить изысканные бриллианты. Уверен, Щелокова не пропустит их мимо своего внимания. Ну, а там по обстановке. Главное, чтобы женщина вызвала зависть у присутствующих дам. Тогда Щелокова тут же попытается завязать знакомство с агентом — она не привыкла, чтобы её кто-то затмевал. У вас есть кандидатура на такую роль?

Ткачёв почесал затылок.

— Женщины есть, только я не знаю насчёт затмения...

— Ох, Андрей! У меня есть знакомый гримёр. Он из простушки сделает Мерилин Монро. И наряд подберёт соответствующий. Ладно... У нас есть две недели, и я постараюсь обучить ваших агентов поведению в «свете». И давайте готовить легенду.

— А как нам получить приглашение на празднование дня рождения Вишневской? И где я возьму бриллианты?!

Толь всплеснул руками.

— Андрей, я не могу все делать за вас! Кто из нас генерал КГБ? За последние десять лет Андропов сделал из этой организации государство в государстве. И научился везде и всюду совать свой нос. Так придумайте что-нибудь!

Ткачев, образно выражаясь, сломал себе голову, пытаясь найти кандидатуры на роль агентов. Всех кого он предложил Толю, были забракованы.

— Андрей, не можете найти кандидатов — вербуйте из тех, кто уже в окружении! — кричал Гурам Ефимович, отталкивая «Вацлавский». — Вы меня довели до того, что даже торт не хочется!

— Интересно вы излагаете! — кричал в ответ Ткачёв. — И кого я завербую?!

— Да хоть самого Буряце! У каждого человека есть слабости! И сыграть на них — это высший пилотаж разведчика. А Буряце очень любит свою жизнь. Сытую и красивую. Отказаться от неё он не сможет.

Тут Андрей Викторович задумался настолько, что сам того не замечая, придвинул к себе коробку с тортом и рукой оторвал от торта внушительный кусок. Толь с нескрываемым

испугом смотрел на такое варварское отношение к любимому лакомству.

— А вы, пожалуй, правы, — задумчиво сказал Ткачёв, откусив торт. — Мне надо только найти женщину и украшение, которым заинтересуется Боря.

— А вот в этом я помочь могу, — потянулся к тарту ложкой Толь.

— С женщиной, или украшением? — Ткачёв не дал Гураму Ефимовичу дотянуться до коробки.

Толь облизнул пустую ложку и взглянул на генерала, будто побитая собака.

— С украшением...

Коробка с тортом поползла к старику.

— Говорите...

— У актрисы Зои Фёдоровой есть колье с бриллиантами, — Толь ложкой зачерпнул торт. — Ей подарил это колье Джейсон Тейт ещё в сороковые года. Украшение до сих пор никто не видел, но по слухам — очень красивое и дорогое. А главное — уникальное.

— И что мне делать? Как я сведу украшение и Буряце?!

— Опять начинается, — с досадой протянул старик. — Андрей, вы будете думать?!

Ткачёв ходил кругами по комнате.

— Иван Иванович, прекращай. У меня уже голова кружится...

Воронков и Глушко сидели за столом и наблюдали за нервным хождением генерала. Наконец, Андрей Викторович остановился.

— Ворон, ты получишь от маэстро Ростроповича приглашение на день рождения его жены — Галины Вишневской. Праздновать будут в банкетном зале ресторана «Прага»...

Вор приосанился, поправил галстук.

— А приятная неожиданность! Давненько я не был на столь высоких приёмах.

— Но это ещё не всё, — продолжал генерал. — У одного ювелира есть кольцо из коллекции актрисы Федоровой... Она сейчас нуждается в деньгах, и заложила это украшение. Ты должен купить у неё кольцо и подарить Вишневской на день рождения.

— Эээ, — округлил глаза Воронков.

— Но и это ещё не всё, — остановил его Ткачёв. — У Фёдоровой есть колье старинной работы. Она колье никому не показывает. Ты должен любым способом украшение сфотографировать.

— Допустим, — Глушко взмахом ладони пресёк возражения Ворона.

— На праздновании будет Брежнев и Буряце. Я надеюсь, что Галину, или Свету Щелокову заинтересует подаренное кольцо. Возможно, заинтересуется и сам Буряце. Ворону нужно заговорить с Борей и как-бы невзначай упомянуть про колье Федоровой. Ну, там расписать красоту и сверкание бриллиантов, но ни в коем случае, не говорить, что это колье артистки.

— Поддерживать интерес Буряце? А если он не заинтересуется? — засомневался Ворон.

— Заинтересуется, — настаивал Андрей Викторович. — Он и его любовница, как вороны, слетающиеся на всё, что сверкает...

— Что же, Андрей Викторович, — генерал Трефилов благодушно провёл ладонью по папке с документами. — План неплохой, одобряю. Давайте подумаем, что нам это может дать.

— Буряце наверняка захочет получить это кольцо, — Ткачёв по привычке стал рисовать круг на листе бумаги. — Ему будет необходима информация по украшению, а значит, он будет стараться идти на встречу с агентом «Грач». Где-то с месяц агент поводит его за нос. Буряце не настолько умён, хотя и не глуп, но у него есть какой-то свой интерес, помимо Галины Брежневой. Считаю, что Боря приведет Грача на пару вечеринок с Галиной. На них агент сможет добыть факты, порочащие Брежневу, а возможно, и Щелокову.

— Хорошо, — Трефилов встал и подошёл к окну кабинета. — Как Грач будет вербовать Буряце?

— Для этого мы устраиваем нападение на квартиру Федоровой. Она, естественно, будет упираться и не отдавать кольцо. Тогда Буряце выйдет из себя и ударит её. Грач будет провоцировать его постоянно.

— Но только аккуратно, Андрей Викторович, — обернулся Трефилов. — Крайне аккуратно. Актриса немолода...

— Грач получит инструкции, — энергично кивнул Ткачёв. — И моя опергруппа будет постоянно контролировать выполнение операции. К тому же решено подменить Зою Федорову на загримированного агента.

— А вот это правильно! — махнул рукой Трефилов. — В квартире будет полумрак. А Буряце лично знаком с Федоровой?

— Нет.

— Очень хорошо, — Трефилов вернулся к столу. — После нападения на квартиру Федоровой мы вербуем Буряце. Допустим, через него мы получим факты преступной деятельности дуэта «Брежнева-Щелокова». Что дальше? Как мы выйдем на план иностранных разведок по внедрению в руководство страны так называемых «агентов влияния»?

— Я тут немного подумал, — Андрей Викторович нарисовал на бумаге треугольник. — А нам не нужен этот план...

— Как так, генерал?!

— А вот так, Анатолий Романович. Наверняка у них несколько таких планов. А к каждому плану ещё и пара возможных сценариев развития событий. На данный момент мы не сможем противостоять, если только не предпримем метод тотальной диктатуры. Да и такой метод мы не сможем осуществить — у нас просто нет ресурсов.

Трефилов устало сел за стол.

— Я знаю, Андрей Викторович, что вы много времени проводили с генералом Кудрявцевым. Он умный стратег. Кстати, как он?

— Плох, Анатолий Романович. Но я успел немного научиться у него анализу и планированию. Разрешите изложить некоторые соображения?

Трефилов только махнул пальцами, разрешая.

— Даже неглубокий анализ сложившейся ситуации подтверждает, что... Советский Союз в том виде, в котором он сейчас есть, сохранить не получится. Моей группой были

собраны материалы на десятки партийных функционеров среднего звена и на сотни — функционеров на уровне третьих секретарей. Так вот... Система партийного руководства, как бы это мягче выразится, прогнила до уровня секретарей ячеек средних промышленных предприятий. Мы не сможем в короткий срок уничтожить эту систему и создать новую.

— И каков прогноз?

— Мои аналитики дают максимум десять лет.

— Откуда у вас аналитическая группа?! — встрепенулся Трефилов.

— Группа создана вне комитета. И не финансируется.

Трефилов нахмурился, сомневаясь в компетентности аналитиков.

— Прогноз выдан на основании концепции «математического реализма», — вдруг сказал Ткачёв, ввергнув генерал-лейтенанта в легкий шок. — Совершенно незнакомые друг с другом люди делали прогноз событий исходя из выдуманной реальности, спроецированной на реальность СССР. Брался абстрактный участок, абстрактные люди и абстрактные действия...

Трефилов остановил красноречие Ткачёва легким стуком ладони.

— Я поражен, Андрей Викторович. Когда вы всё успели! И у вас есть... документы, подтверждающие эту теорию?!

— Есть, — спокойно ответил Ткачёв. — И я готов их представить. В них, правда, довольно размытые формулировки, но если проводить некую общую закономерность, то она видна, так сказать, невооруженным взглядом.

— Например? — не выдержал Трефилов.

— Вы хорошо знаете английский язык?

— Да.

— Тогда читайте, — и Ткачёв положил перед Трефиловым листок с текстом на английском языке. — Это выдержка из пояснительной записки к «культурному плану для внедрения в СССР». Посмотрите на дату...

— Откуда вы это взяли?! — вскрикнул Трефилов, прочитав.

— Это было в копии книги Говарда «Конан-варвар». Мои хм... оперативники изъяли это у чиновника из министерства образования. Он год назад вступил в партию и получил кресло в министерстве по протекции одного литературного критика, близкого... догадайтесь к кому?

— К Галине Брежневой?

— Так точно, — невесело улыбнулся Ткачёв. — А что написано в записке?

Трефилов швырнул листок на стол.

— Как же мы всё это проглядели?!

— Не проглядели. Слишком много вольностей получили чиновники от власти, благодаря самой власти. Бесконтрольных вольностей...

— Хорошо. И что вы предлагаете, Андрей Викторович?

Ткачёв поднял плечо, как бы говоря — я человек маленький.

— Предоставьте эти материалы Юрию Владимировичу. Со своей «высоты» ему виднее. Если операция с Буряце пройдёт успешно, то мы получим, думаю, ещё много информации.

Генерал Трефилов поморщился, будто от зубной боли.

— Да, я доложу Председателю, но всё-таки... Какой выход видите вы, Андрей Викторович?

— Как говорит генерал Кудрявцев, если не можешь предотвратить безобразие, то надо

его возглавить.

— Вообще-то, это Суворов сказал, — улыбнулся Трефилов. — Перефразировав изречение китайца Сунь Цзы: «Не можешь победить врага — сделай его своим союзником». Но для нашего случая больше подходит фраза русского генералиссимуса.

— Так мы и не китайцы, — кивнул Ткачёв.

Закрывшись в кабинете на даче, Андропов читал аналитическую записку генерала Трефилова. Юрий Владимирович то снимал очки и подолгу сидел, глядя в зашторенное окно, то снова надевал, чтобы в сотый раз прочесть отчёт аналитического Управления. Его одолевало двойное чувство — с одной стороны он не верил написанному, а с другой стороны осознавал, что написанное верно. Слишком много было фактов на стороне «верно». Слишком...

Андропов понимал, что не только проглядел вмешательство иностранных спецслужб в жизнь страны, но и позволил парт номенклатуре свободно хозяйничать без оглядки на наказание. Ведь только в семьдесят первом году он вывел КГБ из-под контроля партийных чиновников. А сколько сил и здоровья он на это потратил! Сколько раз шёл на прямую конфронтацию с Брежневым, Сусловым и Щелоковым! Гришин до сих пор чувствует себя хозяином в Москве! А Галя со Светой, так вообще, осатанели от безнаказанности. А ведь этой парочке слова не скажи — Брежнев со Щелоковым тут же слюной брызжут.

В Узбекистане, Азербайджане, Таджикистане столько приписок, что последние волосы дыбом встают. На Украине, Прибалтике и Казахстане поднимают голову нацисты. Нацисты! А прошло всего тридцать шесть лет с момента окончания войны.

Юрий Владимирович швырнул листы с отчетом от себя, будто отмахивался от ядовитой змеи. Бумаги зло зашуршали и осыпались на пол, забрызгав безупречный паркет белыми, хаотично-неправильными геометрическими фигурами.

Андропов снял трубку с телефона и, набрав номер, тихо проговорил:

— Анатолий Романович, срочно приезжайте ко мне.

В начале декабря на своей квартире была найдена мертвой актриса Зоя Федорова. Из квартиры исчезли все ценные вещи. В газете «Труд» об этом происшествии была напечатана лаконичная заметка. На телевидении только выразили соболезнования, не указав причины смерти.

Боря Буряце проснулся с жутким похмельем. Он практически не помнил, что было вчера. В сознании промелькнули какие-то рваные эпизоды — чья-то квартира, ругающаяся старуха, пистолет в руке...

Боря со стоном сел на кровати, обхватив голову ладонями. Потом стал рыскать на столе среди пустых бутылок, обрывков шоколада и раздавленных фруктов. Нашел бутылку «Ессентуков» и полез в карман пиджака, висевшего на спинке стула. Он знал, что в кармане лежала початая пачка Аспирина.

Пола пиджака была подозрительно тяжелой, но Буряце поначалу не придавал этому значения. Наконец он нащупал таблетки, но уколол палец обо что-то острое. Выругавшись, Боря вынул из кармана таблетки и... небольшой, но изящный перстень с бриллиантами.

— Хм, — он попытался вспомнить, откуда взялось в кармане столь интересное украшение, но как ни силился, не смог. В голове гудело, как после удара чугунного колокола.

Прозвеневшая трель звонка над входной дверью заставила Буряце застонать и упасть на кровать.

— Черт! Ну, кто там?!

Трель повторилась. Буряце зарычал и, накинув халат, прошёл в коридор.

— Кто там? — спросил он, сжимая пальцами виски.

Никто не ответил. Боря длинно выругался и поплелся обратно в комнату. Войдя, встал истуканом. Около кровати в его любимом кресле сидел немолодой мужик в расстегнутом пальто. Короткая стрижка, волосы с проседью и насмешливый взгляд.

— Голова болит? — участливо спросил мужик и покачал головой. — Жаль. Не вовремя...

Буряце не был уж совсем трусом, и хотел было послать наглеца в неизвестные дали, но манера держаться незнакомца и его насмешливый, но в то же время, жесткий взгляд, не дали Боре нецензурно указать путь. К тому же сзади Буряце, около инкрустированного серванта, стоял ещё один мужик, от которого за версту несло возможными неприятностями.

— Кто вы? — только и спросил Боря, опускаясь на стул. — И что вам надо от меня? Вы знаете, на кого прёте?!

— Знаю, — спокойно кивнул мужик в пальто. — Вы Борис Буряце. Бывший певец театра «Ромэн». Мошенник, спекулянт, а со вчерашнего дня — бандит и убийца...

— Что?! — подскочил со стула Боря. — Да я только позвоню!..

— Кому? Галине Брежневой? Телефон поднести?

Боря слегка сник. Уверенность мужика как-то не увязывалась с тем, что он привык видеть — при упоминании о Галине все, кто с ним разговаривал, принимали раболепную позу и начинали лебезить.

— Ладно, Буряце, — сказал мужик, вставая. — Не будем толочь воду в ступе. Сейчас мы пригласим следователя, понятых и проведём обыск. Протокол составим...

— На каком основании?! — подскочил Боря. — Вы тут незаконно!

— А вот на таком основании, — мужик достал из кармана пальто фотографии и бросил на стол.

Боря взглянул на них. Себя он узнал моментально. Но то, что он делал на этих изображениях, повергло его в шок.

— Это постановка, — Буряце бросил фото на пол. — Пошли вон отсюда!

— Зато убийство Зои Фёдоровой совсем не постановка. Пистолет-то у вас в кармане... И колечко вот это... Двух ваших подельников мы уже взяли — вот их показания. Кстати, Галина Леонидовна была здесь ночью, но у вас с ней ... ничего не вышло. Зато очень вышло вот с этой блондинкой.

Мужик достал ещё снимки. На них Боря был запечатлён в самых различных позах и весьма нескромного характера. А последнее фото с блондинкой тянуло на постер в порножурнале.

Боря болезненно сморщился. Галина, конечно, знала, что он не ангел, но такого откровенного ... она могла и не простить.

— Что вы хотите? — с трудом выдавил Буряце. Нужно было срочно отвязаться от этих мужиков, а затем и позвонить Брежневой. Уж она-то разберётся.

— Для начала мы приведём ваш ум в состояние трезвого и не болеющего похмельем. Затем позовём следователя и понятых...

Буряце устал. От разговора и головной боли.

— Да делайте, что хотите. Всё равно извиняться придёте.

— Это вряд ли, — сказал мужик за спиной Бори.

Старший следователь по особо важным делам при Прокуратуре СССР Калиниченко с

садиистой щепетильностью проводил допрос Буряце и обыск на его квартире. Боря даже не понимал, что происходит. Какие-то люди расхаживали по его жилищу, залезали в разные места и доставали оттуда такое, что Буряце и никогда в жизни не подумал бы. Гора украшений с бриллиантами и драгоценными камнями росла на столе столь быстро, что женщина из понятых упала в обморок. А несколько шуб из дорогого меха, оставленных Буряце для перепродажи заполнили полкровати. Вынутый из кармана пиджака пистолет завершил картину.

— Я ничего подписывать не буду, — пролепетал Боря, соображая, что попал по самые уши.

— Как знаете, — злорадно заметил Калиниченко. — Понятые, распишитесь и напишите, что подозреваемый отказался подписывать протокол.

Когда понятые заполнили документы, следователь посмотрел на мужчину в пальто.

— Я закончил...

Мужчина поднял ладонь.

— Пять минут дайте мне.

В квартире остался Боря и два неизвестных мужика, так ему и не представившихся.

— Вот что, Буряце, — вздохнул тот — в пальто. — Перспективу рассказывать не буду, но тебе светит вышка. Пистолет у тебя нашли. Пулю из этого пистолета вынули из убитой Федоровой. Колечки тоже из её коллекции, но...

Боря вскинул подбородок и взглянул на того, кто многозначительно произнёс — «но».

— Я могу тормознуть дело и, больше того, оставить его без рассмотрения. А ты будешь мне обязан. И если не будешь выполнять обязательства и, не дай бог, скажешь о них Брежневой, то суд будет быстрым. Выбирай.

Буряце немного размыслил. В принципе, ничего не менялось.

— Что я должен делать? — спросил он.

Перед ним на стол легла бумага.

— Напиши, что сегодня ты был завербован в агенты КГБ генералом Трефиловым. Подпись и дата.

— И всё?!

— Пока да.

Буряце ухмыльнулся и размашисто написал требуемый текст. Пока он писал, мужик в пальто ненадолго выходил из квартиры.

— Написал, — Боря протянул лист.

— А вот протокол твоего допроса, — мужик показал исписанные следователем документы. — Пока они побудут у меня. А теперь, Боря, пиши всё, что знаешь про похождения своей любовницы и её подруги Светы Щелоковой. Не забудь упомянуть про расписки, выданные директору Московской ювелирной фабрики, про магазины «Берёзка» и ювелирный магазин «Алмаз». Если напишешь немного больше, чем я прошу, то и пистолет с колечком будет у меня, а не в Прокуратуре. Я доходчиво объяснил?

— Вполне, — пробурчал Буряце, нервно играя шариковой ручкой.

Он был неглуп и понял, что с этого момента его жизнь пошла по наклонной. Да и не могло всё это продолжаться вечно — так не бывает. Но лучше пожить ещё годок другой, чем валяться с дыркой в затылке через неделю. Только вот всё ли надо писать?!

— Боря, пиши всё без утайки, — будто услышал его мысли мужик в пальто. — Про твоих иностранных друзей мы тоже в курсе.

Буряце скрипнул зубами.

— Дайте хоть кофе сварить...

Рано утром семнадцатого декабря Ткачёва разбудил стук в дверь его дачи. Стучали сильно и часто. Генерал вскочил, надел брюки и вышел на веранду. Открыл дверь.

На пороге стоял Андропов.

— Собирайся, Андрей Викторович. У тебя час. Вылетай в город Сарапул. Это в Удмуртии. Там два террориста захватили заложниками детей в школе. И направляй туда свою силовую группу. На месте командует капитан Орехов из Сарапульского отделения. Выполняй! Вылет из Домодедово специальным рейсом.

— Есть! — прокричал Ткачёв, бросаясь в комнату.

Собираясь, Андрей Викторович успел позвонить по известному номеру и сообщить, что завтрак срочно назначен через час в аэропорту Домодедово. И на завтраке надо быть всем в полной экипировке.

В аэропорт Ткачёв ехал в сопровождении двух милицейских машин. Сигнальные маяки резко освещали снежную дорогу красно-синими отблесками, почти непрерывно гудели сигналы, предупреждая встречающиеся на пути машины. Андрей Викторович, укутавшись в шинель, болтался на заднем сидении «Волги» при маневрах обгона и думал:

«Вот и добрался до нас терроризм. А мы всё думали, что такая хрень в нашей стране невозможна. А оказалось — ещё как возможна. Ведь в заложники детей взяли. Детей! Это кем надо быть, чтобы решиться на такое?! Неужели это наше будущее?!»

Раздумья прервал звонок по телефону.

— Это Суслов, генерал, — послышался твердый голос. — Как бы не прошла операция, но со всех очевидцев и свидетелей взять расписки о неразглашении. Минимум на пятнадцать лет. Вы меня поняли, Ткачёв?!

— Викторыч, а пошёл ты нахер со своим милосердием. Там, сука, два дебила взяли в заложники двадцать пять детей. И ради чего?!

Орал Хмель, брызжа слюной. Капитан Орехов удивленно смотрел то на генерала, то на агента с коротким автоматом, в бронежилете и каске.

— Ради того, чтобы смотаться в США, Викторыч! Это какое к ним надо применить снисхождение?! Да их убить мало! Их надо четвертовать, а поганые куски отдать волкам на съедение! И снять это на пленку, которую показать потом их родителям!

Капитан из Сарапула схватился за голову.

— Да не кричи ты! — осадил Ткачёв Хмеля. — Чего людей пугаешь?!

Агент махнул рукой, развернулся, и, скрипя снегом под тяжелыми шагами, пошёл к своей группе.

Они все вместе прилетели в Сарапул специальным рейсом, организованным Андроповым. Никогда ещё в СССР не было случая захвата детей в заложники и, понятное дело, КГБ и милиция поначалу растерялись. Не было для таких случаев ни переговорщиков, ни специально обученной команды. Андропов решил доверить операцию группе Ткачёва — на данный момент она была единственным боеспособным подразделением, имеющим хоть какой-то опыт силовой работы.

Хмель, Шмель и Пантера стояли чуть поодаль от любопытных глаз и выглядели инопланетянами в своих костюмах и с пуленепробиваемым щитом. Где сумел достать этот щит Хмель, Ткачёв так и не узнал — есть снаряжение, значит, может пригодиться.

— Я пойду с вами! — крикнул Ткачёв Хмелю вдогонку.

— Товарищ генерал! — пролепетал капитан Орехов.

— Не обсуждается, — Андрей Викторович пошёл за Хмелем. За ним побежал и капитан.

Пока Ткачёв нацеплял броник, каску и проверял оружие, капитан рассказывал.

— В классе осталось восемь мальчиков. Дезертиры усадили их у стены. Один держит ребят под дулом автомата, другой нервничает — кругами ходит по классу. Мне притащили из воинской части ящик с дымовыми гранатами. Можно попробовать их кинуть, а потом ворваться в класс...

Ткачёв взглянул на три окна на втором этаже школы.

Там два солдата срочной службы, утром ушедшие из караула с оружием, зашли в класс к десятиклассникам и потребовали загранпаспорта с разрешением на въезд в США. И самолет который их туда доставит. Один срочник был родом из Туркмении, но казах по национальности. Второй — русский. Пока летела группа Ткачёва, капитан Орехов вступил с ними в переговоры и вывел из класса девочек. Заложники-мальчишки держались бодрчком.

По истечении десяти часов, террористы стали проявлять беспокойство. Орехов тоже нервничал, хоть и командовал операцией Ткачёв. Генерал-то улетит в Москву, а капитану оставаться, да ещё потом ворох документов писать.

— Нет, — сказал Андрей Викторович, подумав. — Мы не будем применять дымовые гранаты. Террористы могут начать палить во все стороны и перебьют детей. Надо их обмануть. Кто там? Полуграмотный казах, да слабовольный русский. Их надо брать живьем, чтобы потом узнать причины такого поступка. Они нервничают, растеряны... Прошло уже

много времени, а их надо как-то успокоить.

— Я знаю, товарищ генерал! — возбужденно заговорил Орехов. — Я зайду в класс и скажу, что паспорта для них готовы. Пусть отпускают детей, а я останусь вместо них. Когда выйдет из класса последний ребёнок — вы врываетесь... А я лягу на пол.

— Дельно, — кивнул Хмель. — Только захотят ли они выпускать детей?

— Наибольшую угрозу представляет казах — Колпакбаев. Он старше и мощнее. Второй — Мельников, худой и нервный, но нерешительный. Постоянно сидит под окном, автомат стоит у стены. Я подойду к Колпакбаеву, и если он вздумает поднять оружие, то брошусь на него.

— Не проще вытащить обоих к незащищенному окну и убрать? — усмехнулся Шмель. — А то мы развели тут антимионию.

— Я же сказал, что будем брать живьём, — строго взглянул на него Ткачёв и повернулся к Орехову. — Капитан, я так понимаю, что террористы вам доверяют.

— Вроде, да...

— Ждем паспортов и тогда делимся на две группы. Я и Шмель подойдем к двери с одной стороны, Хмель с Пантерой — с другой. Сыграем на доверии, капитан. К казаху не подходите — встанете у двери. Как только последний мальчишка выйдет в коридор, вы небрежно скажете — я пошел за паспортами. И тут же быстро уходите. Тогда вступаем в дело мы...

— А если они не поверят? — засомневался Шмель.

— Поверят, — убежденно сказал Ткачёв. — Поверили один раз, поверят ещё...

Обувь пришлось снять, чтобы не топтать по пустому коридору.

Орехов из школьного радиоузла предупредил террористов, что он идет к ним и теперь он стоял перед дверью в класс. Постучал и зашел.

Ткачёв с агентами тут же подошли к двери с двух сторон. Из класса послышались голоса.

— Ваши паспорта готовы, поэтому незачем держать в классе мальчишек. Ребята, а ну давайте на выход.

Дверь приоткрылась и в коридор стали выходить десятиклассники. Ткачёв показал им ствол автомата, чтобы не задерживались. Первый кивнул и заспешил на выход с этажа. За ним пошли другие.

— Ну, вот. Я за паспортами...

Из класса вышел капитан и спокойно пошел вслед за десятиклассниками.

Хмель поднял руку, растопырив пальцы. Пока Ткачёв силился понять значение этого жеста, из класса раздался крик:

— Где Орехов?! Он обманул нас!

Дверь распахнулась, и в коридор выскочил парень в армейском ватнике и валенках. Увидев агентов, на миг застыл, а потом бросился обратно в класс, отбросив автомат.

— Пошли! — крикнул Хмель и прыгнул за ним.

Ткачёв последовал за Хмелем и увидел, как другой парень — черноволосый и темноглазый, стоявший в трех шагах от двери, поднимает автомат.

Рефлекс бывшего опера сработал мгновенно. Генерал кувырнулся по полу, схватил автомат парня за рожок, быстро отщелкнул его, одновременно ударив ногой в пах террориста. Тот, падая на спину, выпустил оружие. И тут Ткачёв понял значение позывного «Пантера». Из-за спины Хмеля на упавшего солдата прыгнула кошкой агент. Придавила

коленом шею, заломила руки за спину, шустро перевернув на живот террориста. Хмель уже «пеленал» испуганного второго солдата.

— Ты вот что, Колпакбаев, — Ткачёв поморщился от боли в спине. — Лучше скажи, кто вас надоумил на такое?

Андрей Викторович подумал, что уже не такой прыткий, как в Зареченске.

«Кабинетная работа — эти её мать!»

— Поздравляю, генерал, с отлично проведённой операцией! — Трефилов крепко сжал ладонь Ткачёва. — Юрий Владимирович подал на вас наградной лист.

— Капитан Орехов заслуживает награды. А я что?

— Не скромничайте, Андрей Викторович, — улыбнулся Трефилов. — Ваша группа сработала очень оперативно. Да так, что об операции даже в соседних городах не знают. И десятиклассники молодцы. Говорят, пришли на уроки, как ни в чём не бывало.

— Их выдержка и поступок тоже заслуживают награды.

— Несомненно, — Трефилов внимательно взглянул на Ткачёва. — Думаю, что у вас есть ещё что-то...

— Да, Анатолий Романович, — кивнул генерал. — До прибытия милиции мы успели немного «поработать» с террористами... И выяснили несколько неприятных деталей.

Трефилов указал Ткачёву на стул.

— Слушаю.

Андрей Викторович присел и тяжело вздохнул.

— Колпакбаев рассказал нам, что до призыва в армию он вступил в националистическую организацию. Ему там хорошо промыли мозги. И он целенаправленно шёл на преступление. Не в результате неуставных отношений, или ещё какой-то личной беды, а именно по настоятельной просьбе своих «товарищей». Интересен тот факт, что руководитель его организации встречался с неизвестным человеком, говорящим с заметным акцентом. Но человек не был русским.

— Пока это ни о чём не говорит, кроме того, что имеется наличие некой антисоветской организации, — задумчиво возразил Трефилов.

— Да, но руководитель и неизвестный общались на туркменском языке. Вряд ли европейцу нужно знание этого языка в туристических целях. К тому же, разговоры шли о возможном проведении терактов.

— А вот это уже интересно, — Трефилов достал блокнот. — Что-то ещё?

— Да. У нас была возможность после ареста Колпакбаева составить фоторобот неизвестного.

— И?

— Это бывший помощник атташе по культуре посольства ФРГ. Мы подняли данные оперативного наблюдения и выяснили, что помощник был в то время в Туркмении, но местные «топтуны» его прозевали почти на полдня. И ещё... Этот же человек полгода назад был в Литве по туристической путёвке.

Трефилов покачал головой и повернулся к окну.

— Вот откуда у вас, Андрей Викторович, такое свойство, что из законченного эпизода вы начинаете тянуть ещё массу нитей?

— Анатолий Романович, но не может быть, чтобы вот так — с бухты барахты, молодой человек, комсомолец, выросший на идеологии равенства и братства, вдруг взял в заложники детей, ради того, чтобы ему дали уйти в США! Это как надо поменять что-то в сознании?!

Трефилов как-то обречённо взглянул на собеседника.

— Да правы вы, Андрей Викторович, — он устало махнул ладонью. — Что намерены предпринять?

— Думаю, что эту организацию в Туркмении необходимо ликвидировать. Но для начала я бы за ней понаблюдал. Правда, найти агентов для наблюдения довольно сложно. Нужны местные, а связей там у меня нет.

— Зато есть у вашего секретаря... И ещё. Я вам дам человека в ГРУ. Он найдёт среди местных нужных вам людей. Вот с Прибалтикой сложнее, но там много русских. Думаю и в Литве мы найдём нужные нам контакты.

Лиза обрадовалась приходу Ткачёва. Болезнь отца и угроза полного одиночества измучили женщину, а моложавый генерал ей очень нравился. И она подумала, что сейчас ей просто необходима его поддержка, его присутствие рядом с ней.

Ткачёв выглядел усталым и обессиленным.

— Андрей Викторович, я вас сейчас накормлю, — засуетилась Елизавета.

Генерал попытался протестовать и хотел сказать, что он пришел не ужинать, а по делу. Но вскоре запахи горячего мяса и свежих овощей вытеснили мысли о работе. А предложение выпить коньячку — вообще, отодвинули эти мысли на самый задний план.

Пока Ткачёв утолял первый приступ голода, она решила переодеться, но закрыв дверь и вынув из шкафа одежду, поняла, что кроме деловой одежды, свитеров и брюк у неё ничего нет. Даже простого домашнего халата. Женщина устало опустилась на диван, с минуту смотрела на разбросанные вещи, а потом легла и разрыдалась.

Ткачёв, утолив голод, не сразу сообразил, что хозяйка что-то долго отсутствует. Он вытер губы, руки и прислушался. В доме было тихо, как в склепе. Генерал, стараясь не скрипеть половицами, поднялся на второй этаж и взглянул на приоткрытую дверь, видимо, в спальню. Из спальни доносились едва слышные рыдания.

Он осторожно постучал. Рыдания сменились на всхлипывания.

— Да, заходите, — сдавленно сказала она, не поднимая головы и пряча лицо.

Ткачев открыл дверь шире, заглянул.

— Лиза, почему вы плачете? — генерал подошел к дивану, неловко опустился на колени. Медленно дотронулся до её руки. — Что-то случилось с Сергеем Ивановичем?!

— Нет, — она села на диване, громко шмыгнув носом. Но руку не убрала. — С папой пока всё так же... Не лучше, но и не хуже.

Ткачёву стало неудобно на коленях, и он сел на пол рядом с диваном. Лиза вытирала слезы ладонью, негромко всхлипывая. Волосы растрепались, большой свитер сполз с одного плеча, обнажив шею и ключицу. На шее билась тонкая жилка, и ему захотелось прикоснуться к ней губами, будто это смогло бы успокоить плачущую женщину. Она заметила его взгляд и тихо прошептала:

— Не смотрите на меня. Я зарёванная и некрасивая.

Но он продолжал смотреть, поглаживая её руку. Улыбнулся уголком губ. И эта улыбка, и этот взгляд, и прикосновение словно прорвали в ней какую-то плотину...

Через три дня Елизавета улетит в Туркмению по просьбе Ткачёва. Туда же улетит и группа Хмеля. Больше никому генерал доверять не мог, а только она знала Хмеля и могла выйти с ним на связь. А ещё у неё там были знакомые, обретенные за время службы её погибшего мужа. Андрей Викторович надеялся, что с их помощью группа Хмеля выйдет на националистическую организацию, пустившую корни по всей Средней Азии.

Советский Союз, находящийся в стадии «локальной» войны в Афганистане имел довольно протяжённую границу с этой страной, и не мог позволить становления националистических идей в республиках, граничащих с Афганистаном. Война шла с переменным успехом, но наркокартели, имеющие производства на границе с Пакистаном, вынуждены были просить помощи у своих покровителей из ЦРУ. И в Пакистан были переброшены нанятые разведчиками наёмники из разных стран, а в самом Афганистане была развёрнута целая компания по дискредитации присутствия СССР в этой стране.

Началось все с того, что «шурави» были объявлены, как злостные попиратели законов шариата, особенно в обращении с афганскими женщинами. Что они пришли в Афганистан, чтобы установить беззаконие и распущенность, хотя ещё до прихода Советских войск в Афганскую демократическую республику на пляжах Кабула можно было встретить афганских красоток, позирующих фотографам в купальниках и разгуливающих по набережной в коротких юбках.

Пропагандисты из ЦРУ знали своё дело, и в дальних от столицы районах, особенно на границе с Пакистаном, местные афганцы объявили себя «моджахедами», свергнув половину территории в гражданскую войну.

Советникам из СССР пришлось несладко. И в Генштабе, совместно с ГРУ был разработан план развёртывания в Афганистане значительной группировки Советской армии, дополнительно к той, которая уже базировалась там, начиная с одна тысяча девятьсот семьдесят девятого года. Особое значение придавалось развёртыванию войск в районе Кандагара, куда по горным перевалам из Пакистана проходили довольно многочисленные силы наёмников. Они сосредотачивались на горных базах и должны были нанести мощные удары по колоннам Советских войск. Но первый, превентивный удар, ЦРУ планировало нанести по развёрнутым базам в Средней Азии силами боевиков из националистических объединений. Это, по расчетам аналитиков из ЦРУ, должно было деморализовать дух, как солдат, так и местного населения.

Узбекистан славился своими хлопковыми полями. В «Белом» золоте Советский Союз с его огромной территорией и многочисленным населением сильно нуждался. Это было поистине стратегическое сырьё, растущее из земли каждый год. Еще в середине семидесятых скорый на язык глава компартии Узбекистана Рашидов дал невыполнимое обещание повысить урожай хлопка в полтора раза. Рашидова поддержал Сулов, а Брежнев поверил.

Не поверил Рашидову Андропов и дал указание проконтролировать его деятельность. Но КГБ республики очень быстро свернул контроль — в Узбекистане главенствовал менталитет подчинения уважаемым людям, коим несомненно являлся первый секретарь компартии советской республики Узбекистан. А ещё он был большим другом Леонида Ильича. И КГБ Узбекистана стало личной охраной Рашидова.

Трефилов встретился с Ткачёвым, можно сказать, неформально. Машина генерал-лейтенанта обогнала «Волгу» Ткачёва и просигналила остановку. Дело было ночью и машин на шоссе не наблюдалось, но, вспомнив недавнюю перестрелку, Трофимов снизил скорость и достал оружие.

— Пал Палыч, погоди, — Андрей Викторович удивился такому способу контакта.

— Вы, товарищ генерал, пока не выходите, — напрягся старшина. — Я проверю вначале.

Машины остановились на обочине в нескольких метрах друг от друга. Трефилов сам подошёл к «Волге» Ткачёва и попросил Трофимова:

— Старшина, посидите немного в моей машине.

И когда Пал Палыч вышел, сел рядом с Ткачёвым.

— Что-то случилось, Анатолий Романович?! — обеспокоился Ткачёв.

— Случилось, Андрей Викторович, случилось... Много чего. Час назад в клинике скончался генерал Кудрявцев.

— Ох ты! — вырвалось у Ткачёва. — Как же теперь Лиза?!

— Когда у вас контакт со связным?

— Только через неделю.

Трефилов взглянул на темный лес за окном автомобиля.

— Дадите ему указание о скорейшей ликвидации главарей националистических организаций. До тех, до кого дотянутся.

— Но времени было мало! — удивился Ткачёв. — Данные не подтверждённые!

Трефилов сжал кулак и положил руку на изголовье сидения водителя.

— В конце марта Брежнев запланировал поездку в Узбекистан. Есть мнение, что там на него планируется покушение. Срок у вашей группы до марта. Это личное распоряжение Андропова. Так что, придётся ускорить работу. Пусть обратят пристальное внимание на окружение Рашидова, и будут осторожны. КГБ республики у него в полном контроле.

— Понял. Я подготовлю шифровку...

— Это не всё, — Трефилов вздохнул и достал из шинели сложенный лист бумаги. — Это донесение моего личного агента из... Канады. Изучите внимательно. Скорее всего, я переориентирую агента на связь с вами. Люди Сулова стали слишком серьёзно мной интересоваться.

— А причем тут...

— Сулов? Прочитаете донесение и очень, очень аккуратно достанете материал по фигуранту. Для этого вам придется выйти на генерала Чебрикова. И учтите, с того момента за вами начнут пристально наблюдать. Наблюдение за собой пресекайте жестко. И это не совет...

Трефилов резко вышел из машины, оставив Ткачёва размышлять над его словами.

Ткачёв, приехав на дачу, попросил старшину остаться у него до утра.

— Мне необходимо встретиться с вашим бывшим командиром, Пал Палыч. Сможете организовать?

— Думаю, что это возможно, — размыслив, ответил старшина.

Они поужинали, и Ткачёв отправился в свой кабинет. Ему не хотелось спать, да и записка Трефилова не давала покоя.

Закрывшись в кабинете, Андрей Викторович достал из тайника, оборудованного в книжном шкафу, толстую папку с документами. Эта папка вот уже в течение полугода пополнялась чуть ли не каждый день. В ней были собраны факты, касающиеся многих партийных и государственных функционеров. Отдельно была собрана тонкая стопка донесений от зарубежных резидентов КГБ и копии некоторых оперативных разработок разведок иностранных государств. Как попадали эти копии к резидентам — для Ткачёва было загадкой. Ещё большей загадкой было то, как они попадали к Трефилову. Ведь это он передавал материалы Ткачёву для изучения и аналитики.

Андрею Викторовичу уже давно было очевидно, что проводимая западными спецслужбами работа направлена, прежде всего, на партийный аппарат СССР. Но такая работа невозможна без идейного направления. Кто-то, очень знающий, как устроена вертикаль власти в Советском Союзе, направляет усилия зарубежных разведчиков. И мало того, хорошо осведомлён о личной жизни аппаратчиков — их интересах, желаниях и связях.

Дополнительно идёт работа по устранению единства всего общества — потихоньку переписывается история страны, рушатся идеалы. Вместо этого в сознание людей внедряется собственничество, индивидуализм, и тяга к сытой и роскошной жизни. Невзирая на умственные и физические способности. Так-то советские люди не особо и понимают идеалы коммунизма, а тут ещё им впихивают совершенно чуждые моральные принципы — сексуальную распушенность, употребление наркотиков, верховенство насилия и неуважения к старости. И всё это — на фоне каких-то «свобод».

Ткачёв развернул донесение, переданное ему Трефиловым.

Текст генерала слегка напугал. В нём говорилось, что посол СССР в Канаде уже давно и активно сотрудничает с ЦРУ. А посол, ни много, ни мало — член Политбюро ЦК КПСС, член Центральной ревизионной комиссии КПСС. Далее приводились клички агентов, с которыми у посла ведётся интенсивная переписка, замаскированная под дипломатическую почту. Список агентов был из десяти человек.

Ткачёв не спал всю ночь — работал. Под утро у него появились версии того, кто мог быть в числе трех агентов. Над кличками ещё семи Андрей Викторович поставил жирные знаки вопроса. И тут генерал понял, что ему необходимо побеспокоиться о собственной безопасности. Прав был Трефилов — за Ткачёвым станут неусыпно наблюдать, стоит ему встретиться с первым агентом из десятки. А вот стоит ли встречаться?

Андрей Викторович встал. Размял спину и пальцы. И тут его бросило в жар от того, что ему здесь и сейчас необходимо занять крайнюю позицию — половинчатого решения не получится. Так же не получится спихнуть решение проблем, а скорее — задач, на кого-то другого. Был только Трефилов, и сам Андропов. Но работать, всё равно, доверят ему — Ткачёву. А как их решение будет стыковаться с его, Ткачёва, внутренними принципами?

Ведь он же не молодой лейтенант из Угрозиска, а теперь — генерал, обладающий некой властью. В достаточном возрасте, чтобы отстаивать свой взгляд и свою... честь. Честь человека, которого эта страна, обучила и дала право на счастливую жизнь. А что такое счастье?!

Какую себе жизнь представлял лейтенант Нодия, и капитан Румянцев? Они за что погибли в Зареченске?! А ведь нет войны... За что многие коллеги Ткачёва по МУРУ гибли от пуль и ножей бандитов? За какое такое счастье?! А за что сам Ткачёв ловил этих бандитов? Ведь мог бы принять от них деньги, жить на «широкую ногу»... А пусть бы эти говнюки ходили бы на свободе — грабили, воровали, убивали...

Ведь не взял с них денег, сколько не предлагали, так почему сейчас-то может взять?! Или это не бандиты, желающие раздиребанить огромную страну, да ещё и нажиться на этом?

Нет! Эти хуже уголовников. Эти скрываются под бременем власти, выдумывая ради своей личной выгоды различные отговорки. Им плевать на страну, которая их учила и вырастила. Они её... ненавидят! Государство доверило им руководить... Стоп! Они сами себя обличили этой властью. Они всю жизнь делали вид, что беспокоятся о стране, а сами беспокоятся только о себе. Они лжецы! Живут двойной жизнью, обманывая окружающих. Они пользуются доверием народа, что презервативом. Использовал и выбросил, оставив тухнуть своё поганое семя...

Ткачёв накручивал сам себя. Сжимал кулаки, размахивал руками и ...

— Гады! Сволочи! Не будет вам ничего!

Закричал генерал и мощно ударил в дверь кулаком. С разбегу, вложив в удар всю энергию, собранную в плече. Дверь хрустнула.

— Уничтожу! — выдохнул Ткачёв хриплым шёпотом.

Это успокоило Андрея Викторовича, заставило взглянуть с другой стороны.

А достойна ли эта страна и этот народ, чтобы за него драться?! Ведь этот народ и страна сами вырастили себе предателей.

В сознании Ткачёва стали мелькать образы... Хмеля, Поплутина, Гладышева... Воронкова, Глушко, Брежневой... жены Людмилы, Елизаветы, Надежды... Тестя, отца, генерала Кудрявцева...

Разный народ, но страна — одна. А врагов у страны и народа было всегда достаточно. Так что теперь?!

— Не буди лихо, пока оно тихо, — шептал генерал, опускаясь на пол около двери. — Зря они всё это затеяли...

Кто зря, и какое лихо, Ткачёв уточнять не стал. Для себя он всё решил...

— Кто не спрятался — я не виноват, — улыбнулся он, вставая на ноги.

— Вот что я вам скажу, — бывший командир Трофимова вдруг закашлял с надрывом. С минуту он стоял, склонившись и упираясь на трость. Перестав кашлять, протянул Ткачёву блокнот. — Здесь адреса бывших бойцов спецназа ГРУ. Мне жить осталось не больше месяца, а вам пригодится. Вы уж простите, но разговаривать с ними будете сами. Я уже им не командир...

— Где-то ещё остались эти списки?

Командир с трудом сдержал новый порыв кашля.

— Может быть, и остались. Но чтобы составить их в таком виде, нужно много времени. Да и вряд ли кто-то будет их составлять. Подразделения дислоцируются разрозненно, и

четкого единого командования как не было, так и не будет. Сейчас в Управлении даже не знают, сколько отдельных рот... А в Афгане немало наших перебили. Пытаются систематизировать, но бойцов, уволенных по ранению, в расчёт точно брать не будут. Бери...

Генерал КГБ Виктор Чебриков ехал к теще в плохом настроении. В Управлении творилось чёрт знает, что — каждый отдел творил, что хотел, а Председатель сутками пропадал на бесконечных совещаниях Политбюро. Хотя, было понятно — сороковая армия в Афганистане усиливалась, а Андропов, как один из членов Политбюро, голосовавший за вход Советских войск в Афганистан, контролировал это усиление.

У тещи генерала сегодня был день Ангела, или как там называется такой праздник, и он пообещал ей приехать вечером на чай. А ещё привезти её любимый торт «Полёт» и, естественно, в спешке он забыл его заказать.

— Дима, — спросил генерал адъютанта. — А где делают торт «Полёт»?

Адъютант тут же куда-то позвонил, тихо переговорил.

— Товарищ генерал, можно заехать на фабрику «Большевик»... Кстати, это по дороге.

— Закажи торт, Дима. А то теща будет очень недовольна, если я приеду без него.

— Хорошо, — кивнул адъютант, набирая номер.

Чебриков слегка успокоился и погрузился в раздумья. Его волновали отношения с генералом Трефиловым — слишком многое себе позволял этот выскочка. Чебрикову доложили, что Трефилов позволил себе инициировать оперативную разработку Галины Брежневой и её окружения, куда входила и Светлана Щелокова. Это же надо было такое — взять в разработку таких людей! Хотя, надо признать, Галя со Светой слишком много начудили за последнее время. И куда смотрит Леонид Ильич?!

Чебриков в негодовании даже шумно засопел, чем привлёк внимание адъютанта.

— Дима, не отвлекайся!

Генерал понимал, что Андропов метит на более высокий пост и должен оставить после себя приемника. Но здесь у Трефилова шансов нет — Брежневу донесут, что Анатолий Романович «копает» под его дочь, и тому не видать место Председателя КГБ, как своих ушей. Остается только он — Чебриков и генерал Цвигун — закадычный друг Леонида Ильича. Андропов, кстати, тоже его привечает. А ещё, Цвигун — ставленник Суслова. А «серый кардинал» Партии будет его продвигать на место Председателя.

Чебриков расстроился таким выводам.

— Товарищ генерал, — позвал его адъютант. — Я договорился с директором фабрики. Они снимут торт с заказа на празднование какой-то даты Союзгосцирка и передадут вам.

— Хорошо, — улыбнулся Чебриков. — Циркачам вредно много сладкого. А то располнеют и их слопают дрессированные тигры.

И он захохотал, довольный своей шуткой.

«Волга» остановилась на Ленинградском шоссе, вблизи проходной на фабрику.

— Дима, сходи за тортом, пожалуйста. Только не задерживайся и не приставай к женщинам, — Чебриков опустил стекло и вдохнул морозный воздух.

Адъютант ушёл, хлопнув дверью машины. Генерал отвлеченно смотрел на проезжающие машины и вздрогнул, когда неожиданно открылись двери его «Волги» и внутрь салона залезли двое. Один незаметным ударом ребром ладони вырубил шофёра, а второй, который влез на заднее сидение рядом с генералом, приставил к голове Чебрикова пистолет.

— Не дергайтесь, генерал. Поднимите стекло, пожалуйста. А то прохладно.

Чебриков даже не успел рассмотреть лица при включённой лампе в салоне. Всё произошло настолько быстро.

— Кто такие? — сурово спросил генерал. — Вы отдаёте себе отчёт?..

— Неважно, кто мы такие, — сидевший рядом с ним протянул тонкую папку. — Завтра утром отдайте документы Андропову. Это в ваших интересах.

Они ушли так же быстро, как появились. Чебриков попытался рассмотреть их, выйдя из машины, но вечерние сумерки и тусклый свет фонарей освещения не дали такой возможности. Генерал, было, дернулся то в одну сторону, то в другую, а потом махнул рукой и вернулся в машину. Шофёр уже пришёл в чувство и морщился, потирая шею.

— Это не хулиганы, товарищ генерал. Извините...

— Да ладно уж.

Чебриков и так понял, что работали спецы. Только откуда они взялись?!

— Как самочувствие? Везти машину сможешь?

— Да. Сработали аккуратно. Снегом лицо протру только...

Вернулся адъютант. С гордостью показал торт.

— Береги, Дима. И дай мне телефон.

Когда «Волга» вырулила на шоссе, Чебриков просмотрел документы в папке и позвонил:

— Привет. Извини, что поздно. Нужно немедленно встретиться. Ты же знаешь, где живёт моя тёща.

На немой вопрос адъютанта генерал рассержено махнул рукой.

Чебриков звонил своему приятелю — генералу Евгению Питовранову. Тот ещё в конце семидесятых создал спецрезидентуру КГБ, назвав её «Фирма», которая работала под крышей Торгово-промышленной палаты СССР и специализировалась на получении информации от западных бизнесменов, заинтересованных в контрактах с Советским Союзом. От бизнесменов «Фирма» перешла к установлению контактов с видными западными политиками.

Тут и произошёл контакт с одним очень влиятельным и информированным политиком в США. Как «Фирмачи» зацепили его, Питовранов никогда не рассказывал, но политик стал давать сведения, представляющие огромную важность. Эти сведения, конечно, перепроверяли по несколько раз, но проколов пока ещё не было. И Питовранов очень гордился этим.

В документах, что получил Чебриков от неизвестных людей в машине, было всего два эпизода. Первый — в руках ЦРУ оказались схемы развертывания сороковой армии в Афганистане и планирование основных ударов её войск по моджахедам. И указан канал связи, по которому эти планы ушли из СССР. Второй — через кого ЦРУ получило за границей документы.

— Жень, — передал Чебриков на кухне у тещи документ Питовранову. — Мне нужно в самый короткий срок это проверить.

Генерал махнул рюмашку коньяка, развернул листок и прочитал. Вернул документ обратно, усмехнувшись.

— Проверять ничего не надо. Мы давно знаем фигуранта.

— Так что же вы молчите?! — удивился Чебриков.

— Вить, а ты чего хочешь? Андропов давно в курсе.

— Как?! — ещё больше удивился Чебриков.

— А вот так. Еще перед Олимпиадой я выходил с докладной к Андропову. Материалов на фигуранта — выше крыши!

— А что Андропов?!

— Он ходил с этим к Брежневу, и знаешь, какой был ответ Леонида Ильича? — Питовранов изобразил речь генсека. — Член Ревизионной комиссии КПСС — власть Врагом быть не может!

Генерал выпил ещё рюмку коньяка.

— Андропов при мне порвал докладную. К нему подошёл Суслов и много чего намекнул, — он со стуком поставил рюмку на стол. — Ищите здесь каналы передачи, Витя. И режьте их нещадно. А то «за бугром» уже наглеть стали. Смеются нам в лицо. На переговорах мы ещё не знаем цены по контрактам, а там уже все посчитано. Представляешь?! Три часа сидим и цену обсуждаем, а нам потом с ухмылкой тычут данными, мол, мы уже всё знаем, но ради смеха торгуемся. Нас уже не уважают, Витя! За дурачков считают... Как в сказке, ей богу! Иванушки-дурачки, ёпрст!

Среди ночи на дачу Андрея Викторовича приехал Трофимов. Старшина сильно стучался в дверь веранды, пока заспанный Ткачёв не открыл.

— Товарищ генерал, тяжело ранен генерал-лейтенант Трефилов. Велено срочно привезти вас к нему!

Андрей Викторович спешно оделся и выбежал к машине. Старшина рванул «Волгу» с места, подняв колесами снег с землей.

— Где он? — Ткачёв ерзал на сидении, ожидая, когда машина выскочит к покрытию сотовой связи.

— В госпитале. В Лефортово, — ответил Пал Палыч, выезжая на шоссе. Ткачёв удивился. От дач до шоссе они «долетели» меньше, чем за пять минут. И по неосвещенной дороге. До этого Трофимов довозил его минут за пятнадцать, и то — по утрам.

— Ничего, товарищ генерал, — подбодрил Ткачёва старшина, нажимая на акселератор — «Волга» понеслась по шоссе, взрывая тишину рёвом мотора. — Покрышки у нас новые...

Андрей Викторович вжался в сидение, с некоторым страхом посматривая на дорогу. Машина мчалась, будто ракета, но настолько уверенной и плавной езды, генерал не ожидал. Оглянувшись, он увидел только завесу снежной пыли, тянущейся за «Волгой».

Ткачёв опомнился только тогда, когда увидел промелькнувшую над машиной эстакаду МКАДа и пост ГАИ. Трофимов слегка снизил скорость, но тут же вывел «Волгу» на разделительную черту и включил синий маяк.

Когда подъехали к госпиталю, Андрей Викторович грузно выбрался из машины — его немного пошатывало и подташнивало.

— Товарищ генерал, простите, — заметил его состояние старшина. — Я вам помогу.

Когда они зашли в приёмный покой, навстречу вышел дежурный.

— К генералу Трефилову, — показал своё удостоверение Ткачёв. — Проводите.

Анатолий Романович лежал в отдельной палате, под наблюдением медсестры. Ткачёв быстро подошёл к нему.

— Товарищ генерал-лейтенант?

Трефилов медленно открыл глаза, облизнул пересохшие губы. Властно указал пальцами медсестре на выход. Она продолжала сидеть.

— Пошла вон, — тихо приказал Ткачёв. — И в палату никого не пускать. Кто зайдёт —

я тебе голову оторву!

Проводив взглядом испуганную медсестру, он встал на колени рядом с койкой Трефилова.

— Андрей, — прошептал едва слышно Анатолий Романович. — Я не успел... У меня в сейфе, в кабинете документы для тебя. Возьми их немедленно! Слышишь, немедленно! Любой ценой... Ключ у секрета...

Генерал-лейтенант захрипел, мучительно повёл головой в сторону и... затих.

— Сестра! — крикнул Ткачёв.

В палату вбежали медики, и Ткачёв, пользуясь суетой, вышел в коридор. Встретил старшину.

— Тут есть телефон-автомат?

— В здании нет. Только на трамвайной остановке, на углу улицы.

Андрей Викторович побежал на выход, Трофимов не отставал.

Найдя на улице телефон-автомат, Ткачёв набрал номер и сказал в трубку:

— Через полчаса встречаемся на нашем месте. Выпьем пива, пожалуй...

Ткачёв послал Трофимова с заданием, а сам поехал в Управление на метро. Люди с удивлением разглядывали взъерошенного мужика в генеральской шинели и синими петлицами. На выходе из «Кузнецкого моста» его остановили милиционеры, но увидев удостоверение, только испуганно спросили:

— Помощь не нужна, товарищ генерал?

— Телефон нужен...

Его провели в комнату милиции. Попросив всех выйти, Андрей Викторович набрал номер своего секретаря.

— Жевнов, запи дверь и подходи к кабинету Трефилова. Жди меня там. Кто спросит, скажи — ждешь Трофимова. Возьми какой-нибудь конверт в руки... и оружие. Но чтобы пистолет никто не видел. Выполняй!

Поблагодарив милиционеров, Ткачёв пошёл в здание Управления. Он вспомнил, что год назад так же петлял по подземным переходам, облицованным коричневой плиткой. И почему-то с того дня жизнь его круто изменилась.

Жевнов ждал генерала, прогуливаясь по коридору. Ткачёв призывно махнул ему рукой и резко свернул в приемную Трефилова. В приёмной сидели два офицера. Один из них встал, и вытянул руку в упреждающем жесте:

— Кабинет опечатан, покиньте приёмную.

Ткачёв встал и, дождавшись, когда войдет Жевнов, попросил:

— Позвоните Председателю. Я здесь по его поручению.

Офицеры неуверенно переглянулись, и Андрей Викторович понял, что Андропов не отдавал приказа опечатывать кабинет Трефилова. И вообще, у Анатолия Романовича была секретарь.

— А где Элла Аркадьевна?

Офицеры опять переглянулись, и генерал увидел едва заметный кивок одного из них. Ткачёв резко шагнул к стоящему офицеру и мощно ударил того в живот. Другой сделал попытку подняться, но замер под пистолетом Жевнова.

— Не двигайся! — проревел лейтенант.

Ткачёв двинул коленом по лицу согнувшегося от удара в живот офицера, и ловко вынул у него оружие.

— Где... Элла... Аркадьевна? — дуло пистолета уперлось в ухо офицера. — Пристрелю! Тут же!

Генерал периферическим взором заметил, как второй офицер быстро присел, хватая край массивного стола с намерением опрокинуть его на Ткачёва. Но тут раздался выстрел и офицер шумно упал.

— Говори, сука!

Крикнул генерал, надавливая дулом ухо стоящего на коленях противника.

— Они едут на дачу Трефилова.

— Из сейфа документы забрали?!

— Да.

Андрей Викторович скрипнул зубами и жестко ударил рукояткой пистолета по затылку офицера.

— Пошли отсюда, — сказал он Жевнову. — Пока народ не сбежался.

И с корнем выдрал телефонный провод из розетки. Потом быстро вложил в руку офицера пистолет, предварительно протерев рукоять.

Из приёмной Трефилова они вышли спокойно. На этаже было безлюдно. Видимо, сухой пистолетный выстрел был заглушен стенами старого здания.

Ткачёв увлек Жевнова за собой. На ходу написал на клочке бумаги название улицы и номер дома.

— Вот тебе адрес, лейтенант, и деньги. Поедешь на такси и будешь там меня ждать. Открывать только мне, понял? И никому другому. Ключ найдёшь под крышей веранды.

Андрей Викторович вместе с лейтенантом вышел на улицу. В лицо дунул морозный ветерок, чуть охладив разгоряченные мысли Ткачёва. Он по-отечески хлопнул по плечу Жевнова и подтолкнул его в сторону от Управления. А сам быстрым шагом пошёл к ЦУМу.

Свою «Волгу» он обнаружил сразу, как только повернул направо от здания КГБ. Сел в машину.

— Едем на дачу Трефилова, — скомандовал старшине. — Надо доехать очень быстро.

Трофимов стиснул зубы и кивнул.

Генерал очень рассчитывал на то, что документы, предназначенные ему, ещё в машине тех людей, которые вместе с Эллой Аркадьевной едут на дачу генерал-лейтенанта. Судя по всему, Трефилова и его секретаря что-то связывало. А скорее всего, только она знала некие потайные места на даче. И, наверняка, документы из сейфа ещё в машине.

Ткачев обернулся к мужчинам, сидевшим на заднем сидении его «Волги». Это были бывшие бойцы спецназа ГРУ, адреса которых дал Ткачёву их смертельно больной командир. Их было трое. Генерал знал имена и фамилии, но они предпочитали выданные в ГРУ позывные — Кум, Сазон и Комар.

Трофимов включил маячок, выехав на Бульварное кольцо, и машина резко увеличила скорость.

— Я был на даче Трефилова всего один раз, — сказал Ткачёв бойцам. — Так что действуем по обстановке. Нейтрализуем всех, кроме женщины. При невозможности нейтрализации... уничтожаем.

Лица бойцов посуровели. Старший — Кум, спросил:

— Сколько будет противников?

— Вероятно, четверо.

— Что они из себя представляют?

Ткачёв поморщился.

— Не знаю. Скорее всего, это оперативные офицеры КГБ. Но могут быть и варианты.

Кум ничего не сказал, и только когда «Волга» выехала за пределы МКАДа, молча кивнул бойцам. Они синхронно достали пистолеты, проверили обоймы и накрутили глушители. Немного потолкались, разминаясь в тесноте на заднем сидении.

Наконец, подъехали к даче Трефилова — двухэтажному дому в районе Ильинское, что по Рязанскому шоссе. Остановились, не доезжая метров двести. У ворот дачи стояла черная «Волга».

— Генерал, вы остаётесь в машине, — сказал Кум. — Палыч, ты нас прикроешь с тыла. Смотри внимательно.

Ткачёв не стал возражать — бойцы знали своё дело. Он тогда собрал их в команду легко. Хватило часа разговора, чтобы угрюмые дядьки с минутой посовещавшись, только спросили:

— Оружием обеспечите?

И генерал назвал им адрес, где они могли получить необходимое снаряжение. Потом Кум, отозвав Ткачёва, сказал:

— Мы все поняли, Андрей Викторович. И готовы ещё послужить — присягу с нас никто не снимал. А своему командиру мы верим безгранично. Раз он дал вам адреса, значит, так

было нужно. Значит, он вам доверял.

— Я оформлю вас, как свою личную охрану. После покушения Андропов мне разрешил приказом. Правда, оклад небольшой...

— Нам много не надо, генерал. Мы привыкли жить малым.

Бойцы ушли к даче Трефилова, скрывшись за заборами соседних домиков. Минуту спустя, ушёл и Трофимов.

Прошло минут пять, и старшина вернулся.

— Товарищ генерал, пойдёмте...

В холле на первом этаже дома Ткачёв увидел трех мужчин, связанных вместе — спина к спине. Они сидели на полу, пытаясь вращать головой. Рты были заткнуты кляпами из тряпок. Ещё один лежал у стены, спеленатый по рукам и ногам.

— Самый борзый, — уточнил Кум, проследив за взглядом генерала. — На втором этаже мы нашли задушенную женщину.

Андрей Викторович тихо попросил старшину подогнать машину к даче, а сам присел перед связанным офицером и неторопливо обыскал. Вынул удостоверение сотрудника КГБ, прочитал.

— Поднимите его, пожалуйста, — попросил Ткачёв бойцов. Кум и Сазон посадили пленника на пол.

— Капитан, — обратился генерал к офицеру. — Попрошу вас ответить на мои вопросы коротко и ясно, — и кивнул Куму, чтобы тот вынул кляп.

Капитан зло отплевывался, когда боец освободил его рот от кляпа, потом взглянул на Ткачёва.

— Да пошёл ты!

Генерал усмехнулся.

— Так, разговор не получается. Придётся по старинке...

Ткачёв встал и ударом ноги в голову отправил офицера в нокаут. Тот упал прямо перед своими товарищами с окровавленным ухом.

— Мужчины, разомнитесь немного, — посоветовал Андрей Викторович своим бойцам. — А я пока позвоню...

«Разомнитесь» было понято, как отработка ударов по неподвижным телам с причинением наибольшего болевого эффекта. Ткачёв ещё не успел выйти с веранды, как раздался крик:

— Хватит! Я всё расскажу!

Пришлось вернуться в зал «для экзекуций». Один из сидящих на полу офицеров, испуганно поглядывая на бойцов, взмолился, увидев генерала:

— Всё расскажу! Всё!

Ткачёв, кряхтя, присел перед ним.

— Понимаешь, этого мало. Надо всё... написать. На листе бумаги и каллиграфическим почерком. Ты готов?

Офицер часто закивал, вздрогнув от сурового взгляда наклонившегося Кума. Ткачёв встал:

— Хорошо. Посадите его за стол. А с остальными продолжайте... Захотят что-то сказать — тоже усадите за стол.

Андрей Викторович с удовольствием выслушал просящее мычание офицеров и все-таки пошёл к «Волге». Надо было позвонить Андропову.

До Председателя он дозвонился не сразу — связь обрывалась. Но дозвонился — трубку поднял секретарь.

— Говорит генерал Ткачёв, — ответил секретарю. — Соедините с Юрием Владимировичем. Это срочно.

— Слушаю вас, генерал, — послышался голос Андропова. Немного тревожный и растерянный.

— Документы Трефилова у меня. Я был у него в госпитале.

— Это очень хорошо, Андрей Викторович, — явно обрадовался Председатель. — Через два часа подъезжайте ко мне на дачу. И никому не передавайте их.

— Один вопрос можно, Юрий Владимирович?

— Задавайте.

— Вы отдавали кому-нибудь распоряжение о выемке документов из сейфа Трефилова?

— Нет. А что такое?! — обеспокоился Андропов.

— Мне пришлось отнимать их с боем. А на даче генерал-лейтенанта нашли убитую женщину — секретаря Трефилова. Преступники задержаны...

Связь прервалась.

Ткачёв со вздохом посмотрел на трубку телефона, а потом на стоящего рядом старшину.

— Поторопите Кума, Пал Палыч. Пусть задержанные напишут самое главное — кто отдал распоряжение, во сколько и формулировку. Потом связать и скинуть в погреб. Не церемониться. И пусть Кум готовится вас прикрыть. В машине, — генерал показал на «Волгу» офицеров, — документы. Отгоните сейчас машину на шоссе и ждите. Через час позвоните мне. Если не отвечу, то очень быстро поезжайте на дачу Андропова. Не останавливаясь. Документы передадите ему лично, старшина. Выполняйте!

Трофимов склонил голову.

— А как же вы, Андрей Викторович?

— Я тут на воздухе постою... Сдается мне, что сюда сейчас приедут ...

Старшина медленно сжал протянутую ладонь генерала.

Ждать пришлось довольно долго. Ткачёв ходил кругами около входа на дачу и посматривал на дорогу. Подошёл Кум, протянул исписанные листы. Генерал прочитал показания офицером с заметным удовольствием.

— Благодарю, — сказал он Куму. — Я встречу гостей и если что-то пойдёт не так, то себя не выдавайте — уходите. Возьмите мою машину и отгоните на безопасное расстояние. По возможности прикройте Трофимова, если за ним будет погоня.

Кум ушёл перегонять «Волгу».

Ткачёв уже начал подмерзать, когда к даче Трефилова подкатили две машины. Из одной вышел плотного сложения генерал КГБ, а из другой — ЗИЛа правительственной охраны высокий старик в поношенном пальто и каракулевой шапке. Прищурился на Ткачёва сквозь очки, обернулся к плотному генералу и что-то сказал. Генерал вытянулся и кивнул головой.

Хрустя снегом, старик медленно подошёл к Ткачёву. Это был сам Суслов — «серый кардинал» КПСС. Авторитетный и властный. Встал в метре от Андрея Викторовича взглянул недобро и нервно спросил:

— Что вы хотите в обмен на документы Трефилова?

Ткачёв недоуменно нахмурился.

— Не понял вопроса, Михаил Андреевич.

Суслов снял очки, стал что-то в них разглядывать.

— Мне нужны документы, в которых фигурирует имя Галины Брежневой.

— У меня их нет, — развёл руками Ткачёв.

— Вы что, не понимаете?! — рыкнул Суслов. — Её имя не должно быть в уголовном деле. Вы знаете, чем это закончится?!

— Знаю, — невозмутимо ответил генерал. — Судом. Самым гуманным и справедливым. И считаю, что это правильно.

Михаил Андреевич усмехнулся и нацепил очки на нос.

— Вы наивны. Андропов не пойдёт на это.

— Может быть, и не пойдёт, — пожал плечами Ткачёв. — Зато у него будет весомый аргумент, если...

— Если? — дернул головой Суслов.

— Если понадобится, — ушёл от ответа генерал.

«Серый кардинал» не спешил с выводами. Он, как ни кто другой, знал, как работает система власти и на чём она стоит. И он понимал, что Ткачёв имеет некие козыри «в рукаве».

— Давайте начистоту, Ткачёв?

— Попробуем, — согласился Андрей Викторович и протянул Суслову донесение агента из Канады. — Это первое.

Михаил Андреевич прочитал и смял в кулаке бумагу.

— Это невозможно, — прошептал, но потом взял себя в руки, сверкнув глазами на Ткачёва. — Что-то ещё?

— Конечно. У вас секретарем служит Алексей Дубинский, не так ли?

— Допустим...

— Дубинский отправлял донесения в Канаду, прикрываясь дипломатической почтой и... вашей подписью. А он поступил на службу по вашей рекомендации. Это второе. Третье... Директор Союзгосцирка Анатолий Колеватов, кстати, за которого вы хлопотали и лично визировали его на должность, пересылал за границу под видом циркового инвентаря платы интеллектуальной системы комплекса противоракетной обороны «С-550». Четвёртое — в разработке иностранных спецслужб числится некий фигурант под кличкой «Горби». А ведь совершенно недавно Михаил Горбачёв стал из секретаря Ставропольского крайкома секретарём ЦК КПСС, и замечу, что это именно вы выдвинули его на этот пост. А Михаил Горбачёв тесно связан с Александром Яковлевым — послом СССР в Канаде. Донесение, по которому, вы только что смяли. И последнее... генерал Цвигун, ваш близкий друг и соратник, сегодня ночью отдал приказ ликвидировать генерала Трефилова и изъять документы из его сейфа. Там, — Ткачёв резко махнул на дачу Трефилова, — четыре офицера из отдела Цвигуна. Их признания в письменном виде будут доставлены Андропову. А ещё... на втором этаже лежит удушенная этими... исполнителями женщина. Женщина, Михаил Андреевич! Секретарь генерала Трефилова...

— Хватит! — жестко выкрикнул Суслов и положил ладонь на грудь, болезненно сморщившись. — Андропов располагает подтверждающими документами?

Ткачёв взглянул на часы.

— Если я не приеду к нему через час, то будет располагать. И всей оперативной разработкой по Галине Брежневой. Там ещё Светлана Щелокова...

— Щёлокова мне неинтересна, — прервал его Суслов. — Так же и сам Щелоков с Чурбановым. В общем, понятно... Поезжайте к Андропову. Через час я тоже буду у него...

Михаил Андреевич пихнул Ткачёву в руки смятый лист донесения и, сторбившись, медленно пошёл к своей машине.

Андрей Викторович увидел, как Суслов что-то выговаривает подскочившему к нему генералу КГБ. Выговаривал долго, а потом неожиданно влепил пощёчину и ткнул пальцем в грудь и в лоб.

— Твою мать! — выдохнул Ткачёв. — Так это же генерал Цвигун!

Суслов ещё сказал генералу короткую фразу, видимо, обидную, и сел в машину. Его ЗИЛ развернулся и уехал. Цвигун так и остался стоять, опустив руки. Потом поднял голову, чтобы поймать на лицо редкие снежинки. Постояв с минуту, быстро достал из шинели пистолет и приставил себе к виску. Ткачёв было дернулся, но не успел — гул проезжающего поезда заглушил выстрел.

Андрей Викторович длинно и нецензурно выругался. Из стоявшей на обочине «Волги» выбежали два человека, остановились около упавшего генерала.

— Что происходит, товарищ генерал? — это спросил вышедший из дачи Кум.

— Наверное, возмездие, — ответил Ткачёв. — Уезжаем отсюда.

— А с теми что делать? — Кум указал на дачу.

— Вы их хорошо спеленали? — усмехнулся генерал.

Кум выпятил грудь.

— А то!

— Тогда посидят...

— Натворил ты делов, Андрей Викторович!

Андропов нервно вышагивал по кабинету на своей даче. Ткачёв сидел перед ним, виновато поглядывая на стопку документов, извлечённых из багажника машины.

— Вот что теперь с тобой делать?!

Генерал по-мальчишески вытер нос рукавом.

— Трефилов мне передал папку...

— Точно! — улыбнулся Юрий Владимирович, остановившись. — Назначить вас надо моим заместителем. А что за папка?..

— Там некий план, подписанный вами. С интересным названием «Бросок кобры».

— У вас уже есть соображения?

— Да. Сегодня вечером люди получают оперативное задание.

— Хорошо. Только вот что... Мы с Суловым договорились. Первое — Яковлева не трогаем, но каналы передачи информации прикроем. Кроме одного. По нему будем дозированно гнать чуть изменённые сведения. Второе — Брежневу пока не трогаем, но, согласно планам, подставляем через Буряце.

Ткачёв мысленно согласился — Боря отработал своё.

— Третье — дело директора Союзгосцирка отдаём милиции. Пусть раскручивают, как взяточничество. А Лёшу Дубинского вы крепче за яйца прихватите, не давайте ему продыху. Так, а что у нас по Средней Азии?

— Работаем, собираем материал, — уклончиво ответил Ткачёв, но Андропов уже не верил в его уклончивость.

— И что за материал? — строго спросил он.

— Жуть просто, — тихо сказал генерал.

— Ясно. Отдайте приказ своим людям, чтобы сворачивались. Особо ярых фигурантов быстро убрать, работу нигде не светить. А материалы подойдут для Прокуратуры?

— Конечно, — усмехнулся Ткачёв.

— Вот и отдайте их в Прокуратуру.

Ткачёв встал, вопросительно посмотрел на Председателя.

— Трефилова похороним с почестями, — отвернулся Андропов. — И его секретаря... как погибших в результате несчастного случая. Мне разборка сейчас только не хватает. С Цвигуном едва замяли... Идите, Андрей Викторович. Очередного звания давать не буду, чтобы не привлекать излишнего внимания. А приказ на должность моего заместителя будет вечером. Возьмёте в моём секретариате. Отдел реформируйте так, как вам нужно.

— Разрешите идти? — вытянулся Ткачёв.

— Погодите, — наморщил лоб Председатель. — Я хотел посоветоваться с вами по одному делу... У вас есть разработка по Михаилу Горбачеву?

— Есть некоторые документы... А что вас конкретно интересует?

— Видите ли... Мы с Трефиловым считали, что Горбачёва нужно вводить в ЦК под пристальным присмотром, — Андропов потер лоб.

— Я не понимаю, — признался Ткачёв. — Зачем?! Этот человек слишком либерален для Запада. Есть данные, что он хочет понравиться «забугорным» лидерам. И в своём стремлении он может наломать дров!

— Не надо судить так резко, генерал, — строго приказал Председатель. — У него есть новаторские идеи, а я... не вечен. Присмотрите за ним. Но только очень аккуратно. Все его контакты, все связи тщательно анализируйте. Суслов, конечно, размяк, бывая у него на Ставрополье. Музей, видите ли, своей жизни посмотрел. Но старик умеет выбирать кадры.

— Кстати, как Михаил Андреевич? — поинтересовался Ткачёв, припомнив его хватания за грудь.

— В больницу от меня уехал, — безразлично ответил Андропов, и тихо добавил: — Старый пень!

А потом жестче и громче:

— Трефилова и Цвигуна не прощу ему!

Ткачёв, въезжая в Москву, подумал, что скоро Новый год. Осталась-то, всего, неделя.

Всякие мысли проносились в его сознании и Андрей Викторович мотал головой, чтобы их прогнать.

— С вами всё в порядке, товарищ генерал?!

Это внимательный Трофимов поинтересовался, глядя в зеркало заднего вида.

— Все нормально, Пал Палыч, не волнуйтесь. Надо бы группе Кума на праздник продукты подбросить. Да и денег.

— А вы Ворону скажите, чтобы пару бриллиантов продал, — пошутил Трофимов.

«А хорошая идея!», — подумал Ткачёв. — «Да ещё и Автондила можно навестить. Давненько я у него не был. Поди, он соскучился по мне».

Наступал одна тысяча девятьсот восемьдесят второй год...

Ткачёв вышел на работу второго января и слегка задержался у дверей кабинета, рассматривая новую табличку — Заместитель Председателя КГБ СССР генерал-майор Ткачёв А. В..

Удовлетворенно улыбнувшись, зашёл в приёмную. Поздравил вскочившего со стула Жевнова с прошедшим праздником, но вдруг понял, что так и не знает его имени.

— Лейтенант, простите... А как ваше имя?

Жевнов смущенно опустил голову.

— Я не очень... Аристарх, товарищ генерал.

— Дааа! — удивленно протянул Ткачёв. — И как тебя называют приятели?

— Кто... Риста, кто — Аря...

Андрей Викторович с трудом сдержал смех.

— Вот что... Аристарх. Скажите Трофимову, чтобы через два часа машина была готова. И вызовите ко мне майора Гришаева.

Майор уже давно засиделся на своей должности, а в связи с реформированием отдела, Ткачёв хотел ему предложить должность своего заместителя и поручить более «тонкие» дела. Оперативную группу тоже бы хотелось расширить, но генерал думал, что по возвращению Лизы из командировки, он, наконец, официально прикрепит к оперативникам Жевнова — ему нравился этот исполнительный молодой лейтенант, раз в неделю летающий в Узбекистан для связи с группой Хмеля.

Андрей Викторович только открыл дверь в кабинет, как Жевнов его остановил.

— Товарищ генерал. В аэропорту я заметил, что за мной наблюдают.

— Вот как! — Ткачёв призадумался. — Как думаешь, кто это?

Лейтенант полетел вчера вечером, а вернулся сегодня рано утром. Летал он в Узбекистан, только для того, чтобы передать Хмелю распоряжение генерала. Обычно в Ташкенте Жевнова встречала Лиза, забирала записку от Ткачёва и передавала документы, собранные группой. Но в этот раз документов она не передавала. Иначе Трофимов привёз бы их утром на дачу. Ответ лейтенанта озадачил:

— Это не из Управления, и не менты. Они прокололись всего раз — на пустяке.

— А подробнее?

— Пал Палыч опаздывал, и я решил позвонить ему в машину. У стоявшего рядом с таксофоном человека попросил «двушку». Так он на меня как-то удивленно посмотрел, будто не знал, что это такое. Мужчина, лет сорока. Одет простецки, но лицо какое-то... холёное. Он потом головой мотал, мол, у него нет монеты, но затем, когда Трофимов приехал, и я вышел к машине, то встал к таксофону и набирал номер.

— По дороге ничего не было?

— Вы же знаете, Пал Палыча. Он наблюдение нутром чувствует. Так вот он обмолвился, что не понимает — следят за машиной, или нет.

— Хорошо, Аристарх. Спасибо. Я подумаю над этим...

«А вот это плохо!» — думал генерал, входя в кабинет. — «Жевнов заметил слежку, а Лиза могла и не заметить. Но она там с Хмелём, уж он сможет обезопасить свою связь».

Зашёл Гришаев, и Андрей Викторович долго с ним разговаривал. Майор остался доволен назначением и рабочими перспективами.

— Вот что меня волнует в первую очередь, — генерал засобирился на встречу с группой Глушко. — Евгений Арсеньевич, попрошу вас проанализировать возможные направления террористических акций, как территориально, так и по персоналиям. Уделите особое внимание Средней Азии и Кавказу, но и другие районы не игнорируйте.

Ткачёв не успел выйти из приёмной, как наткнулся на спецкурьера из секретной части. Он передал генералу толстый пакет. В сопроводительной записке был обозначен отправитель — Отдел генерала Питовранова. Пришлось возвращаться в кабинет.

В служебной записке за визой Андропова, аналитиками Питовранова выдвигалась версия покушения на первых лиц государства. Версию подтверждали секретные документы, переданные агентами КГБ.

«А ведь только пятнадцать минут назад разговаривал об этом с Гришаевым», — подумал Ткачёв, убирая вскрытый пакет в сейф. Но больше всего Андрея Викторовича насторожило то, что в марте Брежнев запланировал поездку в Узбекистан. Это, кстати, тоже указывалось в записке.

Сопоставив сведения, Ткачёв решил, что группе Шмеля нужно ускорить выполнение задачи по ликвидации криминально-террористических групп в Советской Средней Азии. Фактов их деятельности было выявлено достаточно.

Андрей Викторович, послужив в Комитете Госбезопасности с год, уже понял, что напролом и напрямую ничего делать нельзя — обязательно попадёшь в неудобные кому-либо из высшего эшелона власти. Андропов хоть и обладал могущественным авторитетом, но зачастую и он должен был соблюдать «правила игры». И чтобы Юрий Владимирович не нарушал эти правила, прикрывая Ткачёва, Андрей Викторович должен был готовить ходы, не попадая под прямое подозрение. А ещё лучше, чтобы подозрение падало на других.

Умение оперативного работника связывать факты и расставлять приоритеты в следствии, и тут помогали Ткачёву сделать нужный выбор. Обозначая конечный результат, Андрей Викторович раскручивал связи в обратную сторону — к началу. И тогда схема действий становилась отчетливо понятной. Правда, в плане Андропова «Бросок кобры» таких схем было много и требовалось увязать их всех вместе.

Сам план был достаточно прост — используя погрязших в коррупции и распутстве высших чиновников партии, столкнуть их лбами и занять место Генерального Секретаря. Чтобы провести затем ряд экономических и социальных реформ. И попробовать сохранить огромную страну в целостности, не смотря на продолжающуюся операцию западных спецслужб по устранению СССР, как единого социалистического государства.

Андропов хотел, опираясь на КГБ и ВПК, ведомый ярым сторонником социализма маршалом Устиновым, прекратить прямое идеологическое влияние США и стран Запада на советских людей, изменить ряд постулатов в идеологии и, наконец, закончить «Холодную войну», развязанную Хрущевым в конце пятидесятых годов. Для этого нужно было «вычислить» тех партработников, деятелей культуры и представителей министерств, кто мог сотрудничать с ЦРУ и прочими спецслужбами. А ещё тех, кто своими действиями подрывал авторитет КПСС в народных массах.

По мнению Андропова — Брежнев, Сулов, Щелоков, Рашидов и другие слишком многое себе позволяли, а некоторые, например Рашидов, стали считать своей частью территории страны, верша судьбами людей, будто собственностью.

Фактов хватало. Мало того, к «преступным» сообществам, типа Брежнева-Щелокова, стали примыкать откровенные подонки, а ведь и Галина, и Светлана имели большое влияние

на самом верху правительственной власти. И Михаил Андреевич Суслов «прикрывал» поступки Галины Брежневой, считая, что «девочка просто балуется». Так же считал и Леонид Ильич.

«Деятельность» таких сообществ была на руку западным спецслужбам, и они всеми силами старались её поддерживать, вводя в круг своих людей.

— Сергей Порфирьевич, я перенацеливаю опергруппу на наблюдение за Суловым, — рисовал Ткачёв схему. — Вам и Воронкову необходимо максимально возможно выявить контакты медперсонала, обслуживающего Михаила Андреевича.

— Иван Иванович, — удивился Глушко. — А ты не охренел?! Нас на километр не подпустят к больнице...

— Вам в больницу не надо, — прервал его Андрей Викторович. — Там своя охрана. Вам нужно выявить контакты вне больницы. Врачи, медсестры, нянечки... У всех есть своя жизнь. И её надо "прощупать". Малейшая зацепка за что-то, что вызывает подозрение. И сразу сообщать мне.

— Ладно, — буркнул Глушко, поглядывая на Ворона, но тот задумчиво молчал. — Ты-то что молчишь?

— Я что?! — встрепенулся вор. — Иван Иванович ставит, так сказать, задачу. Я только не догоняю, зачем нам всё это нужно. Помрет этот старый пердун на койке, так и хрен с ним! Юре Андропову это только на руку... Да и Гришин присмирет.

— Так вы не охранять будете, а выявлять возможные контакты с...

Тут Ткачёв недоговорил, задумавшись.

А, действительно, зачем ему больница? Правильно говорит Воронков — Сулов сейчас, как отработанный материал.

Андрей Викторович порвал лист с нарисованной схемой под удивленным взглядом Глушко. Взял новый, стал рисовать другую схему.

— Недавно в секретариате ЦК появился бывший первый секретарь Ставропольского обкома — Михаил Горбачев. Вот за ним и присмотрите.

— Ты не болен, Иван Иванович? — Глушко вытаращил глаза. — Что-то ты так быстро изменил задание?

— Здоров я, — недовольно выговорил Ткачёв. — Много вводных за сегодня. Вот мысли и скажут.

— И что будем делать с этим Горбачевым?

— Этот персонаж не так прост. Сулов к нему благосклонен, да и Андропов имеет виды. А связи его какие-то странные. Так что работайте по нему плотно, но незаметно. Есть предположение, что не только вы будете вести его разработку. Короче, действуйте крайне осторожно.

— Ладно, — кивнул Глушко. — И сколько у нас времени?

Ткачёв выпрямился, бросил карандаш на лист со схемой.

— Достаточно. Я некоторое время буду в командировке. Связь держите через моего шофёра. Я ему доверяю.

После встречи с Глушко Ткачёв поехал на дачу — проведать группу Кума. По дороге Андрей Викторович раздумывал о том, что теперь у него в подчинении целая сеть подразделений, начиная от официальных и заканчивая законспирированными. И ему в скором времени понадобится бухгалтер, чтобы вести по всем расходы. И если Хмель и Глушко как-то сами могли обеспечивать себя, то группу Кума поддерживать стоит, несмотря

на то, что Ткачёв оформил бойцов в собственную охрану.

— Здравия желаю, — пробасил Кум, пожимая ладонь генерала, вышедшего из машины. — Мы тут немного хозяйничаем. Ты уж не серчай.

Ткачёв отмахнулся, увидев незначительные изменения — навес над столом и расширенный погреб.

— Собирайтесь. Через неделю едем в Узбекистан. Работы много, времени мало, — Ткачёв коротко объяснил Куму задачу. — Едем спецбортом, так что пишите список необходимого снаряжения.

— А я?! — спросил Трофимов.

— Ты, Пал Палыч, нужен мне здесь. Твою задачу объясню позже.

Гурам Ефимович размеренно поедал торт «Славянка», купленный Ткачёвым в кулинарии ресторана «Рига».

— Вот что я вам скажу, Андрей, — Толь с удовольствием хлебнул чай. — Вам никак нельзя, чтобы на Брежнева было совершено покушение. Этого допустить ни в коем случае нельзя! Чтобы Леонид Ильич рассердился на Рашидова необходимо сделать что-то такое... выходящее за рамки их дружбы. И чтобы Брежнев увидел это своими глазами. Тогда вам будет зелёный свет по Рашидову.

— И как это сделать?!

— Думайте, Андрей, думайте... Брежнев стал очень самолюбив. Сыграйте на этом. Допустите, что покушение на него сам Рашидов и подготовил. У вас же, наверняка, есть куча материала по окружению Шарафа. Насколько я помню, самый его близкий соратник — это Ахмаджон Адылов. А этот человек способен на многое. И хотите, я вам дам небольшой совет?

— Слушаю...

Толь тщательно собрал остатки торта из коробки и отправил в рот, блаженно зажмурившись.

— Если вы решили идти до конца, то не отступайте. Ни перед чем. Смертей будет! Мама не горюй! А вы такой муравейник собрались разворошить! Так что слабинку давать нельзя.

— Что-то мрачно вы говорите, Гурам Ефимович, — нахмурился Ткачёв.

— Почему мрачно, Андрей? — Толь облизал ложку. — Вы, наверное, не знаете, что президенту США Рейгану подготовили доклад под названием «Изменение образа человека»?

— Впервые слышу.

— Вот и я об этом...

— А вы откуда знаете об этом докладе?!

Толь улыбнулся.

— Я — старый еврей, Андрюша. У меня есть свои источники. К тому же, я всё ещё могу сопоставлять факты.

Ткачёв усмехнулся.

— И что же?..

— А вот что, — Гурам Ефимович с сожалением взглянул на пустую коробку из-под торта. — Нынешний капитализм в Америке переживает трудные времена. Он такой, знаете ли, консервативный. Проще говоря — устаревший. К тому же, развитию капитализма, как ни странно, мешает соцлагерь. А это, как ни крути, СССР и страны Варшавского Договора Плюс Монголия, плюс Китай и Вьетнам. А если ещё взять Кубу и некоторые африканские

страны, то капитализму станет совсем плохо. Рынок сбыта нет, понимаете?! Сейчас капитал ещё держится на производстве оружия, но это продлится недолго, если не расширять рынок. И не делать его либеральным.

— Простите, но я не понимаю чем отличается консервативный капитализм от либерального.

Толь огорчился.

— Плохо, Андрей. Экономика — одна из важнейших наук. Ещё древние греки вывели совокупность социальных норм и практик, предназначенных для обеспечения необходимых условий существования общества.

— А причем тут капитализм?! — удивился Ткачёв.

— А при том, что это одна из форм существования общества. Консервативный — это когда общество устанавливает правила, а либеральный — правила устанавливает индивидуальность. Чувствуете разницу?

— Не совсем, — растерялся Андрей Викторович.

— Элохим! — воскликнул Толь. — Генерал КГБ не понимает разницы между общественным и индивидуальным! Куда катится мир!

— Ладно, ладно, — Ткачёв на секунду обиделся. — Понял я... И что?!

— А то, что в США и на Западе полным ходом идёт переход к либеральному экономическому порядку, — гневно махнул рукой Гурам Ефимович. — И ценности будут изменяться. Вот, например, одна из участниц разработки доклада по изменению образа человека профессор Колумбийского университета, выдающийся антрополог...

— Кто?!

— Человек, изучающий людей в прошлом и настоящем, — Толь будто не заметил возгласа Ткачёва и невозмутимо продолжал. — Американка Маргарет Мид активно выдвигала тезис о том, что семья — это не естественный институт общества, а наоборот — противоестественный. И выдает это за научное открытие.

Удивленный Ткачёв даже споткнулся на ровном месте.

— Она что — совсем дура?! Как она может быть каким-то там профессором?!

— Это становится нормой, Андрей. Маргарет Мид была в «неформальных отношениях» с другой женщиной.

— Так она мужик что ли? — задал идиотский вопрос Андрей Викторович.

— Нет, — Толь многозначительно улыбнулся. — У неё было два или три мужа, но она любила женщин. Две её любовницы тоже были антропологами.

— Тогда я ничего не понимаю, — признался генерал, падая на стул. — Если президент Америки прислушивается к людям, по которым «плачет» психушка, то что будет дальше?!

— Вот и готовьтесь к тому, что готовится наступление либерально-экономической модели капитализма, где всё покупается и продаётся. Всё, Андрей! Мерилом отношений будут не честь, совесть и остальные никому не нужные морально-нравственные догмы, а деньги. У кого денег больше, тот и прав, — закончил Гурам Ефимович.

Ткачёв, сидя в машине и глядя на мелькающие огни вечерней Москвы, с неким отвращением понимал, что многого не знает. А ведь сколько ещё предстоит узнать!

Вот живёт себе человек. Женщина. Имеет мужа, детей и работу. Но любит в постели женщин. Это что же они там вытворяют?! Андрей Викторович даже закашлялся, пытаясь представить такие «игры». Это как же разум человека вывернут?!

Трофимов обеспокоенно взглянул на генерала через зеркало, но Ткачёв только

отмахнулся. Нет, он знал, что некоторые люди страдают недугом мозга и хорошо, что в его милицейском прошлом не было таких преступлений, связанных с мужеложством. Обычно, такие преступления, которых было единицы, тщательно скрывались от общественности, а человек, пойманный на нём, отправлялся на лечение в психиатрическую больницу. Чтобы такие преступления были в порядке вещей и не рассматривались, как преступление, Андрей Викторович не мог представить.

И дело было не в том, что на Западе на такое «закрывали глаза», а в том, что такие люди начинали диктовать свои условия обществу, подводя его под изменения во всех сферах жизни. Так, глядишь, и педофилию узаконят!

Ткачёв решил, что на сегодня хватит думать об этом. Завтра ему предстоит поездка в штаб Московского военного округа и надо бы подумать о том, как предупредить Хмеля о своём приезде в Ташкент.

— Пал Палыч, а за нами нет хвоста? А то утром Жевнов рассказал мне неприятную историю...

— Не пойму я, товарищ генерал. Если нас ведут, то делают это очень грамотно.

Ткачёв нахмурился.

— Плохо. Мы сегодня были на всех «точках». Пал Палы, предупреди всех, пожалуйста, чтобы смотрели по сторонам. Да сам посматривай...

Ткачёва и группу Кума посадили на борт, отправляющий в Узбекистан груз военного назначения. В предписании так и было написано — сотрудник НИИ легкой промышленности и трое сопровождающих с грузом лабораторных инструментов.

Пилоты «Ан-12» с изумлением рассматривали четырех обыкновенных мужиков весьма не молодого возраста, похрапывающих в транспортном отсеке под мерный гул моторов.

Ткачев перед отлётом послал в Ташкент Жевнова, чтобы тот предупредил Хмеля о том, что к нему в помощь прибывает сам генерал с «группой поддержки». Андрей Викторович не сомневался, что Хмель найдёт способ найти его. К Ткачёву подойдет какой-нибудь древний аксакал и с акцентом шепнёт:

— Привет от Хмеля.

Самолет приземлился на военном аэродроме, вырулив к закрытым капонирам и стоявшему в одиночестве микроавтобусу «РАФ».

— Приказано отвезти вас в общежитие военного городка, — объяснил Ткачёву сержант-водитель, судя по ушитой форме служивший не первый год.

Генерал мысленно одобрил размещение его группы. «Светиться» в городской гостинице не хотелось, но спросил на всякий случай:

— А кто приказал?

— Сам командир части — полковник Бахметьев. Я должен доложить ему по приезду в общежитие.

Полковник был недоволен приездом какой-то группы из НИИ, но увидев «сотрудников» в лице Кума и его группы, едва заметно усмехнулся.

— Слишком заметны ваши сопровождающие, Андрей Викторович.

— Так мы ненадолго, — улыбнулся Ткачёв. — Как тут обстановка?

У Бахметьева дернулась щека.

— Не советую ходить поодиночке и заходить в чайхану на окраине, — полковник выписал специальные пропуска на всю группу. — Если что — обращайтесь.

Ткачёв оставил группу отдыхать после перелёта, а сам направился в город. Надо было понаблюдать, подумать в одиночестве, да и просто — захотелось поесть горячего плова.

С пловом, правда, возникли трудности — запомнив предостережение командира части, Ткачёв не рискнул зайти в чайхану, встретившуюся по пути. Набравшись смелости и вспомнив некие обычаи, генерал подошёл к одинокому пожилому мужчине, читавшему в небольшом городском парке газету, сидя на лавочке. Андрей Викторович приложил правую ладонь к груди и почтительно склонился.

— Салам аллейкум, уважаемый. Не подскажете, где тут можно отведать плова?

Мужчина отложил газету и внимательно взглянул на Ткачёва. На его загорелом лице расплылась добродушная улыбка.

— Аллейкум восаллам. Вам просили передать привет от Хмеля. А плов вы можете покушать у меня дома.

Встретивший генерала человек, оказался близким другом мужа Лизы — он осуществлял связь между группой Хмеля и лейтенантом Жевновым, когда Лиза не могла сама приехать в аэропорт.

— А мне лейтенант ничего не говорил про вас, — недовольный Ткачёв засомневался в

правдивости слов провожатого.

— Может, не придавал этому значения. Я видел вашего лейтенанта всего два раза. Первый — когда Лиза нас познакомила на всякий случай. А второй раз я передал ему записку от неё, где было всего два слова — «мы готовы». Лиза жила у меня пару дней по приезду. Она очень дружит с моей женой.

Фарук, так представился мужчина, был женат на русской женщине — миловидной блондинке Анне. На стене гостиной в квартире висело очень много фотографий в аккуратных рамках — Фарук с мужем Лизы, Лиза с Анной, все четверо вместе на пляже. В гостиной гудел вентилятор, на столике стоял большой графин с прохладным абрикосовым соком.

— Присядьте, — загадочно улыбаясь, предложил Ткачёву Фарук, указывая на кресло. — Минут через десять всё будет готово. Аннушка замечательно готовит.

Ткачёв налил себе сок, и присел в кресло, рассматривая необычный зимний пейзаж за окном.

— К концу февраля всё растает...

Генерал резко вздрогнул от звука знакомого голоса и обернулся.

В гостиной стояла Лиза с большой тарелкой ароматного плова.

— Я соскучилась...

Генерал читал документы и рассматривал схемы принесённые Лизой. Она сидела рядом, обняв его за плечи, и легкая счастливая улыбка не сходила с её губ.

— Опрометчиво, Лиза, — генерал не отрывался от просмотра. — Не стоило втягивать в это Фарука.

— Андрей, я иногда не успевала к прилёту Аристарха...

— Ты знаешь его имя?! — удивился генерал.

— Он понятливый мальчик. Это я попросила не говорить тебе про Фарука. Знала, что ты будешь недоволен, как и Хмель, — Лиза легонько поцеловала Андрея Викторовича в висок. — Не сердись.

— Это опасно, Лиза, — он отстранился. — Тут, судя по этим бумагам, далеко не игры. Кстати, Жевнов, заметил за собой наблюдение.

Генерал вздохнул и отложил документы. То, что в них было, выходило за рамки его понимания.

— Ты, завтра... нет, сегодня — вылетаешь в Москву. А мне нужна встреча с Хмелём. Срочно.

— Слушаюсь, товарищ генерал...

Лиза встала с дивана, молча накинула пальто. Пыталась что-то сказать, но не решилась — только вышла из квартиры, тихо прикрыв дверь.

Ткачёв взялся было за документы снова, и откинул их. Только обид на пустом месте ему не хватало!

— Всё хорошо? — заглянул в гостиную Фарук.

— Да, спасибо.

Генерал думал, как ему быть с документами. «Такое» с собой носить нельзя, и оставлять здесь опасно. Впрочем, а почему он так опасается? Если бы знали, что несёт Лиза в квартиру Фарука, то её взяли бы до прихода сюда. Или на квартире вместе с Ткачёвым.

Андрей Викторович выдохнул. Пока группа Хмеля работала осторожно. Кто же тогда следил за Жевновым? Или лейтенанту показалось?..

Допустим, следили. Что они могли знать? Что Жевнов работает в отделе Ткачёва? Так это многим известно. А вот задача группы Хмеля известна только Ткачёву. Даже Лиза не могла понять, что означают слова в записках, которые она передавала. Да и Хмель не стал бы посвящать её в тонкости. Кого-то могли насторожить только частые поездки лейтенанта в Узбекистан. И что дальше? Жевнов передавал какой-то женщине что-то. А может быть и не передавал. То есть, из всех наблюдений можно только установить некий интерес Ткачёва в республике. Чем конкретно занимается отдел Ткачёва — знает только Андропов.

Из всего этого следует вывод, что кто-то отслеживает действия центрального Управления КГБ в Узбекистане. Учитывая запланированную сюда поездку Брежнева — действия КГБ в порядке вещей. Тогда зачем следить за этим?

Андрей Викторович собрал документы в папку, оделся. На прощание сказал гостеприимным хозяевам:

— Фарук, если возникнет что-то непредвиденное, то немедленно с Анной поезжайте в воинскую часть, что недалеко от вас, — генерал назвал номер части. — На КПП спросите Ивана Ивановича и передадите привет от Хмеля.

Хозяин с женой благодарно кивнули.

Генерал вышел из подъезда и, оглядываясь, заспешил к остановке автобуса.

Хмель встретил Ткачёва возле КПП части. Не было переодевания с паролем, просто к генералу подошёл дежурный по КПП офицер и попросил пройти в курилку, расположенную в тени густой посадки чинар.

Агент осунулся, но встретил генерала широкой улыбкой.

— Викторыч, я рад тебя видеть! От чего такая спешка? Лиза передала мне твою просьбу, но была явно чем-то недовольна.

Они быстро обсудили непостоянство женского характера и влияние на него гормонов, а потом перешли к делу.

— Я, если честно, не знаю что делать, — Ткачёв невесело ухмыльнулся и рассказал агенту о приказе Андропова и советах старого еврея Толя. — Может быть, ты подскажешь?

— Нет, Андрей. Я тебе тут не советчик. Моё дело выполнить приказ. Я собрал информацию, что ты просил, а выводы делать тебе.

— Но в Зареченске ты поступал несколько иначе, — нахмурился генерал.

— В Зареченске была и задача другая, — отпарировал Хмель. — Ты скажи мне, что ты здесь хочешь, а я попробую высказать свои идеи. Так сойдёт?

Ткачёв подумал, и кивнул.

— Хорошо. Слушай. Насколько я понимаю, Андропов хочет снизить влияние Рашидова в регионе. Возможно, даже заменить его своим человеком. Покушение на Брежнева будет хорошим поводом. Толь высказал мнение, что покушение должно быть по инициативе самого Рашидова, тогда Брежнев в это поверит. А тут ещё информация, что и западные спецслужбы готовят теракт в отношении генсека. А Брежнев, по мнению Толя, должен остаться жить. А Андропов ещё и задачу поставил — убрать главарей националистических общин в Узбекистане.

— Непростая задачка, — хихикнул Хмель. — Так ты-то что хочешь?

— Я уже не знаю, чего хочу! У меня голова кругом! Надо Брежнева сохранить, но при этом контролировать покушение... Это как возможно?! Да ещё и главарей прикопать! А ещё Жевнов заметил за собой слежку! Кто? Зачем? Неизвестно...

— А кто сказал, что будет легко?! — рассмеялся Хмель. — Викторыч, хватит ныть!

Ставь задачу, и будем её выполнять.

Генерал только вздохнул.

— И как мне поставить задачу?

Хмель начинал терять терпение.

— Андрей, соберись! Выбери приоритет... И веди от него логическую цепочку в обратную сторону. Ты же умеешь! Ну, кого я учу?! — он взмахнул руками. — Хочешь в лоб дам?

— Э, легче! — отшатнулся Ткачёв. — Дай мне десять минут. Покури пока.

— Я не курю... Кстати, орешков хочешь? Миндаль...

Генерал, наконец, собрался, задумчиво пропустив предложение Хмеля

Первоочередная задача, как ни странно, совершить «покушение» руками Рашидова. Не в прямом, конечно, смысле, а выставить это так, чтобы глава компартии Узбекистана был к этому причастен. Мотив? Выйти из состава СССР! Доказательства?! Действующие националистические организации при полном попустительстве местных органов власти и КГБ Узбекистана. Исполнитель? Ахмаджон Адылов очень подходит. Фактов на него — выше крыши!

Далее... Допустим, все главари националистов убраны. А как узнать, а главное — предотвратить теракт западных спецслужб? Понятно, что они действуют не своими руками, но исполнители неизвестны. Даже Хмелю не удалось накопать факты готовящегося покушения. И тут Ткачёву пришла в голову бредовая идея.

— Нам надо договориться с ЦРУ, — сказал он вслух.

— Не понял? — поперхнулся Хмель орехами.

— Вычислить куратора из ЦРУ и подставить. А потом предложить обмен. Мы куратора отпускаем, а они сворачивают приготовления теракта.

— Умно, — покачал головой агент. — И как ты собрался его вычислить?

— Просто. Надо нанести по главарям единовременный удар. Куратор из ЦРУ появится тут же. Операцию-то надо будет спасать. Как перед начальством отчитаться? Деньги же потрачены!

— Рискованно, но, допустим. И как мы его подставим?

— Нуу, есть у меня одна мысль... Впрочем, есть и другая. Сначала мы попробуем договориться, а потом, если надо — подставим.

Теперь задумался Хмель.

— И на чём основано твоё предположение, что можно договориться?

— На том, что теракт всё-таки будет. А мы не станем упоминать ЦРУ в его подготовке.

— Хитрый ты, Андрей Викторович! Если бы я не знал, что ты работал в милиции, ни за что бы не подумал...

Агент, усмехаясь, качал головой.

— Допустим, мы убрали главарей. А как мы привлечём внимание куратора к себе? Не придёт же, какой-нибудь Майк из посольства и скажет: Ага! Вы все знаете, теперь со мной поговорите!

— Нет, конечно, — в свою очередь усмехнулся Ткачёв. — Одного главара — самого незаметного, мы оставим в живых. К нему и придёт нужный нам человек. А тут и мы! Главарей-то, не так много. У куратора не будет времени вербовать новых.

Джамол Абдухаимов родился и вырос в маленьком горном кишлаке, куда раз в год приезжал с равнин трактор с участковым. Участковый неторопливо пил чай, ел плов и

переписывал население, разговаривая с аксакалами. Потом трактор уезжал под крики бегущей за ним детворы, увозя в город очередную порцию молодых людей — учиться и на службу в армию. Возвращались единицы, но возвращались. В кишлаке был один телефон, который не всегда работал, и учительница, сидящая с детьми, пока родители работали по хозяйству.

В горах было всё для полноценной жизни. Единственное, чего не хватало, так это цивилизации. Трактор, телефон и участковый не могли её заменить.

Престарелая мать не отпустила последнего сына в город — содержать её и отца было бы просто некому. Участковый сжалился над ней, но по достижению Джамолом совершеннолетия, увез его в город, несмотря на слёзы и мольбы старушки. Отдать воинский долг было обязательным, а столько баранов, что затребовал военком в обмен на «долг», у семьи просто не было.

Как назло, ещё и вмешалась армейская «действительность», в которой обученный специалист мог попасть в стройбат, а не знающий техники и языка деревенский парень — обслуживать сложную технику. Хорошо отцы-командиры в части были мудрее военкомовских, и Джамол был определён кочегаром в котельную — тупо бросать лопатой уголь в печку и следить, чтобы она не остыла до критической температуры.

Нашелся в части и узбек-переводчик, потому что Джамол вообще не представлял, что на свете есть другие языки, кроме узбекского. Да и то говорил на своём родном так, что его с трудом понимал переводчик.

Джамол совершенно не понимал вещей и различий, которые понятны обычному гражданину СССР. Он краем уха слышал, что такая страна вроде как есть, но что это такое, не знал. А уж про идеологию и подавно. Чем крайне раздражал начальника политотдела. А тот зачем-то из кожи вон полез, чтобы вбить неразумному узбеку в голову самую справедливую и прогрессивную идеологию коммунизма. Зачастую после стараний «комиссара» Джамол хотел спрятаться от всего этого в пещере Ходжа Гур Гур ота, чтобы его никто и никогда не доставал. Об этой примечательности Узбекистана Джамол слышал от аксакалов кишлака. Что вход в неё расположен на обрывистом, почти вертикальном склоне, и добраться туда невероятно сложно.

Джамол был трудолюбивым, добродушным, но хитрым. И все же обладал некой долей разума. А ещё прекрасно готовил плов и мясо — сказались его навыки пастуха, когда парень уходил на долгое время с отарой на пастбище. А ещё был сильным и выносливым, несмотря на свой низкий рост и щуплое телосложение. И кулинарными способностями поразил старшину — немолодого прапорщика. Неженатого и бездетного.

Старшина стал брать Джамола с собой в город, куда они ехали на грузовике часа три. Для погрузки и разгрузки машины требовались люди, а поскольку летом котельная включалась только для мытья посуды, командир дал добро на командировки Джамола в город, чтобы не отвлекать других солдат от несения службы — грамотных «срочников» в части не хватало, а отсутствие на время кочегара никому не мешало.

По дороге прапорщик болтал с солдатом на различные темы и немного научил русскому языку.

Как-то, в очередной приезд на склад, прапорщик убежал по нужде, оставив Джамола грузить машину. Вернувшись, старый прапор застал своего подчиненного в крови, с разбитыми костяшками пальцев и лежащего в мучной пыли.

— Чтобы я этого чурку больше не видел! — крикнул прапорщику капитан — начальник

склада. — Он двух моих «бойцов» отхерачил!

Прапор сморщился от досады. Ему стало понятно, что капитан не хочет показать «неустаньяк» у себя на хозяйстве.

На обратной дороге солдат, вытирая кровь, разговорился.

— Джамол не чурка! Одын большой солдат сказал, что моя мама абал!..

Далее пошли непонятные фразы на-узбекском с примесью рыданий и размазывания слез по щекам, из которых прапор с трудом понял, что мать Джамола умерла. И только вчера солдат об этом получил извещение.

Прапорщик искренне пожалел беднягу и придумал выход. Он останавливался возле склада, и оставлял солдата в кабине. А сам шёл готовить мешки под погрузку. Когда груз был готов, Джамол загружал грузовик, пока прапор следил, чтобы никто не подходил к машине.

В одну из таких поездок к сидящему в кабине Джамолу подошёл земляк-старослужащий...

Джамол вернулся в свой кишлак. Но теперь он знал, что СССР — это не то, о чём говорил начальник политотдела части. И когда знакомый Джамолу земляк нашёл его в горах и передал ему два вещмешка со словами: «За ними придут хорошие люди», то утвердительно кивнул.

А потом в горы стали заходить неизвестные, ища встречу с ишаном Джамолом.

Двадцать шестого января вечером пришло сообщение, что днём ранее в больнице скончался Сулов. Андрей Викторович сделал трагичную физиономию — всё-таки он был знаком с Михаилом Андреевичем, пусть это знакомство и не было приятным.

Похороны показали по телевизору, и их размах впечатлял — масштабом и размахом они не уступили открытию Олимпиады в Москве.

— Начинаем работать над планом, — сказал Ткачёв Хмелью. — Надо успеть до марта. А то потом времени на подготовку не хватит.

Джамола Абдухаимова Хмель вычислил случайно. В одном из документов КГБ Узбекистана был упомянут некий ишан Джамол со ссылкой на распоряжение одна тысяча девятьсот шестьдесят первого года, когда всем имамам было рекомендовано не поддерживать связь с ишанами. Далее следовала отписка, что такой ишан не проходит по оперативной разработке.

Хмель же уперся в эту ниточку. И оказалось, не напрасно. Правда, узбеки не очень хотели делиться сведениями о Джамоле, но Хмель, с помощью Лизы, накопил данные в военкомате, хоть и потратил на это кучу времени.

Следуя оперативной информации группа Хмеля вела наблюдение за кишлаком Джамола и сумела отработать связи ишана. К сожалению Ткачёва в этих связях не был замечен Рашидов и люди из его близкого окружения.

— Вот как нам устроить «покушение» на Брежнева?

Вздыхал Андрей Викторович, в сотый раз просматривая схемы и документы.

— Надо отработать маршрут его посещения Узбекистана, — Хмель щёлкал скорлупой миндаля. — Может быть, так легонько попросим содействия Адылова? На него фактов много...

— И как ты попросишь? — Ткачёв раздражённо отнял у агента орехи, но Хмель невозмутимо достал из кармана ещё горсть.

— Легонько прижать, застрашать, пригрозить, напугать...

Агент перечислял эффективные на его взгляд методы легкой просьбы. Ткачёв только усмехнулся.

— А потом всё КГБ Узбекистана будет носиться за нами по горам. Тут нужен какой-то тонкий ход. Как-то незаметно надо заставить Брежнева приехать туда, куда нам нужно...

— А ещё заставить Адылова сделать то, что нам нужно, — дополнил Хмель. — Кстати, а кто будет сопровождать генсека в поездке?

— Да, там народу будет — не пропихнешься!

— А ну-ка! — Хмель развернул карту. — Брежнев прилетит в аэропорт, и прилёт будут снимать по телевидению. Он помашет рукой, потом поцелуется с Рашидовым, — Ткачёв хихикнул. — А потом поедет обедать. Это уже снимать не будут. Торжественное заседание и демонстрация пройдут на следующий день — утром. Вот с период после обеда и до утра нам нужно генсека куда-то выманить.

— Отличный план! — ехидно воскликнул Ткачёв. — И кто будет выманивать? А самое главное — куда?!

— А зачем, вообще, прилетает Брежнев? Кумыса попить и шашлык потрескать?

— Нет. Узбекистан награждают орденом Ленина за достижения в народном хозяйстве.

Программа посещений обширная, — склонился над картой Ткачёв, но внезапно выпрямился. — Стоп! Дай-ка вспомнить...

Хмель удивлённо наблюдал за генералом.

— Мы сыграем на упрямстве Леонида Ильича, — наконец произнёс Ткачёв. — Доложим Андропову, что якобы теракт может быть совершён на авиационном заводе. Андропов вычеркнет из списка посещений это место. Но надо вычеркнуть его в последний момент, когда Брежнев будет подлетать к Ташкенту. Начальник личной охраны Брежнева — генерал Рябенко, доложит ему о том, что завод имени Чкалова убран из посещений. Но из своей вредности и упёртости генсек настаит на посещении. Но пока будет настаивать, официально место уберут из списка.

— И что? — не понимал Хмель.

— А то! — возбуждённо взмахнул рукой генерал. — Народ с завода уйдет, но когда узнают, что Брежнев туда едет, то будут сгонять обратно. И кому поручит Рашидов это сделать?!

— Адылову?!

— Точно! — Ткачёв хлопнул ладонью по карте и высокомерно-шутливо взглянул на агента. — Твоя задача — пустить народ в нужном направлении. Для этого надо будет посетить завод перед приходом Брежнева и оценить возможное место «нападения».

— Ты хочешь узбеками, как быками на корриде генсека задавить?! — выпучил глаза Хмель.

— А почему нет? — пожал плечами Ткачёв. — Не задавить, а сильно помять.

— Нет, Викторыч, — отмахнулся агент. — Ближняя охрана к нему не подпустит. Начнётся стрельба, и народ разбежится. Концепция плана не плоха, но тут надо подумать и посмотреть. Вот куда Брежнев двинет по заводу?

— Хм. В сборочный цех, наверняка. Это большое помещение, там и трибуну можно поставить...

— Вот! — Хмель ткнул в Ткачёва пальцем. — Где будут сооружать трибуну, туда и поведут генсека. Вряд ли помост для выступлений разберут быстро.

— Вот ты и посмотри, — генерал отвел палец Хмеля в сторону. — И предоставь свои соображения.

— А если план не сработает?

— Тогда Андропов нас отдаст на растерзание ЦРУ. Вернее, меня. О тебе он не знает. И не будет у тебя больше куратора.

Хмель ничего не сказал, только криво улыбнулся.

— Викторыч, а откуда ты знаешь, что Брежнев будет настаивать на посещении завода? — после долгого молчания спросил агент.

— Если ребёнку не дать игрушку, то он будет истерично её требовать. По моим наблюдениям, генсек сейчас именно в таком состоянии. Да и характер у него...

Хмель не стал спорить.

Группа Хмеля быстро «зачистила» Узбекистан от главарей националистов. Да и было их немного. А группа Кума в это время заняла позиции около единственной тропы в кишлак ишана Джамола. Хмель со своими людьми после выполнения зачистки должен был контролировать основную дорогу в горное поселение.

Ткачёв ждал недолго — весть о зачистке разошлась быстро, и на тропе появился человек. Его быстро скрутили и оттащили за камни. Узбек поначалу сделал вид, что не

понимает по-русски, но после внушительного тычка под ребра, заголосил:

— Что вы себе позволяете?! Я шёл к родственникам в кишлак!

— Ночью?! — усмехнулся генерал.

— Я поругался с женой, выпил и мне негде заночевать.

— И ради этого ты поперся в горный кишлак? Ты поднимался сюда часов шесть, не менее...

Ткачёв вынужден был проводить допрос на месте, ибо если привести связного в часть, то это могло вызвать подозрение. Да и спускаться долго.

Пленник молчал. По документам это был житель Самарканда.

— Ты из Самарканда добирался сюда, чтобы переночевать у родственников?!

Тот молчал, как рыба. Тогда Ткачёв решился.

— Слушай, ты мне не нужен. Мне нужно только поговорить с человеком, который тебя сюда послал. Запоминай. Я буду завтра в одиннадцать утра на площади Ленина в Ташкенте. Около монумента. В руках у меня будет газета «Правда». Запомнил?

Пленник удивленно моргнул.

— А теперь иди. Только не заходи в кишлак. Не надо, — тихо приказал генерал.

Узбек, затравленно посматривая на него и на Кума, поспешил. В темноте зашуршали камни под его подошвами. Кум кивнул бойцам и те неслышно пошли вслед.

— Навестим ишана? — командир группы вопросительно взглянул на Ткачёва.

— А, пожалуй, — согласился тот. — Это будет веским аргументом, если куратор проигнорирует предложение. Не зря же мы сюда поднимались!

Джамол держался дольше связного, но под давлением Кума не устоял. Выдал и схрон со взрывчаткой и написал покаяние под диктовку Ткачёва с кучей орфографических ошибок

— И что с ним делать? — сморщился Кум, почёсывая костяшки пальцев — Поташим с собой?

Ткачёв молча отмахнулся, показывая, что Джамол ему больше не нужен.

Утром, на площади Ленина к Ткачёву подошёл человек. Генерал смерил его удивлённым взглядом, комкая газету.

— Не ожидал, что вы откликнитесь на моё предложение.

Это была ничего не значащая фраза, и по идее должна была расположить к продолжению беседы.

— И что вы хотели?

Мужчина в длинном пальто и сдвинутой на лицо шляпе, держался довольно уверенно. Собственно бояться было нечего — у Ткачёва не было подтверждающих фактов, да и генерал не собирался это скрывать.

— Хочу предложить вам обмен.

— И чем будем меняться? Газетами?

Генерал мимолётно усмехнулся.

— Нет. Вы прекращаете на время здесь суету. А я закрываю глаза на то, что вы хотели сделать.

— Оригинально, — хмыкнул мужчина. — И на какое время?

— До середины апреля...

Мужчина склонил голову, словно раздумывал.

— И как вы подтвердите своё предложение?

Ткачёв протянул загадочному собеседнику газету, в которую вложил сложенный лист

копии покаяний ишана.

— Я понимаю, — сказал он. — Вам нужно время, чтобы посоветоваться с товарищами. Недели хватит?

— Вполне. Через неделю в это же время на этом месте.

«Видимо, их здорово припекло», — думал Ткачёв, провожая взглядом незнакомца. — «Слишком быстро они согласились».

Он рассматривал вариант, если на встречу придут люди из КГБ Узбекистана. Ну и что? Даже если его фотографировали, то на снимке будет передача газеты «Правда». Если бы хотели компромата, то Ткачёва взяли бы при самой передаче. Запись беседы вообще и о чём не говорит. К нему явно подходил человек от куратора ЦРУ. Даже если куратор захочет генерала подставить перед своими, то у него тоже ничего нет. Как и нет самого ишана. Зато есть письменное признание в том, что покушение на Брежнева планируется на авиационном заводе имени Чкалова.

Неделю ждать не пришлось.

Ткачёв не удивился тому, что его встретили раньше оговорённого срока. Не удивился и тому, что люди из ЦРУ довольно свободно чувствовали себя в Узбекистане. Местное КГБ было больше озабочено личной охраной Рашидова, нежели наблюдением за действиями иностранных граждан.

Когда генерал вышел из части, чтобы прогуляться на сон грядущий и подумать в тишине, к нему незаметно подошёл человек.

— Мы подумали над вашим предложением и решили принять его. Правда, с небольшим встречным условием, — услышал Ткачёв тихий голос. — Прошу вас, не оборачивайтесь.

— Ладно, — кивнул генерал. — Что за условие?

— Мы анализировали ваши действия и пришли к выводу, что вы ведёте какую-то свою игру. Нам бы не хотелось, чтобы в этой игре упомянули нас. Мы понимаем, что у вас есть документы, подтверждающие наше присутствие, и предлагаем отдать их, — монотонный голос незнакомца шуршал, как опавшие листья под ногами.

— Это неравноценный обмен, — спокойно ответил Ткачёв. — Я не вижу гарантий вашего выхода из игры.

Человек молчал, видимо, раздумывал.

— И какие гарантии мы должны предоставить?

— Вы, наверняка, вели разработку в регионе. Меня интересуют документы, касающиеся...

Генерал хотел назвать имя, но повременил. И незнакомец вынужден был первым открыть карты.

— Ахмаджона?

В принципе, имя здесь распространённое, и риска не было, и Ткачёву дали понять, что в курсе его действий.

— Да, — согласился генерал. — И я не буду ссылаться на вас.

— Но нам нужно прикрыть свой отход. Документы по Ахмаджону будут, хоть и мизерной, но компенсацией в глазах нашего руководства. У нас, хотя бы, будет оправдание...

Незнакомец заговорил эмоционально. Ткачёв чувствовал его нервы в этом отчаянном признании.

— Послушайте, — поднял ладонь генерал. — Вам нечего будет бояться. И оправдания в

виде того, что я вам передам в оригинале, будет достаточно. Просто... не мешайте мне.

Теперь молчание за спиной Ткачёва длилось долго. И генерал решил подсказать:

— Мои действия, вкупе с вашими документами и будет оправданием ваших действий.

Ну, а русская душа непредсказуема.

— А где гарантии того, что у вас получится? — наконец, незнакомец понял слова генерала.

— Ну, у вас уже точно ничего не получится. Времени не хватит. И в случае неудачи вам грозит полный скандал с отставкой. И это в лучшем варианте.

— Вы хотите сказать, что моя судьба в ваших руках?!

— Абсолютно. И в случае моей удачи вы будете у меня в долгу. Узнать, кто вы, не составит труда...

— Вы нагло пользуетесь моим безвыходным положением, — хохотнул незнакомец.

Ткачёв театрально развёл руками.

— А что делать...

— Хорошо. Я согласен, черт вас побери! И когда меняемся?

— После того, как всё закончится. Мой человек найдёт вас.

— Даже так?! — не поверил незнакомец.

— А вы думали? — усмехнулся Ткачёв. — Я же на своей территории. И помните — мы договорились. Как себя оправдать я уж найду...

Приготовления к прилёту в Ташкент Генерального секретаря ЦК КПСС начались загодя Райкомы и парткомы мобилизовали всех, чтобы встреча проходила на должном уровне партийного пафоса — упаси аллах, если Леониду Ильичу не понравится! Плакаты с призывом в светлое будущее писались и рисовались сотнями, подкрашивалась облупившаяся краска на фасадах, строились трибуны для выступлений.

— Викторыч, ты был прав, — сказал Хмель, переводя дух — в Ташкенте заметно потеплело. — Трибуну для встречи генсека на заводе поставили в сборочном цеху. Вот посмотри...

Агент нарисовал схему и указал расположение трибуны. Проход к ней шёл между двух корпусов строящихся лайнеров.

— Слушай, — задумался генерал. — А как эти махины держаться на полу?

— На специальных кронштейнах. Рядом с корпусами самолетов сборочные леса в три этажа.

Ткачёв сообразил быстро.

— Хмель, наша задача будет в следующем...

Андрей Викторович не сомневался, что куратор из ЦРУ преподнесёт ему «сюрприз» и даже надеялся на это.

Ночью двадцать четвёртого марта Ткачёва срочно вызвал к себе командир части.

Полковник выглядел растерянным и потерянным, передавая телефонную трубку генералу.

— Слушаю, Ткачёв...

— Андрей Викторович, — послышался слегка раздраженный голос Андропова. — Мне тут передали документ. Написано, что какая-то ерунда произойдёт на авиационном заводе имени Чкалова. Вы, там, на месте что-то знаете об этом? А если знаете, то почему не докладываете?

— Юрий Владимирович, мне пять минут назад тоже попал в руки документ. Я как раз

его читаю, — соврал Ткачёв. — Вы меня просто опередили. Виноват...

— Понятно, — уже более спокойно произнес Андропов. — И что вы думаете по этому поводу?

— Думаю, что не стоит сбрасывать это со счетов. И посоветовать обратить внимание на этот факт начальника личной охраны. На заводе, скорее всего, будет много народу. Это хороший шанс затеряться в толпе. Может быть, мне с группой стоит подстраховать местных коллег?

Андропов раздумывал с минуту.

— Подстрахуйте. Но незаметно.

Связь прервалась.

Ткачёв улыбнулся. Андропов понял замысел Ткачёва и дал добро. А подстраховать все же стоило — эти ЦРУшники не умели держать слово. И придётся операцию страховать, опасаясь их вмешательства. Потом и ЦРУ достанется...

Хмель выяснил, кто приходил на встречу с Ткачёвым. Куратором из ЦРУ был некто Джон Кэрдайн — советник атташе по научным связям американского посольства. Он уже успел «засветиться» в Афганистане. Пантера и Шмель вылетели в Москву, чтобы хорошенько разработать этого советника.

Утром двадцать пятого группа Кума получила последние указания и все поехали к авиационному заводу. Оставалось надеяться только на упрямство Брежнева, страх Рашидова и твердолобость Адылова. В последнем Ткачёв не сомневался.

Как и рассчитывал Андрей Викторович, приехав к заводу, согнанных на митинг рабочих отпустили. Обрадованные тем, что не придётся торчать несколько часов на митинге, рабочие не спешили покидать территорию и толпились около заводских ворот, шумно переговариваясь.

Время шло, а ничего не происходило. Ткачёв прикусил губу — Брежнев, наверное, все же послушал своего начальника охраны. Но тут к генералу подошёл Хмель, буквально вынырнув из уходящей толпы.

— Адылов едет на завод, — шепнул агент, проходя мимо. — наших «конкурентов» я не заметил.

Это он имел в виду ЦРУ.

Ткачёв сделал знак Куму, обозначая начало операции. Тот кивнул и медленно пошёл к сборочному цеху.

Громкие сигналы автомобиля толпу перед воротами разволновали. Рабочие как-то засуетились, толкая друг друга. Андрей Викторович нашёл возвышение в виде грузовика и попытался оценить происходящее.

Ахмаджон Адылов сгонял рабочих обратно на территорию завода, но получалось плохо — у ворот образовалась людская пробка. В ней и увязла подъехавшая к воротам головная машина небольшого кортежа автомобилей.

Ткачёв понял, что охране нужно будет убрать рабочих от ворот, и тогда кортеж проедет внутрь завода. Чем сейчас активно занимался Адылов — небольшого роста, плотный и властный. Но рабочие, увидев в машине Брежнева, наоборот, идти в сборочный цех не спешили — любопытство и жажда увидеть генсека вблизи толкали их к кортежу.

Брежневу пришлось выйти из машины, и он с Рашидовым в кольце охраны пошёл пешком.

Народу на завод согнали много — несколько тысяч. И руководить такой толпой, и в таком хаосе было невозможно.

Пока генсек с Рашидовым перед сборочным цехом говорили с директором завода, Андрей Викторович протолкнулся сквозь толпу к входу в цех. Быстро осмотрел проход к трибуне между двумя самолётами. Заметил Кума и его бойцов. Потом нашёл в толпе взглядом человека, похожего на мелкого партработника. Тот раздавал какие-то указания рабочим.

Андрей Викторович подошёл к нему сзади и тихо сказал:

— Ахмаджон велел передать, что Брежнева поведут к трибуне. Надо расставить рабочих на сборочных лесах.

И тут же затерялся в толпе, хлопая, как и все, очередному, громко сказанному лозунгу. Обернулся. Партработник хватал рабочих за рукав и рукой показывал им на сборочные леса.

Брежнев с четырьмя охранниками, Рашидовым и директором завода заходил в сборочный цех. Народу на лесах собралось уже достаточно, но ещё люди все же лезли на них, стараясь быть ближе к генсеку. Стараясь уловить слова его благодарности. Охрана в довольно узком проходе между самолётами с трудом сдерживала патриотический натиск людских тел.

— Ну, Кумушка, не подведи, — прошептал Ткачёв и закричал. — Слава Коммунистической Партии Советского Союза!

Тысячи голосов подхватили этот лозунг, и в нём утонул треск ломающегося металла. Сборочные леса у одного из самолётов покачнулись и под давлением массы людей медленно рухнули. Тела потерявших равновесие рабочих покатались на упавшую площадку длиной во весь фюзеляж.

Митинг, конечно, не состоялся. Четыре охранника чудом удержали на себе тяжесть площадки. Из-под неё вытащили окровавленного Брежнева. Как потом оказалось, с переломанной ключицей и разодранным ухом.

Ткачёв с группой Кума собрался в Москву только в конце апреля. Много времени ушло на опрос рабочих завода имени Чкалова. Очень многие показали, что людей на сборочные леса заставляли лезть по распоряжению Ахмаджона Адылова.

Приказ Андропова Ткачёву был предельно ясен — установить зачинщика покушения на Брежнева и доложить. Андрей Викторович на время расследования получил широкие полномочия, вплоть до допроса самого Рашидова. Но допросить его не удалось — Ткачёв был вызван Андроповым в Москву.

Андрей Викторович приказал и группе Хмеля возвращаться в столицу.

Вылет Ан-12 задерживался — руководитель полётов никак не давал разрешения на взлёт. Экипажу даже пришлось увести самолёт от взлётной полосы и выключить двигатели.

— Это не к добру, — угрюмо пробурчал Кум и кивнул бойцам. Те стали распаковывать оружие.

Увидев, как бойцы рассовывают гранаты и автоматные магазины по карманам, Ткачёв вздохнул и взглянул в иллюминатор двери. К самолёту приближались две чёрные «Волги» и грузовик с солдатами.

— Эта Средняя Азия меня когда-нибудь убьёт, — неловко пошутил Кум, передёргивая затвор автомата.

Из передней машины вышли люди и направились к самолёту, а солдаты из грузовика окружили лайнер, направив оружие на кабину пилотов. В грузовой отсек открылся люк из пилотской кабины.

— А что происходит?!

Вскрикнул было пилот, но заткнулся, увидев вооруженных людей.

— Наверное, учения, — всё ещё шутил Кум.

Ткачёв достал удостоверение и показал пилоту.

— Вы командир корабля?

— Да. Майор Кравченко.

Ткачёв убрал удостоверение и спокойно спросил:

— Чем аргументирует задержку вылета диспетчер?

— Комитетчикам надо осмотреть груз... Я ему говорю, что у меня нет груза, только пассажиры... А он, мол, приказ с самого верха.

— Понятно, — Ткачёв про себя улыбнулся. Как ведь правильно сделал, что материалы расследования отдал вчера Хмелю. — Откройте грузовой люк и слушайте диспетчера. Не открывайте кабину, даже если услышите выстрелы. Это приказ, майор.

Командир скрылся в кабине, и тяжелая аппарель грузового отсека медленно поползла вниз.

— Кум, занимайте оборону. Ваша задача — улететь отсюда.

И Ткачёв неспешно вышел к краю аппарели навстречу людям в штатском.

— Кто вы такие? — грозно спросил он, показывая удостоверение.

— Полковник Абдурахманов, — представился один из них. — Управление КГБ Узбекской ССР.

— И что вам нужно, полковник? Почему задержали вылет? Кто отдал приказ?!

Абдурахманов на миг ступешался. И этого хватило Ткачёву.

— Вот что полковник... Вы задержали вылет заместителя Председателя КГБ СССР. Для этого у вас должны быть веские основания. Юрий Владимирович в курсе?!

Андрей Викторович понимал, что Абдурахманов попал между молотом и наковальней, но крови не хотел. К тому же, полковник не выглядел дубиноголовым служакой.

— Хорошо, — очень тихо сказал Ткачёв. — Осматривайте самолёт. Но если ничего не найдёте, то напишете рапорт на имя Председателя... Кто и зачем вам отдавал приказ.

Абдурахманов чуть дернул щекой.

— Вы, товарищ генерал, улетите, а мне тут ещё жить...

Ткачёв сделал приглашающий жест.

— Бойцы имеют приказ стрелять в каждого, кто зайдёт на борт.

Абдурахманов усмехнулся и шагнул вперед, но остановился, разглядев в грузовом отсеке дула автоматов.

— Смелее, полковник, — приободрил его Ткачёв, но тут послышался шум моторов и

визг тормозов. К стоявшему самолёту лихо подкатили четыре крытых КраЗа песочной окраски. Из них, как горох высыпали солдаты в армейской форме, под которой красовались тельняшки. Быстро разоружили солдат, приехавших вместе с местными «чекистами».

На аппарель взошёл моложавый офицер в чине полковника.

— Спецназ ГРУ СССР. Прошу лишних людей покинуть борт. Имею приказ открывать огонь без предупреждения. Самолёт должен немедленно взлететь.

И в подтверждении его слов открылась дверь кабины пилотов.

— Товарищ генерал! Нам разрешён взлет!

Абдурахманов скрипнул зубами и ушёл, пробормотав что-то по-узбекски. Но слышно не было из-за гула включившихся двигателей.

— Хорошего полёта и удачного приземления, товарищ генерал! — прокричал полковник спецназа, тоже сходя с аппарели.

Ткачёв благодарно помахал ему рукой.

— И куда теперь гранату выкинуть?! — напоследок пошутил Кум, показывая «лимонку» с выдернутой чекой.

Джон Кэрдайн ехал в ресторан «Пекин» поужинать. Он уверенно крутил руль посольского «Форда», с усмешкой поглядывая в зеркало на машину «сопровождения» КГБ.

Последние новости его очень обрадовали. Андропов инициировал расследование в отношении первых лиц ЦК Узбекистана, и это было ещё одним «кирпичиком» в сложной мозаике плана ЦРУ. Правда, Джону была пока непонятна роль того генерала, с которым он встречался в Ташкенте. То есть, он сделал ту работу, которая и поручалась Кэрдаину. Но зачем?!

Понятно, что после Брежнева к власти в СССР придёт Андропов. Такая перестановка была не в планах ЦРУ, но ничего такого, чтобы могло остановить отсечение республик от СССР, в принципе, не происходило. По расчётам аналитиков Андропов долго не продержится. Хотя, кандидатура Черненко была бы предпочтительней.

Назначение Председателя КГБ секретарём ЦК КПСС вместо Сулова было, в большей мере, номинальным — Брежнев был болен и не мог руководить огромной страной, но, по «протекции» поставил руководить КГБ вместо Андропова генерала Федорчука. Что удобно укладывалось в планы ЦРУ.

Москва не нравилась Кэрдаину, как и весь СССР, но здесь было выгодно служить какое-то время. Русские вели себя миролюбиво, хотя наблюдение было постоянным, но Джону это не мешало. Это не Колумбия, где могли грохнуть только за подозрение, что ты влез не в свои дела. А, тем более, не Куба, где Кастро поставил службу безопасности так, что любого иностранца «просвечивали» только что не под лупой, и при малейшем подозрении на связь с разведкой без всякого объяснения сажали на судно и отправляли восвояси. Могли и бока помять «на прощание».

«Пекин» был излюбленным местом Джона. В ресторане не только готовили превосходную мясную солянку. В «Пекине» можно было провернуть какой-нибудь мелкий бизнес или послушать интересный разговор, задумчиво «читая» газету. КГБ, конечно, не дремало, но у Джона были свои уловки, чтобы не вызывать подозрения. К тому же, тотальной «контактной» слежки не было. Она могла возникнуть, если ты попадал в разработку. И Кэрдайн удивлялся, что её не было — ведь он так «прокололся» в Узбекистане.

Размышляя, Джон взглянул в зеркало заднего вида и не заметил за собой «топтунов» из

КГБ. Он даже обернулся, чтобы внимательней оценить наличие слежки, отвлекся и почувствовал, что машина во что-то ударилась. Хорошо ещё, интуитивно нажал педаль тормоза.

— Фак! — выругался Кэрдайн, глядя, как из машины, в которую он уткнулся, выходит длинноногая брюнетка в короткой шубке. Таких стройных женских ног, обтянутых в телесный нейлон, он не видел давно!

— О, простите! — крикнул Джон, опустив стекло и выглядывая. — Не беспокойтесь! Не пройдёт и десяти минут, как вам всё...

Договорить он не смог, потеряв сознание от точного удара в шею.

Джон очнулся. У него были связаны руки и ноги, и спина привязана к спинке то ли стула, то ли высокого кресла. Он не видел, потому что через плотную черную ткань на глазах было ничего не видно.

— Кто вы?! — закричал он по-английски. — Отпустите меня! Я поданный североамериканских соединённых штатов! У вас будут крупные неприятности!..

— Говорите по-русски, Джон. Вы же умеете...

Голос показался Кэрдайну знакомым.

— В Ташкенте вы очень хорошо изъяснялись. И мы, кажется, о чём-то договаривались. Не помните?

Джон молчал. Он ждал, когда сработает маячок в его машине и в его наручных часах.

— Что же вы молчите, Кэрдайн? Это невежливо.

Пусть надсмехаются, подумал Джон. Это продолжится недолго. На сигнал маячка придут специально обученные люди, и всё будет «окей».

— А, забыл сказать, — невидимый собеседник изобразил озабоченность. — Ваша машина приехала к ресторану «Пекин». А ваши часы сейчас за одним из столиков. На вас «Командирские». Черт возьми, пришлось нацепить вам свои! На время, естественно.

— Что вы намерены сделать? — не на шутку испугался Джон, заговорив по-русски и с трудом сохраняя спокойствие. Если эти люди всё просчитали, то явно не шутят.

— Пока ничего. У меня есть полтора часа, чтобы с вами поговорить. Потом будем решать. Один из сценариев... Вы не приехали в посольство. Там забеспокоились и начали вас искать, но нашли только машину и часы. Тут же ваш посол выходит с гневной нотой в наш МИД. А ему в ответ ваши фото, где вы, Джон, в совершенно непотребном виде — в дупель пьяны и голы, допустим, под утро на проспекте Калинина у здания СЭВ. И, соответственно, отвезены в медвытрезвитель. Так как документов, подтверждающих, что вы гражданин США, не обнаружено.

— Вы шутите?!

— Какие шутки, Джон? Я похож на шутника?

— Я не вижу на кого вы похожи, — озлобился Кэрдайн. — Отпустите меня немедленно!

— Так я продолжу, — собеседник был невозмутим. — В ответ на ноту вашего посла ему будут переданы документы, что Джон Кэрдайн готовил покушение на Леонида Ильича Брежнева в Узбекистане.

— Так это вы?! — узнал собеседника Джон. — У меня тоже есть доказательства вашей подготовки к покушению.

— Ну, ну, Кэрдайн! Нет у вас ничего. Наша встреча в парке — это лишь прогулка со случайной встречей.

— Ага! И на ней вы передали мне покаяние ишана!

— Копию, Джон. Ко-пи-ю... Такую бумажку легко подделать. Кстати, я докладывал руководству о возможности покушения на заводе, и он был вычеркнут из списка посещений. Но ваш протеже Ахмаджон Адылов...

— Хватит! — крикнул Кэрдайн. Он осознал, что русский переиграл его. — Что вы хотите? И снимите с меня этот мешок!

— Нет. Посидите с закрытыми глазами и связанный. Мне так удобней. Зачем вы направили копию покаяния ишана в КГБ?

— А вы не догадываетесь? — язвительно спросил Джон.

— То есть, вы решили нарушить нашу договорённость. А что можно ещё ожидать от ЦРУшника... А вот я намерен привести в действие свой план по доставке вас в медвытрезвитель. Надеюсь, вам понравится.

Джон услышал шаги, будто из помещения выходили. Чёрт, в его намерения не входила ближайшая высылка из СССР, да ещё с возможной отставкой. Да что там отставка! До неё ещё дожить бы!

— Стойте! Ваши условия!

Шаги прекратились.

— Вы честно ответите мне на три вопроса. Это моё условие.

— Почему на три?!

— Ну, не знаю... Три желания... Три орешка... Так получилось, что у меня только три вопроса. Я бы мог вколоть вам некую заразу, чтобы получить правду. Но вдруг вы окочуритесь!

— Что сделаю?!

— Сдохнете. Зараза такая непредсказуемая!

Джон при этих словах чуть не намочил штаны.

— Спрашивайте, чёрт вас раздери! Если знаю, то отвечу. Сами понимаете, что я не всезнайка.

— Понимаю. Итак, первый вопрос. Кто, по вашему плану, должен занять место генсека ЦК КПСС после Черненко? Фамилии...

Джон слегка опешил. По плану вариантов было несколько в зависимости от развивающихся событий. Но вопрос звучал так, будто ЦРУ приводит на пост генсека своего человека.

— Яковлев, — ответил Кэрдайн.

— Фамилии, Джон. Не одна фамилия, а несколько.

— Да откуда мы знаем, кого там выдвинет ваша партийная «мафия». У вас кланов больше, чем на Сицилии кланов мафиози!

— Хорошо, вопрос изменю. Горбачев входит в число людей, которым будет оказана поддержка со стороны США и их саттелитов?

— Это второй вопрос!

Послышался долгий вздох.

— Джон, я вас сейчас ударю...

— Гы-гы... Ой!

Удар в печень оказался точным и весьма болезненным.

— Да! Горби рассматривается нами, как одна из самых удачных кандидатур!

— А теперь второй вопрос. Кто рассматривается, как нежелательная кандидатура?

Джону пришлось подумать. Совсем недавно приходили рекомендации политологов и

аналитиков ЦРУ. С ними пришлось ознакомиться всем, кто работал с планом по взаимодействию с СССР.

— Таких кандидатур немного, — начал мямлить Кэрдайн, пока не услышал...

— Джон, я вас ещё ударю.

— Романов, Устинов... Андропов, конечно. Но с учетом того, что Андропов пробился на пост секретаря ЦК...

— Понятно, можете не продолжать. Вы будете «подсовывать» Андропову «своих» кандидатов в его окружение.

— Скорее, мы будем навязывать Андропову некую точку зрения на них. В открытую, как вы выразились, подсунуть, мы не можем.

— Хорошо. Ваши ответы меня устроили. Ответ на третий вопрос вы будете мне должны.

Кэрдайн удивился. Уж он бы воспользовался такой ситуацией сполна. Всё-таки, русские — неисправимые романтики!

— И вот что, Джон. Не вздумайте от меня скрываться и игнорировать. Тогда следующая наша встреча будет последней. Я просто накачаю вас водкой до беспамятства и брошу под лёд Москва-реки.

— А если будет лето? — решил съязвить Кэрдайн.

— Не шутите так! — резкий ответ заставил Джона вздрогнуть. — А вот это вам е назидание...

Могучий удар в лоб чуть не заставил мозги Кэрдайна прилипнуть к затылочной части черепа.

Очнулся Джон в своей машине, припечатанный лбом к лобовому стеклу. Голова болела, и гудело так, будто рядом пробили в чугунный колокол. Капот машины уперся в фонарный столб, а рядом суетились люди в шинелях мышиноного цвета.

Открылась дверь, и сквозь пелену в глазах Кэрдайн разглядел озабоченное лицо второго секретаря посольства.

— Джон, как вы себя чувствуете?!

Кэрдайн не смог пошевелить языком. Тот был таким тяжелым, будто к нему подвесили гирю.

Вдалеке стоял Ткачёв и, прищурившись, наблюдал за суетой возле машины ЦРУшника.

"И как мы проглядели всё это! — думал генерал. — Как получилось так, что какой-то наглый американский мальчишка на полном серьёзе говорит, что советский коммунист их карманный игрок?! И нет, это не Горбачёв. Этот не годится... Это кто-то другой. Тот, кто потом придет в Конгресс США и торжественно скажет — Господа! Я уничтожил для вас коммунизм и Советский союз! Господи, благослови Америку! И это... дайте мне денег".

— Андрей Викторович, как вы уже знаете, то я покидаю пост Председателя КГБ...

Андропов снял очки и, вздохнув, положил на стол. Прищурился подслеповатым взглядом.

В кабинете кроме Андропова и Ткачёва никого не было.

— Так сделать меня вынуждают обстоятельства...

Ткачёв молчал и ждал, когда Юрий Владимирович закончит «вводную» и приступит к изложению дела, но Андропов не торопился. Он крутил очки и тоже чего-то ждал. Или не решался озвучить свои предложения.

— Пока вы будете работать под началом генерала Федорчука. Виталий Васильевич не тот человек, которого я бы хотел видеть на посту Председателя, но так решил Леонид Ильич.

Ткачёв, до этого сидящий бездвижно и сосредоточенно, наконец, кивнул. Мол, понимаю...

— У меня с Федорчуком есть договорённость. Он не будет лезть в работу вашего управления. Правда, какое-то время. И я хочу, чтобы это время вы потратили с пользой. Думаю, что полгода у вас есть.

Андрей Викторович не стал спрашивать, что будет после полугода. Это было понятно.

Брежнев был очень плох здоровьем и на партийном «олимпе» сейчас решался вопрос — кто займёт его место. Кандидатур было несколько — сам Андропов, Черненко и Громыко. Громыко даже приходил к Андропову поговорить о разделе партийной власти, и не будет ли Юрий Владимирович против него, если тот станет генсеком. То есть, Громыко хотел вернуть Андропова на пост Председателя КГБ, а секретарем ЦК сделать... Горбачёва.

Юрий Владимирович перед этим разговором встречался с Ткачёвым накоротке. Андрей Викторович рассказал ему о встрече с агентом ЦРУ и показал пленку. И теперь Андропов стремился только вверх — на место Генерального секретаря. Обратной дороги у него не было. Тандем Громыко-Горбачёв привёл бы во власть совершенно не тех людей, по мнению Андропова.

— Первое, — Юрий Владимирович все же решил озвучить свои предложения. — Ленинградским ОБКОМом руководит Романов Григорий Васильевич. Тщательно присмотритесь к нему и аккуратно отсейте из его окружения... ненужных людей. Мне некому это доверить, кроме вас.

Ткачёв решил чуть возразить.

— Юрий Владимирович, но ЦРУ не даст вывести Романова наверх. Так же, как не даст скомпрометировать Горбачева. Я просто не смогу в одиночку противостоять им.

— А вот это второе, Андрей Викторович, — Андропов решительно нацепил очки на нос. — Я знаю, что у вас есть группы, способные к силовому давлению. Я вас лично просил их создать. И насколько я понимаю, судя по операции в Ташкенте, они у вас есть. Меня не интересует, сколько их, и какова их численность, но... предлагаю вам вывести группы из-под контроля КГБ. В кратчайшие сроки обеспечить людей всем необходимым и законспирировать. Как это сделать — вы решите сами.

Ткачёв от удивления выпучил глаза.

— И что вы так смотрите, генерал? — усмехнулся Андропов. — Поговорите с Устиновым. Он может предоставить базу ГРУ. У него, вообще, много чего есть. Я

предупредил маршала о встрече с вами.

Андрей Викторович и тут хотел возразить, но понял, что ГРУ выполнять приказы Андропова будет несподручно. Это может вызвать волну нежелательных вопросов со стороны членов Политбюро. А многие из них не разделяют взглядов Юрия Владимировича.

— И третье. Прижмите немножко «авторитетов». А то уж больно вольготно они себя чувствуют при Щелокове. Пусть финансируют конспирацию ваших групп. Разрешаю действовать жестко, но осмотрительно. И четвёртое — зайдёте в техотдел и получите новые станции связи. Я распорядился. Станции снабжены защитой от прослушивания.

Андропов замолчал, хотя и не отпускал Ткачёва. Наконец, тихо закончил:

— И последнее, Андрей Викторович... Тоже готовьтесь к переходу на конспиративное положение. Пока только готовьтесь. Возможно, понадобятся силовые акции.

Не сказать, что Ткачёв был удивлён последним предложением Андропова. Это было очевидно — борьба за власть принимала совсем уж искажённый вариант. За парадной вывеской скрывались совсем не благородные намерения и люди, рвущиеся наверх, могут не перед чем не остановиться. Но остановить их кому-то же надо.

Андрей Викторович понимал, что распоряжение Андропова рассчитано на полную лояльность к нему Ткачёва и его силовиков. Но что могут сделать пять-шесть человек против хорошо организованных людей, к тому же, поддерживаемых ЦРУ. Да и не только ЦРУ. Наверняка замешана МИ-6, да Интерпол тоже, как говорится, при делах. И как против такой махины? А главное — ради чего?! Вот чем отличается то же Романов от Брежнева? Или Горбачёва?

Так вот это мы и выясним, думал Ткачёв, шагая по коридору в кабинет.

Елизавета после командировки в Узбекистан держалась с ним подчеркнуто официально и сухо. А Ткачёв не возражал против таких отношений. Как гласила пословица — баба с возу, кобыле легче. Хотя легче Андрею Викторовичу не было. Лиза была для него и другом, и помощником, но сближаться с ней он не считал необходимым. Учитывая в какие «игры» он попал, это могло быть для неё тяжело. Да, Ткачёв понимал, что женщина, не растратившая своей сути в любви к близкому человеку, неосознанно выплёскивает свою любовь и нежность в таких количествах, что не может себя контролировать. И если бы не эта «работа», то Ткачёв упал бы в Лизины руки полностью. Но кто-то же должен делать эту работу!

— Добрый день, Андрей Викторович, — дежурно улыбнулась Лиза, когда Ткачёв зашёл в приёмную.

— Здравствуйте, — обронил он, проходя в кабинет.

Закрыв за собой дверь и упал в кресло. Именно упал задом, а не присел. Раздражённо кинул папку на стол, уставившись в окно.

А там всю расцветала майская зелень, и в воздухе витал очаровательный аромат. А тут приходится сидеть в кабинете и выдумывать план конспирации. Дожил!

Нет, над конспирацией пусть подумает Хмель, решил Ткачёв. А ему сейчас надо собирать информацию. Давненько он не заезжал в Измайлово — к «группе» Глушко. Да и к старику Толю надо бы заехать — посоветоваться и кое-что уточнить.

— До завтра меня не будет, — буркнул Елизавете генерал, закрывая кабинет.

Она только молча кивнула.

Спустившись на улицу к машине, Андрей Викторович встретил Жевнова оживлённо беседующего с Трофимовым. Подумал, и взял его с собой, чему лейтенант был несказанно

обрадован.

— Новую станцию связи я уже поставил в машину, товарищ генерал, — вырубивая на Садовое кольцо, поведал Пал Палыч.

— Спасибо, старшина.

И Ткачёв засмотрелся в окно на пролетающие мимо автомобили.

В Измайловском парке он не нашёл знакомых любителей гамбитов на их излюбленном месте.

— Пал Палыч, а сходите-ка на квартиру, — озабоченно попросил генерал, возвращаясь к машине. — А вы, лейтенант, присмотрите за домом. Не ошиваются ли вокруг него странные личности. А я ещё раз пройду по ближайшим аллеям.

— Так, может на квартиру позвонить? — Трофимов указал на телефон.

— Пожалуй, да, — согласился Ткачёв, злясь на себя, что не догадался до простого решения. — Только с автомата на улице, — и увидев, что лейтенант направился в сторону дома, вспомнил про его подозрения по поводу слежки. — Аристарх, подождите! Дождёмся, пока старшина позвонит.

Трофимов вернулся озабоченный.

— Никто не берёт трубку, товарищ генерал...

Это было странно. Глушко опер бывалый, да и Ворон не прост. Куда они могли исчезнуть?

— Пал Палыч, а когда вы здесь были в последний раз?

Старшина чуть подумал.

— Так это, дня за три до вашего возвращения. Мы ещё с Серёгой чай пили с пряниками... Так он спрашивал насчёт вашего возвращения.

Андрей Викторович быстро сопоставил факты и пришёл к неутешительному выводу — Глушко с Вороном пропали. Причём, в неизвестном направлении и вполне вероятно с материалом, который они собирали по заданию Ткачёва.

— Пал Палыч и вы, Аристарх, остаётесь здесь и будете наблюдать за квартирой. Машину не покидать. Едой и водой, если нужно, запаситесь заранее. К себе внимание не привлекать, если будут провоцировать, то немедленно уезжайте. Приказ поняли?

— Так точно, — проговорил удивленный Жевнов, а Трофимов сосредоточенно кивнул.

— Продержитесь до вечера. Я пришлю сюда спецов.

Ткачёв спешил и не успел купить торт для старика Толя, но тот не обиделся.

— В следующий раз принесёте два...

Гурам Ефимович прочно обосновался на конспиративной квартире, а Ткачёв его никуда и не гнал. Хотя «точку» надо бы сменить — Толь ещё понадобится генералу.

— Ну-с, Андрей, и что вас мучает? — старик эффектно поправил свой галстук-бабочку.

— Много чего, — неопределённо ответил Ткачёв.

— Ладно. Начнём с главного. Вы определились — чью сторону вы занимаете? Ведь мы уже беседовали с вами на эту тему.

— Я не совсем уверен, Гурам Ефимович, что выбрал правильную сторону, — вздохнул генерал.

— Ну, Андрей, не надо столь часто предаваться думам о правильности. Это вредно, ибо, правда — в ваших убеждениях. В чем вы убеждены, то и есть для вас истина.

Андрей Викторович невесело усмехнулся, взглянув на старого еврея.

— А что вы усмежаетесь? Гурам тоже имеет убеждения. И лично я считаю, что

разваливать СССР на части — это преступно. А нынешняя ситуация стремиться именно к этому. Я хоть и аполитичен, но я — русский, как ни странно это звучит.

Ткачёв ещё раз усмехнулся.

— Кто-то говорил, что патриотичность — это последнее прибежище негодяев.

Толь негодующе махнул ладонью.

— Не стоит усмехаться над этой фразой, не понимая заложенный в ней смысл. Тот, кто это сказал, возможно, подразумевал совсем иное. Англосаксы те ещё манипуляторы и авторы афоризмов. Но вернёмся к вам, Андрей.

Ткачёв нервно дернул подбородком.

— Гурам Ефимович, а кому понадобилось развалить СССР?!

— Странно, — Толь сжал губы, — что вы спрашиваете. Конечно, англосаксам. Это им очень выгодно.

— Да я не про них, — генерал раздраженно отвернулся. Потом понял, что сам не уточнил свой вопрос, а старик воспринял это буквально. — Кому из нашей партноменклатуры...

— А, вот вы о чём! — улыбнулся Толь. — Да, любому!

— Даже... Андропову?!

— А чем он лучше или хуже остальных? — удивился старик. — Человек вкусил полноту власти, и хочет получить ещё больше. А путь, который его приблизит к «олимпу», может быть разным. К тому же в регионах поднял голову национализм. Регионы проще выкинуть, чем усмирить. А в Конституции СССР записано, что каждая республика имеет право на самоопределение. И замечу — русские в регионах не всем нравятся.

— Это я заметил, — пробурчал Ткачёв.

— Так вот это и используют прежде всего, Андрей. Прийти к власти, обогатиться за счёт неё, укрепить власть с помощью денег... Эти технологии давно известны. А желающих развелось!..

Ткачёв вопросительно взглянул на Толя.

— Да, — энергично кивнул тот. — Слишком узкий сейчас круг людей, допущенных к «большой кормушке». Третий секретарь ОБКОМа не может взять больше первого секретаря, а ведь очень хочется! «Икорное дело», как ни странно, дало противоположный импульс, а не такой, на какой рассчитывал Андропов. А Брежнев слишком мягко реагировал на деяния своей дочери и близких «друзей». Вот эти друзья и взбрыкнулись — пошли на поклон к англосаксам, когда увидели, что Андропов намерен «закрутить гайки». Быть расстрелянным, Андрюша, не все желают, — засмеялся старик. — Вернее, никто не желает. Да и в тюрьме не сахар. Ну, а как воруют, вы, наверное, знаете?

— Да уж!..

Только и сказал Ткачёв.

— Посему выходит, генерал, — Толь причмокнул губами, видимо, не хватало ему торта для беседы, — что борясь с развалом СССР, вы будете бороться с обыкновенным воровством. А это, насколько я знаю, было вашей прямой обязанностью, будучи, работая в милиции. Только, работая в КГБ, вы ловите воров покрупнее, да ещё связанных с иностранными державами.

Андрей Викторович согласился со стариком и, подумав, спросил:

— Что вы можете сказать о Горбачёве?

— Михаиле? Это тот, кто был первым секретарём Ставропольского ОБКОМа? —

уточнил Толь. — Странная личность, скажу я вам. Прикрываясь передовыми идеями, на самом деле — мутит воду. Чтобы не быть голословным, я, пожалуй, познакомлю вас с одним очень интересным человеком. А давайте завтра?! Заодно и тортик принесёте...

Ткачёв выходил из дома со смешанными чувствами. Вся эта большая «возня» напоминала некий парад, когда события чередуются, как знамёна. Только под знамёнами почему-то искажаются события.

Генерал вытянул руку, останавливая проезжающее такси. Машина резко затормозила и подкатила к обочине. Ткачёв сел и только хотел назвать адрес, как таксист обернулся к нему.

— Викторыч, не стоит тебе разгуливать без охраны, — Хмель не улыбался, а говорил серьёзно, нахмутив лоб. — Ты не думай, что ЦРУшники какие-то дилетанты, или готовы соблюдать правила. А вот на хвост им ты наступил серьёзно. Кстати, а ты знаешь, что по поручению Андропова в Прокуратуре создали оперативную группу по работе в Узбекистане? И группа будет расследовать не покушение на Брежнева. А ты в Ташкенте хорошо «засветился» историей с отлетом...

— И что?

— А то, Андрей! У Рашидова тоже могут найтись люди для отмщения. Ладно, куда едем? И где ты оставил своих «архаровцев»?

Генерал рассказал агенту про то, что случилось в Измайлово днём.

— Плохи дела, Викторыч, — цокнул языком Хмель. Он вывел машину на проспект и поехал в центр. — Что надо сделать?

— Надо найти Глушко и Ворона. Это срочно. Их в лицо знает только Трофимов и парни... из группы Кума.

— Это те, что с тобой в Ташкент прилетали?

— Да. Но их, тоже срочно, надо на время законспирировать. Да, какое «на время»... совсем. А ещё отправить кого-то в Ленинград собирать материалы на Романова.

— Последнее — не сложно. Ты уж, извини, куратор, но я тут человека в группу взял. Впрочем, ты её видел в операции по ЦРУшнику. Её можно внедрить в окружение Романова. А дядьки Кума её подстрахуют. Вот и конспирация им будет. У Романова в Ленинграде всё схвачено — никто не может без его ведома даже пукнуть.

— А эта...

— Зайка сможет, — предвосхитил вопрос генерала агент. — У неё такая специализация.

— Зайка?!

— Да. Оперативный псевдоним. Ну, связного сам подберёшь. Аристарх-то, неплохо справлялся. Тебе надо его в группу Кума определить, я считаю. С увольнением из Комитета.

— Думаешь, всё так серьёзно?!

Хмель на секунду обернулся. Суровый взгляд агента говорил Ткачёву, что генерал похож на идиота.

— Тебе мало фактов, Андрей?!

Фактов предостаточно, подумал Андрей Викторович.

— В общем, давай звони своему старшине и передай пароль, — распорядился Хмель, прибавляя скорости. — Я найду твоих людей. А ты готовь дядек Кума в командировку.

И он не глядя на генерала, протянул ему станцию связи. Ткачёв удивился.

— Это у тебя откуда?!

— Лиза передала. Она получала станции для отдела. Потом спишешь одну, как

разбитую вдребезги при выполнении особо сложной операции. Я соберу тебе какой-нибудь электронный хлам и прикручу бирку от этой станции.

— Ох, уж это Лиза! — недовольно воскликнул Ткачёв.

— Между нами, Андрей... Дурак ты!

Генерал обиделся.

— Это почему?!

— Елизавета — дочка Кудрявцева, если ты не помнишь. А у генерала были такие связи!.. Уж он умел выбирать людей. И вспомни, Кудрявцев преподавал в Высшей школе КГБ. Не воспользоваться этим в данный момент — неразумно.

— Рули давай, — насупился Ткачёв, хотя понимал, что Хмель прав. И надо с Лизой наладить отношения. Вот только как это сделать, не вызывая откровенной близости?

Андрей Викторович отвык от женского общества, да и обстановка не располагала к романтическим встречам.

— А куда рулить, Викторыч?! — усмехнулся агент.

— К ресторану «Пекин». Хочу встретиться там кое с кем...

— Как скажешь, — Хмель включил поворотник. — Я тебя высажу там, а ты давай — звони Трофимову.

Ткачёв уже и забыл про телефон. Схватил станцию и набрал номер в свою машину. Трубку долго не брали. Наконец, осторожный голос ответил:

— Машина генерала Ткачёва. С кем я говорю?

— С генералом и говоришь, Пал Палыч. Скоро к вам подойдёт человек и скажет пароль — привет от Хмеля. Он поможет с розыском Глушко.

— Принял, товарищ генерал, — отозвался старшина. — Тут это... на телефон звонил кто-то с час назад. Назвался Автондиллом. Передал, что хочет вас видеть...

— Я понял, Пал Палыч. Спасибо.

Ткачёв не понимал, как Автондил мог узнать его номер в машину, если новые станции он получил только утром.

— Викторыч, в «Пекин»? — вывел его из размышлений вопрос Хмеля. — Или что-то поменялось?

— Нет, нет. Ничего...

Агент, взглянув в зеркало заднего вида, прибавил ещё скорости. Высадив Ткачёва у ресторана, Хмель рванул куда-то по Бульварному кольцу.

Дверь генералу открыл незнакомый швейцар — высокий худой старик со злыми глазами. Медленно оценил одежду Ткачёва привередливым взглядом и процедил сквозь зубы:

— Проходите.

Андрей Викторович не стал размахивать удостоверением и грозить старику высылкой за сто первый километр — в этом не было необходимости, но в зале ресторана, когда проход в кабинет Автондила ему преградили два рослых мужика с явно недобрыми намерениями, удостоверение пришлось достать. Мужики не испугались, и не удивились, будто генералы КГБ ходили к Автондилу, выстроившись в очередь. Только один из мужиков, вытянув ладонь в останавливающем жесте, попросил:

— Секунду.

Другой «охранник» заглянул в кабинет, приоткрыв дверь:

— Автондил, к тебе генерал Ткачёв из КГБ.

— А, да, да! Я его жду. Впустите.

Преграждающая путь ладонь опустилась.

— Входите.

Андрей Викторович одернул полы пиджака и, хмыкнув, вошёл в «святилище». Авторитет поднялся навстречу с улыбкой.

— Андрюша, совсем забыл старика! Нехорошо.

— Макакыч, прекращай этот цирк, — Ткачёв дал понять, что весь антураж ему противен. — Ты чего мне звонил?

— Андрей, а поздороваться?

— Автондил, не тяни кота за причинное место...

— Всё, всё, всё. Не делай такой сердитый вид. Присядь, пожалуйста...

Такой подход не был в обычае авторитета, что генерала удивило. Он присел в кресло.

— Ты опять во что-то вляпался?

Автондил не ответил. Достал бутылку коньяка и две рюмки. Налил.

— Нет, Андрей, — наконец, тихо сказал. — Это ты вляпался. И меня любезно попросили с тобой поговорить.

— И кто?

— Я не могу назвать их имена...

Ткачёв сердито нахмурился.

— Я не понял, Автондил Акакиевич! Что за тайны?!

— Тише, Андрей, — остановил его авторитет. — Не шуми.

Автондил пригубил коньяк и, наклонившись к столу, хмуро взглянул на генерала.

— Да, меня попросили. И сказали, что у тебя, мягко говоря, проблемы. Я не скажу, что хорошо знаю этих людей, но говорили они убедительно и жёстко. И я знаю... что двух твоих людей держат взаперти. Андрей, я встревожился! За тебя, дурак!

— С каких пор ты за меня беспокоишься?! Я прямо растроган!

— Не хами, Андрей. Я на четверть века старше тебя. Уважай, хотя бы, мой возраст. Пусть между нами и были некоторые... трения, но мы всегда могли договориться. К тому же, мне гораздо удобней общаться с человеком, которого я знаю. И замечу, не один год.

— Хорошо, извини, — Ткачёв немного расслабился. — О чём ты хочешь поговорить?

Генерал слегка нагнал обиды и жути специально, но Автондил осадил его мягко. И привёл весомый аргумент, сказав, что знает о пропаже Глушко и Ворона. Хоть Ткачёв и надеялся на опытность и проворность Хмеля, но подумал, что информация Автондила не будет лишней.

— Андрей, ты начал «копать» под Горбачева. Люди просили передать тебе, чтобы ты остановился.

Генерал стиснул зубы от досады. Значит, вся работа Глушко, все добытые им материалы по Горбачёву в руках тех людей. Плохо...

— Допустим, — кивнул Ткачёв. — И что взамен?

— Во-первых, твоих людей отпустят. Во-вторых, дадут денег. И прилично...

— Будет в-третьих?

— Будет. Тебе могут предложить хорошую должность. Очень перспективную. Если ты согласишься на первые два пункта.

— Эти люди инопланетяне?! Я буду руководить милицией на Марсе?!

Автондил поперхнулся коньяком.

— Не шути так, Андрей.

Ткачёв улыбнулся.

— А что они пообещали в случае, если я откажусь? Они же не знают всех моих возможностей.

— Да какие у тебя возможности?! — вдруг вскрикнул авторитет. — Андропов ещё не в силе! И на что ты рассчитываешь?!

— Ну, не знаю, — театрально дернул плечами генерал, выпячивая грудь. — Вдруг у меня карманная армия наёмных убийц!

— Не смей меня, — хохотнул Автондил. — Откуда у бывшего мента такие люди? Тебе в КГБ выдали такую армию? Под роспись?!

Андрей Викторович покрутил пальцами в воздухе, подняв ладонь. Он понял, что предложение Автондилу поступило не от ЦРУ. Те имели представление о возможностях генерала. Значит, к авторитету приходили те мелкие партийные чиновники, что, по словам Толя, стремились во власть. Может быть, и сам Горбачёв... Хотя, нет, этот не сможет. Судя по некоторым отрывочным сведениям, которые Ткачёв успел просмотреть, Михаил Сергеевич не был способен на такие решительные действия. Тогда кого же так испугался Автондил? Его слова, что он беспокоится о Ткачёве — это ерунда. Это прикрытие собственного страха. Даже то, что авторитет не назвал имён, говорит об этом.

Генерал наклонился к Автондилу и произнёс шёпотом:

— Кто тебя так напугал?

Авторитет только отмахнулся, мол, не приставай — всё равно не скажу.

— Короче, Андрей, в обмен на твоё обещание прекратить сбор информации, твоих

людей отпустят. Если же, ты не сдержишь слова, то будут приняты более радикальные меры в отношении тебя.

Ткачёв удивлённо вскинул брови. Хотел ударить ладонью по столу, но только легко дотронулся до столешницы.

— Я уйду, Автондил Акакиевич, но ты передай там... Если они не отпустят людей, и не дай бог, что-то с ними сделают, то я тихо прикопаю всех, кто приложил к этому руку. У них есть ровно час после моего ухода.

Андрею Викторовичу было всё равно, как Автондил будет передавать его послание. Не попрощавшись, он вышел из кабинета, взглянул недобро на «охранников» и решил подождать известий от Хмеля в зале ресторана.

Беседа с Автнодилом была нервной, и генерал подумал над тем, что было бы неплохо посетить туалет, перед тем, как выйти в зал и занять столик у окна. Перед входом в туалетную комнату Ткачёв увидел своего «старого знакомого» — Джона Кэрдайна.

— Год демет! — вскрикнул Джон. — Даже в сортире от вас не спрятаться!

Андрей Викторович тоже удивился случайной встрече.

— Каким ветром вас сюда занесло, Джон?

— Решил на прощание поесть любимой солянки. Завтра уезжаю в штаты, но, надеюсь, что ещё вернусь... У меня тут остались кое-какие дела.

— Неужели вы вернётесь, чтобы мне отомстить?! — шутливо спросил генерал, заталкивая ЦРУшника в туалет и закрывая защелку.

Джон явно испугался.

— Что вы ещё надумали, Андрей?!

— Хм, вы узнали моё имя, и теперь мне придётся вас убрать, — продолжал шутить Ткачёв. — Здесь тихое место для того, чтобы встретить смерть. Не так ли?

— Ноу! Чёрт, нет! Что вы хотите?

— Вы решили убежать, так и не отдав мне долг, Джон! Это непростительно...

Андрей Викторович, видя крайнюю степень испуга Кэрдайна даже подумал, что переборщил с угрозами.

— Джон, я же пошутил, — насмешливо поглядывая на намокающие штаны ЦРУшника, проговорил он. — Но насчёт долга — это я серьёзно.

Джон кинулся в кабинку.

— Это последствия ваших пыток, Андрей. Я вам этого никогда не прощу!

— Подумаешь, разок по почкам получили. Я уверен, ваши доктора проведут терапию. Зря вы на меня обиделись...

Из кабинки выглянул довольный Кэрдайн.

— Ладно. Говорите ваше третье желание.

— Кто, кроме ЦРУ проводит операцию по изменению политических сил СССР?

Кэрдайн самодовольно усмехнулся.

— Никто, Андрей. Ну, если только вы сами. Хорошо. Я вам кратко расскажу...

Джон подошёл к умывальнику и взял салфетки.

— Меня удивляет, Андрей, что вы продолжаете упираться в то, чего давно нет. Конечно, если вернуть тридцать лет назад, то ваши действия объяснимы, но сейчас другое время. Другая реальность, если хотите...

— Что вы под этим подразумеваете, Джон?!

Кэрдайн ловко бросил комок мокрых салфеток в круглую корзину для мусора.

— А то, что СССР в том виде, в котором он был тридцать лет назад, давно нет. Это подтверждает все, что тут происходит. Даже ваша «операция» в Ташкенте. Вы, Андрей, просто марионетка в руках Андропова. Он использует вас... для проникновения в полноту власти. А потом забудет и выкинет.

Ткачёв насмешливо покрутил головой в отрицательном жесте.

— Вы многого не знаете, Джон. А делаете поспешные выводы.

Кэрдайн нисколько не смутился.

— Возможно, Андрей, что мы многое о вас не знаем. Возможно, что у вас есть какая-то силовая оперативная группа, помогающая вам. Что говорит об успехах операций в Зареченске и Ташкенте. В одиночку вы бы не справились. Но это ничего не меняет. Существенно — ничего. И я удивлён, что вы этого не понимаете.

— И что я должен понять?! — генерал не понимал, к чему клонит Кэрдайн.

— То, что вы лишь пешка в многоходовой игре. Так же, как и я. Но я за роль пешки получаю какие-то блага, а вы... ровным счётом ничего. Причём, я могу что-то поменять, а ваши усилия напрасны. И в чём логика, Андрей? Допустим, я бы ещё понял, что ваши труды могут что-то изменить...

— Хорошо, а что поможет изменить? — заинтересованно перебил Ткачёв.

— Практически? Ничего. Уже более двух десятков лет работает такая машина, Андрей! Такие деньги вложены! И вы думаете остановить эту машину?! Да она проедет по вам и даже не заметит!

— Любой танк можно остановить метким выстрелом из пушки, — попытался возразить Ткачёв.

— О! — взмахнул руками Кэрдайн. — Вот только не надо! Пушек у вас не хватит, Андрей. А если и хватит, то нет снарядов и людей, готовых выстрелить. Время, когда люди бросались под танки с гранатой, прошло. Легче сесть на этот танк и ехать дальше.

— Вы не верите в советских людей?!

— Нет, — спокойно ответил Кэрдайн. — Если бы верил, то попросился бы куда-нибудь в другой регион. Ладно, я и так много болтаю с вами.

Он собрался уходить и Ткачёв не стал его останавливать. Несмотря на то, что генерал не так долго работал в КГБ, но всё же знал, что в ЦРУ работают далеко не дураки, умеющие оценивать степень угрозы. А Кэрдайн сейчас вёл себя так, будто уже выходил победителем, заранее зная исход схватки. И это было явно не на пустом месте.

Андрей Викторович вдруг осознал, что расстроился. Расстроился от того, что не в силах дать в лоб этому американцу. Так треснуть, чтобы мозги расплющились по черепной коробке. Потому что уже много лет, оказывается, кто-то собирается у него отнять то, чем он жил. И Кэрдайн тупо за деньги, за блага помогает им. И за ним стоит сумасшедшая поддержка, а за Ткачёвым только жалкая горстка людей. И ему, бывшему оперу, а теперь целому генералу всемогущего КГБ и противопоставить нечего! Но Глушко с Вороном надо найти. Нельзя отдавать их на растерзание.

Неожиданно в туалет зашёл Хмель. Агент выглядел тоже расстроенным.

— Викторыч, мы не можем найти твоих людей. Всю квартиру осмотрели, обнюхали и лизнули стены. Никаких следов...

Хмель пытался шутить, и это ещё больше тревожило Ткачёва. Выделенный им Автондилу час времени заканчивался.

— Как ты меня нашёл? — безучастно спросил генерал, понимая, что Ворона и Глушко

он потерял.

— Я не увидел тебя в зале, но заметил, как из туалета выходит наш общий знакомый. Вот и подумал, что ты здесь с ним беседовал. Третье желание он же так и не выполнил...

Генерал молчал, пытаясь найти выход из тупика. Потом вздохнул притворно-горестно.

— Выхода нет. Придётся трясти Автнодила по полной... Ты готов к драке против двух здоровых мужиков?

Хмель усмехнулся.

— В последнее время я что-то размяк. Предпочитаю не отбивать кулаки о железные лбы. Но если надо, то пошли. Показывай, кто там шибко здоровый.

— Видел двух мужиков прямо по коридору из туалета?

— Э, Викторыч, это против правил! — Хмель сделал вид, что жутко испугался. — Там я видел только двухстворчатые шкафы, затянутые в костюмную ткань! Прости, но я не Дон Кихот.

Шутки агента рассмешили генерала, но это был скорее нервный смех, нежели веселье.

— Ладно, «Дон Кихот», пошли. Попробуем зайти мирно...

И только они вышли из туалета, как столкнулись с официантом, ищущим кого-то у кабинета Автондила.

— Это он, — показал на Ткачёва один из охранников.

— Товарищ Ткачёв, вас к телефону. Срочно! — выпучил глаза официант.

Хмель, тем временем, куда-то скрылся. Не найдя агента, генерал удивлённо почесал затылок.

— И где ваш телефон?

— Там, за стойкой администратора. Прошу.

Такой вызов не то, чтобы удивил Андрея Викторовича. Он подумал, что это те, кто держит Ворона и Глушко. Сейчас начнут требования выдвигать...

— Слушаю, Ткачёв, — недовольно проговорил в трубку, любезно поданную администратором.

— Андрей Викторович, прошу вас выйти из ресторана. С вами хотят поговорить...

— А кто сейчас со мной говорит?

— Генерал Федорчук. Нас друг другу не представляли, но у нас будет ещё время познакомиться очно. А сейчас выйдите на улицу, вас ждёт машина.

Ткачёв отдал трубку администратору, накинул пальто, отданное с вешалки угрюмым швейцаром, и вышел на улицу. Увидел, как стоящая невдалеке черная «Волга» мигнула фарами.

— Похоже, я опять куда-то влип, — тихо произнёс генерал, подходя к машине.

Ему открыли дверь.

С заднего сиденья на генерала смотрел плотный беловолосый мужчина.

— Присаживайтесь, генерал, — вежливо пригласил он Ткачёва. Настолько вежливо, что Андрей Викторович слегка растерялся, но совладав с замешательством, сел в машину.

— Владимир Васильевич, — протянул ладонь мужчина, улыбнувшись. Улыбкой, правда, назвать это было сложно — уголки глаз мужчины лишь слегка вытянулись, но было ощущение, что он именно добродушно улыбнулся. Ткачёв пожал руку.

— Андрей Викторович...

— Я знаю. И не только ваше имя и отчество, но и где держат ваших людей.

— Хм, так это вы просите меня прекратить наблюдение за Горбачёвым?

— Я пока вас не о чём не просил, генерал, — Владимир Васильевич хлопнул шофёра по плечу, и тот вышел из машины. — Но, пожалуй, попрошу. Взамен на информацию о том, кто похитил ваших людей и где их сейчас содержат, вы мне отдадите все материалы, собранные по Горбачеву. Вернее, не мне, а Федорчуку, как вашему начальнику. Я понимаю, что вам нужно будет каким-то образом отчитаться за них перед Андроповым, и я вам их верну.

— Простите, Владимир Васильевич, но у меня нет материалов. Если бы были, то мои люди были бы на свободе, а не чёрт знает где, — погорячился Ткачёв.

— Я не чёрт, но знаю где, — теперь уже широко улыбнулся беловолосый. — Хорошо. Я так понимаю, что вы не знаете, где материалы?

— Не знаю, — признался со вздохом Ткачёв. — Кстати, вам то они зачем?

— Из любопытства, — несколько раздраженный ответ удивил генерала. — Странно, что вы, Андрей Викторович, этого не понимаете.

— Да я, вообще, не понимаю, что происходит! — вдруг вскрикнул Ткачёв. — Вместо того, чтобы защищать страну от всяких шпионов, я участвую в непонятных аппаратных играх. А в это время, те же шпионы, надо мной насмеются. И кто вы такой, в конце концов?!

— Я?! — неподдельно удивился беловолосый. — Щербицкий — первый секретарь компартии Украины. Генерал, а вы точно служите в КГБ?!

— Я должен знать всех секретарей в лицо?! У меня, вообще-то, другие задачи...

Щербицкий задумался, глядя на улицу. Долго молчал, нахмурил брови и потирая подбородок. Наконец, достал блокнот и ручку, что-то написал и, вырвав из блокнота листок, протянул Ткачёву.

— Это адрес, где держат ваших людей.

И жестом показал генералу, где выход из автомобиля.

Андрей Викторович, спрятав сложенный лист в карман пальто, поглядел по сторонам, пытаясь высмотреть Хмеля. Но тот сам лихо подрулил к генералу на машине с шашечками на двери.

— Прыгай, Викторыч.

Ткачёв уселся на переднее сидение. Недоуменно взглянул на скрывающуюся машину Щербицкого.

— Пора мне на пенсию, Хмель. Я начинаю уставать...

— Рановато пока на пенсию, Викторыч, — Хмель взял протянутую генералом бумажку, развернул и прочитал. — Что будем делать?

— На этом адресе, по словам первого секретаря компартии Украины, держат Ворона и Глушко. Я не знаю, откуда у него информация, но проверить стоит.

— Тогда поехали. Только заскочим в Измайлово — заберёшь машину с водителем и лейтенанта. Они нам пригодятся. Я не хочу «светить» свою группу...

— Логично, — кивнул Ткачёв. — У тебя есть для меня оружие?

— Найдём, — нахмурился Хмель, втыкая передачу.

Машина выехала на Садовое кольцо и понеслась, лихо обгоняя попутные автомобили. Мелькали дома и деревья, кто-то нервно сигналил вслед несущейся «Волге». Разогнав стаю дремавших на проезжей части голубей, Хмель повернул во двор дома, снизив скорость. Подъехав к генеральской машине почти вплотную, опустил стекло на своей двери и тут же ударил кулаком о руль.

— Чёрт!

Андрей Викторович поначалу не понял причину такого восклицания, но присмотревшись, стиснул зубы и прикрыл глаза...

Трофимов сидел на водительском сидении прямо — с открытыми глазами и пулевым отверстием в виске. Лейтенант Жевнов, казалось, уснул на плече Пал Палыча.

— Аристарх, — негромко позвал генерал.

— У него дырка во лбу, Викторыч, — вместо лейтенанта отозвался Хмель. — Похоже, что против тебя начали активные действия. И работают люди вроде меня — чисто и бесшумно. Тебе есть кому позвонить?

Ткачёв вспомнил про Андропова.

— Станция в моей машине.

— Понял, — Хмель поджал губы и воткнул заднюю передачу. Медленно отъехал, а потом, остановившись, взглянул на Ткачёва. — Викторыч, я сейчас быстро возьму станцию и нам нужно уносить отсюда ноги. Подумай, куда...

— На дачу надо. Там группа Кума.

Агент кивнул и быстро вышел из машины. Через полминуты вернулся, передав станцию связи Ткачёву. Стал выруливать со двора.

— Почему по нам не стреляют? — вдруг удивился Андрей Викторович. — И почему убирают моих людей?!

— Страх нагоняют, — ответил Хмель. — Чтобы ты был более сговорчив. А ещё это хороший повод, чтобы отправить тебя на пенсию. Ты же сам этого хотел. И звони, не теряй времени.

Ткачёв набрал Андропова. На его просьбу соединить с Юрием Владимировичем секретарь уклончиво ответил, что Андропов занят на совещании. Генерал растерянно положил трубку.

— Что же, будем сами выкручиваться, — понял его растерянность Хмель. — Не впервой...

Но Андрей Викторович совладал с наступающей паникой и решил трезво оценить ситуацию, задвинув бушующую в нём ярость по поводу потери Трофимова и Жевнова.

Людей было искренне жаль.

Кто мог так целенаправленно уничтожать его группу? Он ведь даже наработанных материалов не видел. Да и не знал, где они могут быть. И какой интерес представляют. Видимо, большой, если активность по устранению группы зашла в заключительную фазу. Сейчас под ударом все, даже группа Хмеля.

Генерал набрал номер своей приёмной и не удивился, когда услышал в трубке мужской голос.

— Это Ткачёв, — представился Андрей Викторович. — Где мой секретарь?!

— Секунду, товарищ генерал. Я вас соединю с Председателем...

Ткачёв вздохнул — его обкладывали со всех сторон.

— Федорчук, — раздался в трубке голос. — Товарищ Ткачёв, прошу вас, не делайте резких выводов. Приезжайте на Лубянку и мы спокойно обо всём поговорим...

— О чём, товарищ генерал? Мне Андропов говорил, что вы не будете мешать мне.

— Кое-что изменилось, Андрей Викторович...

— Я догадался, Виталий Васильевич, — грубо перебил Ткачёв. — А Юрий Владимирович знает об изменениях? Что с отделом и моим секретарём?

— Отдел расформирован моим приказом. Секретарь отпущена домой, её никто не тронет, — Федорчук умолчал об Андропове.

Андрей Викторович все же решился спросить:

— Зачем устранили моих людей? Какая была в этом необходимость?!

— Это не ко мне вопросы, товарищ Ткачёв. Будем считать это недоразумением...

Андрей Викторович захлебнулся от возмущения.

— Недоразумением?! Вы что там, совсем с ума по сходили?!

Хмель при этих криках остановил машину, встревоженно взглянул на генерала.

— Не кричите, товарищ Ткачёв, — уже жестко выговорил Федорчук. — Пока вы подчиняетесь моим приказам, но я советую вам приехать немедленно в управление...

Андрей Викторович со злостью бросил трубку на станцию, но тут же задумался, глядя на встревоженное лицо Хмеля.

— Что-то тут не так, — Ткачёв провел ладонью по подбородку. — Буквально час назад Щербицкий даёт мне адрес, где держат Ворона с Глушко, а Федорчук просит прибыть на Лубянку. И секретарь Андропова не соединяет меня с ним, хотя я звонил по прямому номеру. В это же время буквально, — он старался подобрать слово, — казнены двое моих сотрудников. Что, чёрт возьми, происходит?!

Ткачёв взволнованно взглянул на Хмеля, но тот, сохраняя невозмутимость, только отмахнулся.

— Думай, Викторыч. Сейчас нельзя ошибаться, а то всех покрошат в винегрет.

Генерал задумался. Конечно, Хмель ему сейчас очень нужен, но и Глушко с Воронковым нельзя оставить. Да и на дачу надо поехать, чтобы предупредить Кума и его людей. И старика Толя забрать...

— Хмель, я приказывать тебе в данный момент не могу. Только спрошу... Ты своими силами сможешь проверить адрес, что дал Щербицкий?

Агент недолго помолчал.

— Смогу. Но как же ты?

— Ничего. Только оружие дай.

Хмель вышел из машины, открыл багажник, долго копался внутри. Потом вернулся и

протянул генералу диковинный пистолет с двумя обоймами.

— Это что?! — Ткачёв удивленно крутил тяжелое и габаритное оружие.

— Пулялка с безгильзовыми патронами. В магазине двадцать четыре штуки. Отдача слабая. От сердца отрываю, — шутил агент. — А знаешь что? Давай-ка я тебе пришлю помощника. Вдруг ты что-нибудь начудишь. Я же не переживу...

Хмель потянулся к станции связи и набрал номер.

— Возьми машину и дуй к нашей точке на Казанском вокзале. Подхватишь нашего куратора. Отвечаешь за него.

Он с прищуром взглянул на Ткачёва.

— Вот, Викторыч. Значит, пришла пора познакомиться тебе со Шмельём. Руководи и вопросами его не донимай. И оружие-то спрячь.

Андрей Викторович долго засовывал необычный пистолет за пояс брюк под насмешливым взглядом Хмеля.

— К нему ремешок есть, чтобы на плечо повесить, — расхохотался агент.

Вскоре они заехали на Комсомольскую площадь, и Хмель припарковался у здания Казанского вокзала. Тут же в открытое окно какой-то мужик спросил агента:

— Шеф, свободен?!

— Да, — буркнул Хмель.

В машину, под изумленным взглядом Ткачёва, залезли две симпатичные девицы, и агент толкнул генерала в бок, кивнув, мол, вылезай из машины. Андрей Викторович, прихватив станцию связи, вышел. Встал столбом, провожая взглядом уезжающее такси.

— Эй, чего встал? Давай садись в машину.

Услышал генерал незнакомый голос за спиной. Повернувшись, увидел «Жигули» темно-зеленого цвета и лицо водителя, слегка заросшее черно-рыжей щетиной.

«Позывной прямо в масть» — усмехнулся Ткачёв, садясь на переднее сидение. Кинул станцию назад.

— Хорошая штука, — одобрительно сказал Шмель. — Куда едем?

— На дачу, где ваша группа охраняла Ворона и Глушко.

Шмель угрюмо кивнул и резво выехал на проспект.

«Жигули» неслись так, что Ткачёв, вцепившись в пластик «торпеды», не успевал пугаться при сближении с другой машиной. Шмель сбросил скорость до приемлемой только тогда, когда они заехали в дачный посёлок, где квартировалась группа Кума. Но на улицу, ведущую к дому, их машину властным жестом остановил милицейский патруль.

— В чём дело?! — высунулся из машины Ткачёв и достал удостоверение.

Милиционер в погонах капитана козырнул.

— Специальная операция, товарищ генерал. Поступил сигнал, что в одном из домов спрятались особо опасные преступники, сбежавшие из колонии.

— А...

Андрей Викторович хотел спросить у капитана — кто командует операцией, но тут рация на плече милиционера «проснулась».

— Драгунов, вызывай труповозку! Они застрелились! Бред какой-то...

Ткачёв пошатнулся и схватился за крышу милицейского «Газа».

— Товарищ генерал, вам плохо?! — испугался капитан и протянул руку.

— Нет, — отстранился Андрей Викторович. Не хватало ещё, чтобы капитан нащупал у него под одеждой пистолет-монстр. — Все нормально. Спасибо...

Он быстро вернулся к машине Шмеля, грузно сел, вздохнув. Он потерял уже семерых! Что же за война такая началась?!

Андрей Викторович, стараясь унять растущий гнев непонятно к кому, прикрыл глаза.

— Поехали в Москву на Есенинский бульвар, — тихо сказал Шмелю и пристегнул себя ремнём к креслу.

По дороге он подумал, что прошедшие события направлены на то, чтобы вывести его «из игры». А отсутствие нападения на него самого может быть только по одной причине — нет одобрения Андропова. Потому что больше ничем нельзя аргументировать то, что он до сих пор жив. Вывод Ткачёва с работы покажет Андропову несостоятельность генерала, как в выполнении заданий, так и в принятии решений по безопасности. И тогда Юрий Владимирович просто махнёт на Ткачёва рукой.

С другой стороны факт похищения Ворона с Глушко и требование Щербицким документов, говорит о том, что эти документы важны. Но что может быть в них?!

Расследование Глушко велось по Горбачеву. Ткачёв не думал, что старый опер и бывший вор могли найти столь значимую бумагу или фото, которые бы сильно компрометировали фигуранта расследования. Кто сейчас не замазан в чём-то?! Тут что-то иное, выводившее на того, кто...

Андрей Викторович нервно дёрнул головой.

Скорее всего, Глушко обнаружил некую последовательность событий и фактов, нежелательных для аналитического исследования. А может быть, всего один факт.

На въезде в Москву машину Шмеля остановил инспектор ГАИ. Немолодой майор заглянул внутрь и попросил документы. Бегло взглянув на права и техпаспорт, внимательно рассмотрел Ткачёва, сделавшего вид, что задремал.

— Гражданин, пожалуйста, выйдете из машины, — негромко попросил.

Андрей Викторович отметил и просящий тон майора, и его спокойствие. Вокруг не было подозрительных машин и людей, но Шмель заметно напрягся.

— Я хочу убедиться, что это вы...

Так же негромко продолжал майор, возвращая документы Шмелю.

— Прошу вас, времени очень мало.

Ткачёв поправил пистолет под пальто и, кивнув Шмелю, вышел из машины. Про снайпера он даже не думал, если бы была нужда, то их давно бы убрали уже в машине.

— Пожалуйста, идите за мной, — майор зашагал к зданию поста ГАИ, а когда Ткачёв поравнялся с ним, шепнул. — Вам нельзя в город, товарищ генерал. У вас всего пять минут на разговор с тем, кто ждёт внутри.

Андрей Викторович благодарно кивнул и поспешил внутрь поста.

В небольшой комнате отдыха его ждал Гришаев.

— Евгений Арсеньевич?! Как вы?..

— Здравия желаю, товарищ генерал, — улыбнулся Гришаев. — Это вам...

Он протянул Ткачёву папку.

— Там документы, собранные Глушко, — быстро пояснил бывший заместитель генерала. — Нет времени, чтобы объяснять, как они ко мне попали. На вас объявлен перехват, так что разворачивайтесь и уезжайте. Отдел отправили в отставку в полном составе, но мне... нравилось с вами работать, Андрей Викторович. — Гришаев протянул руку. — Прощайте и... поспешите.

— А как же вы, Евгений Арсеньевич? — Ткачёв пожал протянутую ладонь.

— Я же аналитик, товарищ генерал, — удрученно улыбнулся Гришаев. — Что-нибудь придумаю. А за майора, — он кивнул в сторону дороги, — не беспокойтесь. Он мне кое чем обязан, да и забудет... А впрочем, это уже неважно. Торопитесь...

Андрей Викторович поспешно вышел из здания поста и бегом пересёк дорогу.

— Разворачиваемся, Шмель, быстрее! — Ткачёв прыгнул в пассажирское кресло, убирая под него папку. — Гони, что есть сил...

Шмеля не надо было уговаривать. Он ловко развернулся в положенном месте и прибавил скорости.

— Если у Хмеля есть место сбора, то гони туда, — обернулся Андрей Викторович. — В Москву нам больше ни ногой.

Жигули подъехали к небольшому дачному посёлку, скрытому в просторах Подмосковья густым лесным массивом. К нему вела лишь узкая малозаметная дорога, заканчивающаяся речкой с разрушенным деревянным мостом. Но Шмель повел машину прямо по речке — по мелководью. Подъезд к броду тоже был неприметным, будто по нему и не ездили. Ткачёв удивился — и кто придумал в таком месте раздавать участки под дачи?

Шмель вырулил к обыкновенной дачной избушке, окружённой полуразваленным дощатым забором.

— Посиди пока в машине, — буркнул он Ткачёву, выходя.

Андрей Викторович увидел, как его «шофёр» внимательно осмотрел ворота и забор, потом осторожно открыл створки ворот и низкого сарая, притулившегося к боку избушки. Вернувшись к машине, Шмель на малой скорости, заехал в сарай.

— Забирай всё из машины и жди меня, — опять буркнул он Ткачёву. — От машины не на шаг.

Андрей Викторович прилежно выполнил наставления и вскоре они зашли внутрь избушки из сарая.

— Располагайся на диване, а я пока пожрать соображу...

Шмель показал на широкий диван у стены, а сам юркнул на террасу.

Ткачёв устало присел, тупо разглядывая спартанскую обстановку «убежища». Снимать пальто не хотелось, да и не было сил. Так он и задремал, уронив голову на папку, положенную на станцию связи.

— Викторьч, просыпайся!

Ткачёв проснулся от грубых толчков в плечо. Открыл глаза и увидел стоящего над ним Хмеля.

— Генерал, вставай. У нас четыре часа на сборы...

Андрей Викторович приподнялся и увидел за столом на кухне двух женщин, в которых он узнал тех, кто садился к агенту в такси. Шмель сидел на стуле возле окна и шумно пил из большой алюминиевой кружки, поглядывая на окрестности. Более молодая дама перевязывала себе предплечье, сморщившись.

— Бери папку и пошли в сарай, — жестко сказал Хмель Ткачёву.

Андрей Викторович, прихватив документы, пошёл за ним.

Хмель остановился и присел на капот Жигулей.

— Мы куда вляпались, Викторьч?! — злобно зашипел он, включая лампу на потолке сарая.

— Не знаю! — так же ответил Ткачёв. — И не шипи на меня, как кошка.

Хмель только отвернулся.

— Ладно. Прости...

Потом достал из кармана куртки удостоверение и кинул на капот.

— Убили твоих людей, генерал. Мы, правда, взяли одного из убийцев, поговорили с ним. Похоже, что вот эту папку ищут.

Ткачёв развернул удостоверение. Оно было выдано сотруднику КГБ по Свердловской области.

— Тебе это о чём-то говорит? — спросил Хмель.

— Пока не знаю, — пожал плечами Андрей Викторович и открыл папку.

Даже бегло прочитав документы и просмотрев фотографии, ему стало, в общем, понятно...

В документах были даны рекомендации по всем районным секретарям областей и многим чиновникам из центрального партийного аппарата — кто на что способен, и какими характеристиками обладает. Сжато, но ёмко. Фото были как подтверждением. И один документ на несколько страниц с пометками Глушко и Ворона, был неким анализом происходящего.

Получалось, что Андропов был не одинок в своём стремлении занять пост Генерального секретаря. На это же место рвались Щербицкий, Романов и Черненко. За ними, как бы вторым эшелоном, активно выдвигался Горбачёв на пост секретаря ЦК КПСС. А уже за ним совсем незаметным третьим эшелоном — Борис Ельцин, первый секретарь Свердловского Обкома. Причем, напротив фамилии Ельцина стояли три восклицательных знака. А под его фамилией шёл целый ряд других фамилий. Но под ними Глушко пометил: «скрытый агент влияния иностранной разведки».

Было множество выписок из различных документов и архивов. Все они подтверждали пометки старого опера. Каким образом Глушко смог систематизировать данные оставалось неизвестным. На самом дне папки был свернут большой лист кальки. Андрей Викторович аккуратно и осторожно развернул его на капоте.

— Твою же за ногу! — не удержался Хмель, посмотрев на кальку. — И что нам теперь делать?!

Ткачёв медленно собрал все документы обратно в папку.

— Мне надо дозвониться Андропову, — нахмурившись, произнёс генерал. — Но мне не дают с ним переговорить. Когда я себя называю, его секретарь ищет повод, чтобы я с ним не разговаривал.

— То есть, сам Андропов тебе ничего не говорил?

— Нет. После указаний по сбору данных на Романова — ничего.

Хмель задумался, покусывая губу.

— Ты знаешь, Викторыч, а оно всё к лучшему, — наконец, сказал он. — Если Андропов захочет, то он даст о себе знать. А нам пока лучше исчезнуть.

— И куда? — усмехнулся Ткачёв. — А документы... Деньги, в конце концов.

Хмель усмехнулся в ответ.

— Генерал, ты же со мной. Держи пистолет хвостом! Всё уже давно приготовлено. Короче. Думай, что будешь делать с этой папкой и мотаем отсюда. Мертвых уже не вернуть. Жаль, конечно, что так получилось. Неплохая команда собиралась, но что поделать.

Агент собрался уходить в дом, но Андрей Викторович остановил его.

— Хмель, а я тебе зачем?

Тот задумался, полуобернувшись.

— Ты, Викторыч, теперь один из нас. Флаг есть, родина есть, а имени нет. Я, почему-то, тебе доверяю. Все кто со мной — тоже. Хочешь остаться — оставайся, но мне будет тебя по-человечески жалко...

И он ушёл в дом.

Ткачёв осмотрел сарай и нашёл старый таз. Поставил его на землю и, раскрыв папку, один за одним, стал сжигать документы, найдя спички на небольшом верстаке.

Глава 24 Послесловие

У Конфуция есть фраза:

«Государства гниют изнутри, внешний враг лишь заканчивает дело»

Первый звоночек прозвенел еще летом 1983 года, когда Андропов поручил Горбачеву наладить снабжение Москвы свежими овощами и фруктами в обход горкома. Во-первых, это решение явно и публично ставило под сомнение компетентность Гришина, а во-вторых, генсек прекрасно знал, что глава МГК Горбачева презирает и считает выскочкой и они никогда не сработаются. А спустя год прогремел и удар погребального колокола — «Елисейское дело».

Обострение борьбы за власть осенью 1984 года, когда уже было понятно, что Черненко нежилец.

Расклад сил в советском руководстве: два клана — «брежневцы» и «реформаторы». И две промежуточные группировки. Внезапная смерть 4 — х министров обороны государств — членов организации Варшавского договора: СССР, Чехословакия, ГДР, Венгрия (Д.Ф. Устинов 20 декабря 84 года; Мартин Дзур 15 января 85 года, Хайнц Гофман 2 декабря 85 года; Иштван Олах 15 декабря 85 года).

И что характерно, у всех был один и тот же диагноз — «острая сердечная недостаточность». Это все были заслуженные и очень серьезные военные люди с большим боевым опытом, прошедшие войны. И, если бы, они и дальше оставались министрами обороны своих стран, то, конечно, никакие мероприятия типа «перестройки», а также, вероятно, и последующего распада СССР вкуче со всем социалистическим лагерем были бы невозможны по определению.

Известно также о планах ближайшего окружения Черненко перенести XXVI съезд КПСС с 86 года на 85-й, чтобы Черненко успеть передать власть тому, кому он считал нужным. Есть информация, что осенью 1984 года он поручил группе сотрудников ЦК заняться расследованием деятельности Горбачева в ту пору, когда Горбачев был Первым секретарем Ставропольского Крайкома партии, где его прозвище было — «Миша-конвертик». Как только Горбачев стал Генеральным секретарем, вся эта группа была немедленно распущена.

И, думаю, многим станет понятно, что же произошло на XXII съезде КПСС, на котором кстати, было принято решение о выносе тела Сталина из Мавзолея. А произошло то, что наша страна окончательно повернула назад, к построению нового буржуазного общества.

Хотя, справедливости ради, надо сказать, что Л. И. Брежнев слегка затормозил этот процесс. Он оставил хозрасчёт «низовым». Экономика при нём хоть и была покрыта метастазами капиталистических отношений, но всё ещё напоминала подобие социализма. А вот окончательный удар по социалистической экономике нанёс Ю. Андропов с подачи Горбачёва — с 1 января 1984 года два союзных министерства (Минтяжмаш и Минэлектропром) перешли на новые условия работы. Около 700 предприятий, переведённых в порядке эксперимента на хозрасчётные отношения, должны были самостоятельно формировать планы, фонды развития производства и заработной платы. С 1 января 1985 года условия эксперимента распространились ещё на 20 министерств...

Хочу напомнить, что примерно в это же время, в 1983 году, Е. Гайдар знакомится с Анатолием Чубайсом, который был неформальным лидером ленинградской группы

экономистов из Инженерно-экономического института, проводившей экономические семинары с обсуждением возможных путей рыночного реформирования социалистической экономики. Начинаются тесные контакты между ленинградской группой и московскими экономистами, работавшими над программой реформ. С 1984 года Гайдар и его ленинградские коллеги были привлечены к подготовке документов для Комиссии Политбюро по совершенствованию управления народным хозяйством...

Словом, к началу 1985 года советская экономика мало напоминала социалистическую, ибо с этого момента начинается гиперболическое накопление «теневого капитала», что, как вы понимаете, не свойственно социалистической экономике. О том, как «теневая экономика» влияла на развитие страны, может свидетельствовать эксперимент, проведенный в 80-е годы ОБХСС Куйбышевской области. В течение пяти дней на некоторых фермах, молокозаводах, мясокомбинатах, обувных фабриках и бензоколонках были перекрыты все известные милиции пути и средства расхищения. И сразу же на этих предприятиях произошло резкое повышение показателей производительности. Повысились даже надои молока. Что лишний раз доказывает, что достаточно было экономическими методами просто перекрыть кормушку, возможность самостоятельно извлекать прибыль и тогда большинство партфункционеров-барыг сами бы сбежали с руководящих мест, а экономика обрела бы второе дыхание.

К середине 80-х годов прошлого века, то есть к началу перестройки, Советский Союз и в самом деле испытывал экономические сложности — сильный перекоп в сторону военно-промышленного комплекса в ущерб лёгкой промышленности и иным «мирным» отраслям нашего хозяйства вызвал падение качества производимых товаров и появление дефицита, особенно в сфере розничной торговли; всюду действовали санкции, которые Запад ввёл против нас после ввода советских войск в Афганистан; отрицательно на пополнении госбюджета сказывалось и падение мировых цен на нефть...

Однако всё это было не смертельно, особенно, что касалось нефти и санкций — советская промышленность была достаточно развита, чтобы не обращать особого внимания на любые внешние колебания. Во всяком случае, на уровне жизни рядовых граждан это практически никак не сказывалось.

Более непростая ситуация была с товарами и услугами. Понятно, что здесь требовались преобразования. Какие? Напомню, что китайские коммунисты в своё время, запретив трогать кому-либо государственный сектор экономики, дали полный карт-бланш частной инициативе в других сферах — прежде всего в розничной торговле и в производстве товаров народного потребления. При этом государство жёстко регулировало все эти процессы, вплоть до плановых показателей частников. В результате сегодня Китай стал мировой экономической державой при сохранении в этой стране принципов социализма и власти коммунистической партии.

«Сегодня мы понимаем: партийно-хозяйственную элиту перестали устраивать те личные материальные возможности, которыми она обладала в рамках социалистической системы. Их уже не устраивали командировки за границу с суточными в 25 долларов, госдачи и казённые «Волги». Им хотелось уже иметь кредитные карточки, частные дома-виллы (и не только под Москвой), «мерседесы», яхты и самолёты. Советская номенклатура в 80-е годы скатывалась к повальному воровству и реставрации капитализма».

Начиная с 1987 года обязательный государственный заказ в ряде отраслей промышленности был снижен на одну треть, а в других — сразу на половину. Это означало,

что предприятия получали возможность сократить объёмы «обязательной» выпускаемой продукции, а всю продукцию, произведённую сверх госзаказа, реализовывать по свободным рыночным ценам. То есть предприятия получили возможность, по сути, бесконтрольно завышать расценки! Российский историк Александр Островский по этому поводу справедливо замечает:

«Если поставить вопрос: за счёт чего проще всего получить прибыль — за счёт увеличения производства и его качества или же за счёт простого увеличения цен, то даже самый недалёкий человек скажет: за счёт повышения цен. И действительно, как только руководителям предприятий была дана возможность самим сделать выбор, они направили свои усилия по самому простому пути».

Доказательством тому может служить специальная аналитическая справка, представленная в ЦК КПСС в октябре 1989 года. Там говорится, что сразу после внедрения принципов «хозяйственного расчёта» наценки по отношению к себестоимости товара выросли буквально в разы: «по шёлковым тканям они достигают 81 %, бельевому трикотажу — 97 % и чулочным изделиям — 104 %». В итоге: «Средняя розничная цена женского зимнего пальто в 1987 г. составила 259 рублей против 181 рубля в 1980 г. и 120 рублей — в 1970 г. В Москве практически отсутствуют в продаже женские зимние пальто дешевле 300 рублей. Московские швейные объединения «Салют» и «Вымпел» перешли на выпуск пальто по договорным ценам в размере 450–600 рублей, а на отдельные виды — по 650 рублей и выше».

Что это означало? А то, что недорогие товары стали исчезать из торговли — производить предприятиям их было невыгодно. Причём началось всё с одежды, а потом коснулось и всего остального. Ещё цитата из Александра Островского:

«Затем с прилавков магазинов стали стремительно исчезать такие необходимые в повседневной жизни товары, как мыло, синтетические моющие средства, домашняя обувь, школьная форма, карандаши, зубные щётки, керосин, каши, макароны, мука и т. д., то есть то, на чём невозможно сразу же получить крупную торговую прибыль»...

Масла в огонь подлило правительственное постановление, отменявшее предельный уровень заработной платы. Предприятия стали «рисовать» себе зарплаты такие, какие им заблагорассудится — порой в полном отрыве не только от требований государства, но и от самой экономической реальности! В итоге резко выросла денежная масса: если в 1985 году в обращении было 70,5 миллиарда рублей, то в 1990-м — уже 136,1 миллиарда!

Ещё одним шагом к разрушению советской экономики стали правительственные постановления о кооперации и об отмене государственной монополии внешней торговли. Нам тогда говорили, что кооператоры-бизнесмены якобы создадут альтернативный государству рынок, который в конкурентной борьбе удовлетворит потребности населения в любых товарах и услугах. Но это был очередной блеф.

Ведь все основные кооперативы стали создаваться при государственных предприятиях, которые стали аккумулировать там все свои доходы в ущерб развитию основных производств — по свидетельству видного советского экономиста Леонида Абалкина, «на 1 июля 1990 года из 210 тысяч кооперативов, существовавших в стране, 86 % действовали при предприятиях».

Важным подспорьем для них стала отмена госмонополии во внешней торговле. Теперь любое предприятие могло торговать с иностранцами, практически не делясь при этом с государством!

А в 1990 году Горбачёв принял решение о том, что вся внешняя торговля будет вестись только в долларах. Создав спрос на американские деньги, Горбачёв тем самым не только лишил свою родную страну традиционных рынков сбыта, не только передал Западу контроль над всей зоной внешнего влияния СССР, но и ещё больше усугубил положение на внутреннем рынке. Вот что говорят об этом свидетели:

«Новоявленная буржуазия принялась вывозить с наших складов всё — от сливочного масла, рыбы и мяса до круп, стущёнки, сахара и сухофруктов. Причём вывозили не только в страны СЭВ — в Германию, например, из Башкирии мясо гнали эшелонами в ущерб потребительским запросам населения самой Башкирии...».

Сразу после краха СССР в январе 1992 года опекаемое российским президентом Ельциным правительство Егора Гайдара отпустило цены — якобы чтобы ликвидировать товарный дефицит. При этом было обещано, что цены поднимутся не более чем в 3–3,5 раза. Но на самом деле они взлетели более чем в 50 раз! Вот что пишет по этому поводу Александр Островский:

«Российское правительство собиралось осуществить не переход к свободным ценам, а их искусственное повышение. Простым росчерком пера планировалось обесценить накопления предприятий и сбережения населения, ликвидировать огромный внутренний долг, резко снизить реальную заработную плату, а также расходы на пенсии, стипендии, пособия и т. д., иными словами, в несколько раз «удешевить» наш труд, увеличить степень эксплуатации трудящегося человека».

В итоге только за один 1992 год, как отмечают специалисты, уровень жизни основной части населения страны понизился более чем в три раза, скатившись к уровню... дореволюционного 1913 года.

Что же касается экономики, то здесь Гайдар совершил самую настоящую диверсию — были отменены все без исключения ограничения на ввоз в Россию импортных товаров. В частности, по налоговым сборам установили нулевой импортный тариф (то есть, ввезти в страну можно было что угодно и в каких угодно количествах, не заботясь о таможенных выплатах). Это обернулось крахом для отечественного производителя, который в силу разных обстоятельств зачастую просто не мог конкурировать с иностранцами.

Ситуацию усугубляло и то, что многие предприятия, особенно ВПК, были оставлены без правительственных выплат и дотаций. Это обернулось закрытием заводов и фабрик, массовой безработицей. Одновременно руководитель Госкомимущества Анатолий Чубайс начал процесс тотальной приватизации государственной собственности, которая в условиях наступившего кризиса уходила за бесценок — уникальные предприятия и целые морские порты, специально обесцененные российским правительством, передавались в частные руки, порой по цене... одного автомобиля.

Больше книг на сайте - Knigoed.net